

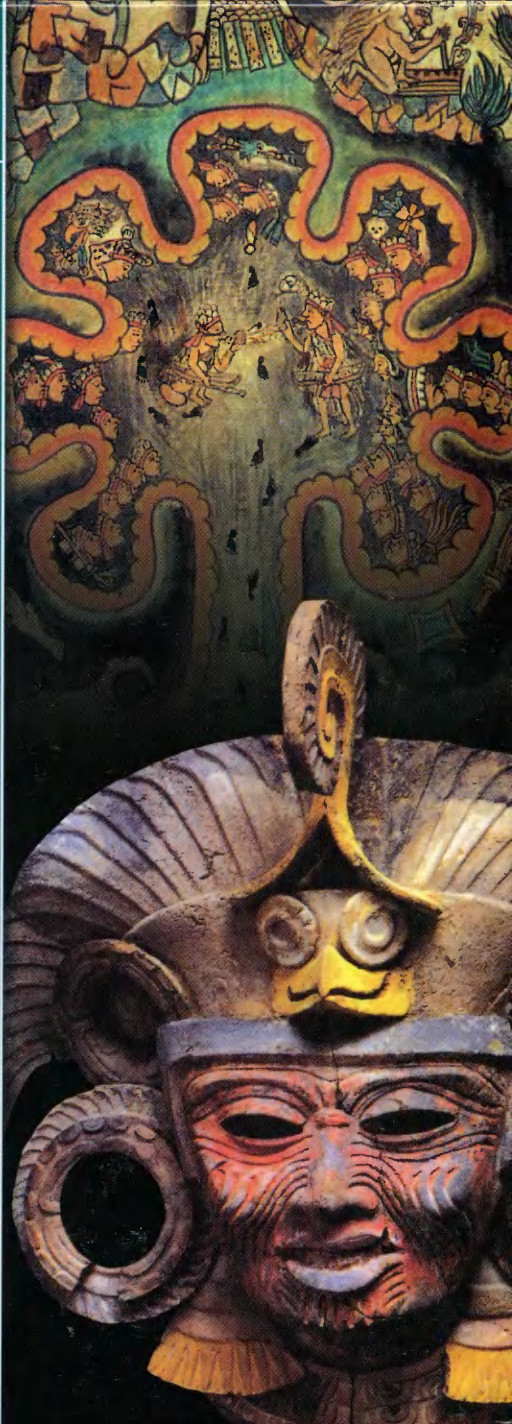

Жак Сустель

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

АЦТЕКОВ НАКАНУНЕ ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Жак Сустель

Jacques Soustelle
LES AZTÈQUES À LA VEILLE DE LA
CONQUÊTE ESPAGNOLE

ЖИЗНЬ АЦТЕКОВ НАКАНУНЕ ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

УДК 94(100)“653”(72)
ББК 63.3(7Мек)4
С 90

Scan By Vitautus

*Перевод с французского
Е. В. КОЛОДОЧКИНОЙ*

*Научная редакция и вступительная статья
доктора исторических наук, профессора
Г. Г. ЕРШОВОЙ*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

*Перевод осуществлен по изданию:
Jacques Soustelle. Les Aztèques à la veille de la conquête espagnole.
Paris, Hachette Livre, 1995.*

*Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.*

*Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).*

© Hachette Livre, 1995
© Колодочкина Е. В., перевод, 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2007
© «Палимпсест», 2007

ISBN 978-5-235-03021-3

Ацтеки, жившие в Центральной Мексике, сразу после открытия Америки стали своеобразным символом обитателей Нового Света. Яркость красок, пышность обрядов, богатство правителей столичного Теночтитлана, отвага воинов, необычность архитектуры, мрачность религиозных представлений — все поражало европейцев, заставших самый расцвет этой последней американской цивилизации.

О той сложной эпохе пятисотлетней давности, деликатно именуемой ныне «встречей двух культур», сохранилось, к счастью, немало свидетельств — их оставили и оправдывавшие свои кровавые «подвиги» конкистадоры (Эрнан Кортес, Херонимо Агилар или Берналь Диас), и решавшие задачу духовного взаимопонимания миссионеры (Бернардино Саагун, Торибио Мотолиния, Хосе Акоста), и даже искавшие свое место в новом обществе потомки индейской знати (Тесосомок, Иштлильшочитль, Чимальпаин). Однако вплоть до последнего столетия все эти хроники весьма пристрастных свидетелей использовались в основном не в пользу создателей погибших цивилизаций Нового Света.

И лишь в середине XX века ситуация стала меняться — развитие антропологии, археологические открытия, интерес к познанию феномена человека заставили ученых и общество по-иному оценить сохранившиеся сведения об общем прошлом человечества. Вме-

рашние «дикари» как бы вдруг предстали создателями великих цивилизаций, учеными, философами и изысканными поэтами, духовное наследие которых способно многому научить даже искушенных обитателей постиндустриального мира.

Конечно, в чем-то мезоамериканцы уступали евразийцам — у них не было тягловых животных, транспортных средств, животноводства, не использовался в хозяйственных целях металл. Однако отсутствие металлических орудий никак не повлияло на общее развитие цивилизации. В области астрономии и математики древние американцы не уступали своим заокеанским коллегам из Вавилонии и Египта. Переход к солнечному календарю был осуществлен практически одновременно, будучи приуроченным к прецессионному переходу начала нашей эры. А путь, самостоятельно пройденный народами Мезоамерики до XVI века, привел их к созданию государств, не уступающих древним империям Старого Света.

И тогда перед историками с особой остротой возникла проблема — откуда же появились эти великие цивилизации и как они сумели достичь удивительных вершин, не испытав столь привычного для традиционной истории внешнего влияния? Поиск ответа на этот вопрос превратился в увлекательнейшее научное расследование, которое еще очень далеко от своего завершения. Однако многое мы уже знаем.

Нам известно, что человек перебрался на американский континент около 35 тысяч лет назад, когда во время ледникового периода открылось неглубокое дно Берингова пролива. Вплоть до XI тысячелетия до н. э. этот мост — Берингия — закрывался и открывался еще два раза. В конце концов предки ацтеков, майя, инков и других многочисленных индейских народов оказались в изоляции от Старого Света, заселяя собственный континент, получивший намного позже название Новый Свет или Америка.

На протяжении тысячелетий индейские племена осваивали огромные земли, занимаясь охотой, рыболовством и собирательством. Предвестником взлета цивилизации стало появление очагов земледелия, которые

возникли в двух регионах — в Андах со стороны Тихоокеанского побережья и в Мезоамерике. Термин «Мезоамерика», то есть Средняя Америка, был введен немецким ученым Паулем Кирхгофом в 1943 году. Он подразумевает культурно-исторический регион от севера Мексики до Сальвадора и Гондураса, включая Гватемалу и Белиз. Культурное влияние этого региона распространялось и к югу, вплоть до Панамского перешейка.

Уже в XI—X тысячелетиях до н. э. территория Мезоамерики была освоена многочисленными племенами охотников на мамонта, бизона, оленя-карибу, верблюда, дикую лошадь и антилопу, вскоре оказавшихся истребленными. Начиная примерно с VII тысячелетия до н. э. климат становится суше и теплее, что создало условия для концентрации полуоседлого населения, а также вынудило это население осваивать иной тип хозяйства. Этот период принято называть «архаическим» или «периодом начального земледелия». Древние земледельцы выращивали авокадо, тыкву, фасоль, перец, амарант, хлопок. Центром развития прогрессивных форм хозяйства стала долина Теуакана в мексиканском штате Пуэбла. Именно здесь около V тысячелетия до н. э. появились первые версии культурных сортов маиса (кукурузы), а в IV тысячелетии развивается маисовое земледелие, которое вскоре становится основной формой хозяйства.

Древние мексиканцы развивали абстрактные знания и совершенствовали свои представления о мире. Около 2300 года до н. э. отмечен первый предмет не утилитарного назначения — это женская фигурка, массовое производство которых начинается лишь 700 лет спустя. С 1200 года до н. э. появляются фигурки, изображающие двухголовых или двуликих людей, которые символизируют дуальность существования человека. Тогда же, во II тысячелетии до н. э., трудолюбивые мексиканцы возвели ракушковидную пирамиду Куикуилько (на территории современного Мехико). Эта первая пирамида имела астрометрическое назначение и выполняла функции святилища, воплощая гору, в которой находилась легендарная пещера прапредков.

В археологии Мезоамерики принято выделять следующие археологические периоды:

Архаический — до 1500 г. до н. э.

Преклассический или формативный — 1500 г. до н. э. — 300 г. н. э.

Протоклассический (майя) — 150—300 гг. н. э.

Раннеклассический — 300—600 гг. н. э.

Позднеклассический — 600—900 гг. н. э.

Постклассический — 900—1520 гг. н. э.

Во II тысячелетии до н. э. на территории штатов Табаско и Веракрус возникает первая развитая цивилизация — ольмеки. Они, следуя задаче укрепления власти родовых вождей, создают ритуально-административные центры. Наиболее крупные из десяти известных ольмекских центров равномерно расположены вдоль побережья Мексиканского залива, на некотором удалении от моря. Это Трес-Сапотес, Лагуна-де-лос-Серрос, Сан-Лоренсо и Ла-Вента. Ольмекские протогородские центры имели сакральную, ориентированную по странам света планировку и воплощали религиозно-социальное устройство мира, в основе которого лежали знания о мире и космосе, культ предков и представления о реинкарнации (переселении душ). Монументальная скульптура — алтари, «гигантские головы», «сидящие» фигуры несли идею связи со страной предков, расположенной в направлении севера. К концу I тысячелетия до н. э. ольмеки проводят реформу календаря, переходя от лунного к солнечному. На основе традиционной идеографии они создают письмо, разрабатывают религиозно-идеологическую концепцию, главной фигурой которой считается Млечный Путь или Небесная Рептилия — Творец всего сущего, воплотившийся в образе «Пернатого Змея». Отсюда эта концепция, подкрепленная точным календарем, распространилась вскоре по всему Мезоамериканскому региону.

Практически одновременно с ольмеками создают цивилизацию их южные соседи — сапотеки. Начиная с 1200 года до н. э. в плодородных долинах Оахаки воз-

никают крупные поселения и наступает «городской период», когда вокруг церемониальных центров формируется обширное жилое пространство. Около 500 года до н. э. в долине Оахаки был основан Монте-Альбан, вскоре ставший административным, религиозным и торговым центром сапотек. В классический период это был город-государство с четкой социальной структурой. В Монте-Альбанае появляются погребальные камеры — каменные гробницы с нишами или крестообразные помещения, имитирующие жилище в антимире. Долгое время рядом с сапотеками жили их соседи — миштеки, чьи правители заключали браки с наследницами сапотекских знатных родов и оседали на их землях со своими родами в качестве союзников. Сходным образом позднее поступали и ацтекские правители.

Около 300 года до н. э. к северо-востоку долины Мехико возникает город-государство Теотиуакан, воплощающий разработанную ольмеками новую религиозно-идеологическую концепцию. Город считался форпостом мезоамериканской цивилизации, долгое время сдерживавшим вторжения воинственных варваров с севера, среди которых были и удачливые тольтеки, объявившие себя позже духовными наследниками Теотиуакана. Основные сооружения величественного города были выстроены вдоль более чем четырехкилометровой «Дороги Мертвых». «Профанная» часть города находилась на юге, а «сакральная» — на севере, на невысокой возвышенности. Сохранившиеся в легендах названия главных пирамид — Солнца и Луны — не противоречат астрономическому значению сооружений. В 200—600 годах Теотиуакан достиг вершины своего могущества, распространив влияние по всей Мезоамерике. Упадок города приходится на 650—700 годы, когда он теряет свое центральное положение. Следы огня во многих зданиях свидетельствуют, что падение Теотиуакана могло быть вызвано серьезным социальным конфликтом.

В начале нашей эры на территории штата Веракрус появляется городской центр Тахин. Он несет в себе все черты общемезоамериканской религии, но особенностью его становятся площадки для игры в мяч, которая

считается одним из наиболее ранних элементов мексиканских религиозных практик. Площадки для игры в мяч встречаются во многих городах Мезоамерики, воплощая путь перемещения между пространствами жизни и смерти. Да и сам четырехкилограммовый каучуковый мяч олицетворял человеческую голову.

Культура тотонаков, распространившаяся также на территории штата Веракрус, оставила немало игрушек на колесиках — что опровергает общепринятое мнение о том, что древние мезоамериканцы не знали этого механизма. Однако отсутствие тягловых животных обусловило не востребованность колеса, а это неизбежно становилось тормозом в развитии системы коммуникаций и, как следствие, цивилизации в целом.

Южным продолжением ольмекского культурного наследия стала культура Исапы (города Абах-Такалик, Эль-Баул и др.). Зона юга Мексики и Тихоокеанского побережья Гватемалы была заселена с середины II тысячелетия до н. э. Большинство памятников созданы сразу после «исчезновения» ольмеков, но до «появления» майя. В Исапе сформировался характерный для Мезоамерики городской ансамбль, состоящий из акрополей и архитектурных комплексов: прямоугольная площадь, вокруг которой располагались пирамидально-храмовые и дворцовые постройки; перед каждой постройкой свои стелы и алтари. Там же, в Исапе, впервые появился ансамбль: алтарь и стела. Средний уровень стелы занимало развитие основного сюжета, а верхний уровень символизировал возрождение новой жизни. Нижний уровень стелы, заменяемый алтарем, символизировал пространство перехода между мирами и страну мертвых.

Закат культуры Исапы совпадает с началом классического периода и становлением цивилизации майя (300—1530 годы), территория которой охватывала юг Мексики, Гватемалу, Белиз, север Гондураса и Сальвадора. Здесь возникают городские центры с подчиненными территориями — города-государства. Население наиболее крупных (Тикаль, Калакмуль, Караколь) достигало 50—70 тысяч человек. Во главе города находился правитель (ахау), которому подчинялись наме-

стники. Существовала сложная дворцовая иерархия — жрецы, военачальники, писцы, чиновники, церемониймейстеры. Основу общества составляли свободные общинники.

В классический период наивысшего расцвета достигает архитектура майя — активно воздвигаются церемониальные комплексы, условно называемые акрополями, с пирамидами и храмами, дворцовыми сооружениями и стадионами для игры в мяч. Стрoения группировались вокруг центральной прямоугольной площади. Здания возводились на массивных платформах. Выделяются два основных типа построек — дворцы и храмы на пирамидах. Дворцы — длинные, обычно одноэтажные здания. Переход по анфиладам комнат без окон напоминал лабиринт. Высота величественных каменных пирамид могла достигать 50—60 метров. На ней располагался храм, к которому вели лестницы. Пирамида воплощала прародину майя, и потому в ней размещалось захоронение — под основанием, в толще или под полом храма. Крышу храма венчали массивные лепные гребни. Здания покрывались красной краской. Перед ними ставились стелы — монолиты, покрытые рельефами, — и круглые алтари.

Майя разработали сложную картину мира, в основе которой лежали представления о реинкарнации души человека и бесконечном чередовании циклов мироздания. Для ее обоснования они использовали точные математические и астрономические знания, сочетающие циклы Луны, Солнца, планет и время прецессионного оборота Земли. Основой для астрометрических построений был зодиак из 13 созвездий. Система летоисчисления, да и счета в целом, у классических майя была значительно более точной, нежели европейская. Понятие математического нуля было разработано ими за несколько веков до индийцев и тем более европейцев. Усложнение научной картины мира потребовало разработки письменной системы на основе той, что существовала во времена ольмеков. Письмо майя было фонетическим и силлабическим, то есть каждый знак в нем передавал слог. Этим письмом записывались тексты на стенах зданий, стелах, алтарях, керамических со-

судах, а также в рукописных книгах — кодексах. Долгое время лингвисты всего мира бились над расшифровкой письма майя, но в 1952 году это удалось сделать русскому ученому Ю. В. Кнорозову.

В конце классического периода в X веке начинается тольтекское вторжение на земли майя, что приводит к массовым миграциям населения и запустению городских центров. Меняются ориентиры в идеологии и искусстве — культ царских предков утрачивает первоочередное значение и обоснованием власти правителя становится происхождение от легендарных «тольтекских завоевателей».

Но и в Центральной Мексике вскоре наступили перемены. В XII веке из-за неурядиц и мощного натиска очередной волны северных варваров созданное тольтеками государство погибло. После падения тольтекской столицы Тулы-Толлана науязычные беженцы из столицы тольтеков обосновались в южной части долины Мехико в городах Кулуакан и Шико — островках цивилизации среди диких полчищ чичимеков, которые быстро заполнили всю долину. Чичимеки — это собирательное название, включавшее любую группу «варваров», к которым относились и дикие кочевники — охотники и собиратели и оседлые земледельцы. В конце концов общины оставшихся тольтеков вынуждены были смешаться с вездесущими чичимеками — отсюда и возникли ацтеки, которые и до сих пор считаются наиболее многочисленным народом Мексики. Благодаря своей активности ацтекам удалось создать огромную «империю». Они не стеснялись заимствовать у встретившихся на их пути народов всё: культуру, религию, науку, обряды, женщин, политическую организацию и, конечно, богатства и территории.

Правда, ацтекские жрецы все подгоняли под себя. Унаследовав научные (прежде всего астрономические и математические) знания от своих предшественников, они значительно утратили их глубину и объем. Была забыта майяская традиция «долгого счета», позволявшая манипулировать большими числами и календарными периодами. В качестве самого долгого у ацтеков сохранился лишь 52-летний цикл, не позво-

ляющий нам сейчас точно реконструировать хронологию событий. У науа пользовалась популярностью философская поэзия, были широко распространены рисованные кодексы — но основой их была пиктография, а не фонетическое письмо. Ацтеки разработали сложное космогоническое учение, строившееся вокруг концепции «Пяти Солнц» и «конца света» — однако это также было всего лишь упрощенное наследие цивилизаций тольтеков и майя.

Если майя оставили в качестве источника письменные тексты, то с ацтеками нам удивительно повезло в другом — их живая и многогранная культура напрямую, через контакты с носителями, изучалась испанскими хронистами, которые отнюдь не стремились к созданию приключенческого образа гордого ацтека в перьях и золоте или философствующего поэта-декадента. Авторы сохранили память об ацтеке — обычном человеке, обладавшем не только высокими, но и обычными чувствами, эмоциями, в соответствии с которыми он строил свои отношения с окружающим миром. Соединить сведения разных источников с целью воссоздания повседневной жизни ацтеков накануне конкисты блестяще сумел Жак Сустель (1912—1990) — видный французский антрополог и политик, участник Сопrotивления и превосходный знаток древних культур Мезоамерики. Хотя первое издание его книги вышло еще в 1955 году, она до сих пор остается одной из лучших научно-популярных работ по истории Ацтекской империи.

*Галина Ершова,
доктор исторических наук, профессор,
директор Центра мезоамериканских исследований*

Покуда существует мир, честь и слава Мехико-Теночтитлана не должны быть забыты.

Чимальпаин Куаутлеуаницин

На протяжении двух-трех тысячелетий до нашей эры и вплоть до рокового 1519 года (год «Один-Тростник» по индейскому календарю), когда началось вторжение европейцев, на обширной территории Мексики сменилось множество разных цивилизаций, поочередно возвышаясь и обрушиваясь, точно морские валы. Поэтому нам следует точно определить интересующие нас место и время.

Мы будем описывать жизнь мексиканцев («мешиков»*, как они сами себя называли) в начале XVI века. В конце каждого индейского «века», который длился пятьдесят два года, отмечался великий праздник Нового Огня — праздник «связывания лет». Последний из таких праздников состоялся в 1507 го-

* «Мешика» — множественное число от «мешикатль». Ацтеки также называли себя «теночками» по имени их легендарного прародителя Теноча. В честь его якобы был назван и город Теночтитлан, хотя некоторые современные ученые допускают обратный вариант — Теноч был изобретен позднее, чтобы объяснить название города. В свою очередь, имя ацтеков производилось от страны Астлан, их прародины на западе Мексики (возможно, в современном штате Халиско). Правильное произношение этого имени — «астека» — перешло в европейские языки в искаженном виде, как и другие индейские слова: «Мехико» вместо «Мешика», «Монтесума» вместо «Мотекусома» и так далее. (*Здесь и далее прим. ред.*)

ду, в правление императора Мотекусомы (Монтесумы) II Шокойоцина Младшего. Мексиканская цивилизация тогда была на подъеме, в самом своем расцвете. Не прошло еще и века с тех пор, как первый из великих правителей мешиков Ицкоатль (1428—1440) основал союз трех городов, столицей которого стал Мехико-Теночтитлан. Именно здесь, на высоте 2200 метров, в долине, которую окружают вулканы, покрытые вечными снегами, на берегах и даже прямо на воде озер за несколько десятков лет образовалось самое обширное государство, какое только знала эта часть света.

Тогда, в 1507 году, никто от северных пустынь до знойных джунглей перешейка Теуантепек и от побережья Мексиканского залива до берегов Тихого океана не мог бы поверить, что огромная империя с ее культурой, искусством и богами рухнет через несколько лет в историческом катаклизме, по сравнению с которым даже падение Константинополя представляется относительно небольшим бедствием. Никто в Мексике не знал, что светлокожие люди, явившиеся из другого мира, уже в 1492 году обосновались на островах Восточного моря. Между первым путешествием Христофора Колумба и высадкой на континент Эрнана Кортеса пройдет двадцать семь лет — передышка в четверть века, на протяжении которой два мира, не знавшие друг о друге, жили бок о бок, разделенные проливом.

Народы-дети едва примечают друг друга
Поверх кустов, выросших за время их сна.

Эти строки Альфреда де Виньи всплывают в памяти, когда речь заходит о том странном моменте ожидания в истории. В Европе новый мир только начинал высвобождаться из средневековой оболочки. В том самом 1507 году, когда мексиканцы в очередной раз «связывали годы», зажигая новый огонь на вершине холма Уишачтекатль, Лютер был рукоположен в священники. Годом раньше Леонардо да Винчи написал «Джоконду», а Браманте начал сооружение собора Святого Петра в Риме. Франция ввязалась в итальянские войны; во Флоренции Никколо Макиавелли стал секретарем Совета

Девяти по организации милиции. Испания вернула себе все свои земли, нанеся поражение маврам в Гренаде; неукротимый порыв увлек ее каравеллы, ее воителей и миссионеров к недавно открытым землям. Но он пока еще не выплеснулся за пределы островов — Багам, Кубы, Гаити. На побережье континента испанцы ступили лишь в Гондурасе и Дарьене. Еще ни один белый не знал, что за Юкатанским проливом и Мексиканским заливом простираются огромные земли с городами, кишущими людьми, со своими армиями, государствами, храмами.

В Мексике тоже не ведали о судьбе, уже готовой постучаться в дверь. Император методично занимался благоустройством территорий, над которыми властвовали покорители народов мешики. Один за другим ему покорялись последние свободные города, отдаленные поселки в тропиках склонялись перед властью, исходящей с центрального нагорья. Конечно, кое-какие небольшие государства сохраняли независимость — например, аристократическая республика Тлашкала (Тласкала), окруженная империей со всех сторон, осажденная, отрезанная от торговых путей и внешних выходов, — но ведь для служения богам и прославления Солнца даже в мирное время должны продолжаться «войны цветов» — *шочийаойотль*, поставлявшие пленников для жертвоприношений.

Еще несколько лет — и пелена, скрывающая эти два мира друг от друга, будет прорвана. Они столкнутся — стальные шпаги с обсидиановыми мечами, пушки со стрелами и копьями, металлические шишаки со шлемами из перьев. Дворцы, пирамиды, насыпные дамбы-дороги через озера, каменные статуи и маски из бирюзы, шествия, сверкающие драгоценностями и султанами, жрецы, правители, священные книги — все это исчезнет и развеется, как сон. Попытаемся же успеть до наступления конца увидеть мерцающие отсветы, сияние и тени уже обреченного мира.

• • •

Поздно появившиеся на центральном плато Мексики мешики (их еще называли ацтеками в память об острове Астлан, их мифической прародине) считали себя наслед-

никами предшествующих великих цивилизаций. Их знания о прошлом ограничивались несколькими веками. Они считали, что пирамиды Теотиуакана, которые мы датируем примерно VI веком н. э., были построены богами сразу после того, как те создали луну и солнце. Искусство архитектора, скульптора и резчика, мозаики из перьев, изобретение календаря и письменности — всё, чем отмечена высокоразвитая культура, происходило, по их мнению, от прежних обитателей Тулы, тольтеков, расцвет которых приходится на X и XI века.

Мексиканцы относили Тулу и ее бога-правителя Кецалькоатля, «Пернатого змея», к сказочно далекому прошлому. Именно он, Кецалькоатль, и его подданные-тольтеки первыми начали заниматься ремеслами и приобрели все знания, которыми с тех пор пользовались в Мексике. Но черная магия Тескатлипоки, мрачного бога ночного неба, одержала верх, и сияющий Кецалькоатль, изгнанный из Мексики, уплыл по волнам Атлантического океана — «небесной воды» — или же, по другим преданиям, сжег сам себя на костре.

В хаосе, последовавшем за падением Тулы, северные кочевые племена, носившие общее название *чичимеки* (термин, равнозначный «варварам» у древних греков), накатывали волнами на центральное плато. Тут уже легенда сливается с историей. Именно в XII веке началось великое переселение народов, увлекавшее к югу одно за другим племена охотников и воинов, не знающие сельского хозяйства, не имеющие постоянных жилищ и тканой одежды. Соприкасаясь с остатками цивилизации тольтеков и с оседлыми земледельцами, не сдвинувшимися с места после падения Тулы, эти народы очень скоро основали собственные деревни и города и усвоили нравы своих предшественников. «Классический» язык *науатль*, на котором говорили мексиканцы, восторжествовал над грубыми диалектами захватчиков. Стали расти города — Колуакан, Аскапоцалько, Тескоко, где вельможи вели утонченную жизнь; эти города спорили за гегемонию в долине и попеременно вырывали ее друг у друга.

Вот в таком-то мире, странным образом напоминавшем итальянские республики эпохи Возрождения, скорые на конфликты, интриги и неожиданные развязки,

одно бедное племя, принятое враждебно и подвергнутое сотням унижений, в конце концов получило от своих могущественных соседей несколько болотистых островков на озере. Мешики устроили свою столицу (жалкое поселение из тростниковых хижин) вокруг храма неукротимого и ревнивого бога Уицилопочтли, который направлял их в странствиях на протяжении полутора веков. Вокруг — бесплодное болото, ни леса, ни камня для постройки зданий. Плодородные земли оставались в руках более древних городов, ревниво охранявших свои поля, леса и каменоломни. Скитальцы поселились в этих унылых местах в 1325 году и именно там увидели сидящего на кактусе орла со змеей в клюве — знамение, обещанное их богом. Им потребовалось еще пятьдесят лет, чтобы укрепиться и избрать своего первого правителя — Акамапичтли. Город мешиков был еще так слаб, а судьба его так ненадежна, что ему, чтобы выжить, пришлось признать господство Аскапоцалько, от которого он освободился только в 1428 году.

Никто не различил бы в этом невзрачном зародыше образ будущей империи: никто, кроме «носителей бога» — жрецов-воинов, которые окружали священное изображение Уицилопочтли во время переселения, передавали народу его пророчества и верили в его обещание господства. Они составили первое ядро правящего класса, который менее чем через двести лет вознес мешиков на вершину могущества.

В начале XVI века о первых трудных шагах напоминали только плавучие огороды — «чинампы» — которые еще сохранились на окраинах города, напоминая о тех временах, когда безземельным мешикам пришлось создавать сушу, набрасывая на плетеные плоты ил со дна болот. Мехико-Теночтитлан, настоящая Венеция Нового Света, горделиво выстроил на воде свои террасы и пирамиды. Имя его императора Мотекусомы стало синонимом великолепия и власти для двадцати разных народов*. Сюда потекли богатства из покорен-

* «Я слышал о великом государе по имени Мутексума», — писал Кортес императору Карлу V. Первая встреча испанцев с чиновниками Мексиканской империи состоялась на берегу Мексиканского за-

ных провинций, придавая городу еще большую пышность. Никогда еще со времен легендарной Тулы глазам мексиканских индейцев не открывалось столько чудес.

• • •

О Мексике времен первых контактов с европейцами мы знаем по нескольким разновидностям документов, которые можно сравнивать и сопоставлять.

Археологические раскопки в долине Мехико оказались плодотворными: чуть копнешь — и обнаружишь следы ацтекской культуры или ее предшественников. Здесь во множестве находили домашнюю и ритуальную глиняную посуду, орудия труда и оружие, скульптуры. Однако мешики, которые сжигали своих мертвецов, а не хоронили их, как, например, сапотеки и миштеки, не подарили нам почти неисчерпаемого источника находок, какой являют собой захоронения с орудиями труда, одеждой, украшениями. С другой стороны, в Мехико не сохранилось ни одного древнего здания из-за методического разрушения города испанцами во время и после осады 1521 года. Таким образом, возникает парадокс: архитектура более древних майя, живших в VII веке, известна нам гораздо лучше, чем архитектура мешиков XVI столетия. Затерявшись в джунглях Чьяпаса, храмы и пирамиды Паленке или Йашчилана выстояли под более чем тысячелетним натиском стихий и растительности, тогда как сооружения Мехико стали жертвами разрушительной воли людей.

лива, у нынешнего города Сан-Хуан-де-Улуа, на Святой неделе 1519 года. Их приветствовал Пиноль, губернатор провинции Куэтластлан, сопровождаемый двумя градоправителями и двумя сановниками, Тентлитлем и Куитлальпитоком, которых Берналь Диас называет Тендилом и Питальпитоком. В ацтекской версии событий, записанной Саагуном, встреча описывается следующим образом. После того как мексиканские вельможи прибыли на лодке и поднялись на борт, испанцы спросили: «Кто вы? Откуда?» Те ответили: «Мы из Мехико». Испанцы продолжали расспросы: «Верно ли, что вы мексиканцы, и как зовут мексиканского короля?» Они отвечали: «Господа, его имя Мотекусома». Далее последовал обмен подарками (мексиканцы преподнесли великолепные расшитые ткани, а испанцы — изделия из стекла), затем чиновники вернулись на берег и «день за днем, ночь за ночью находились в пути, чтобы сообщить обо всем Мотекусома и стать первыми, кто расскажет ему правду». В подтверждение своих

Однако период, о котором пойдет речь, отличается от всех прочих обилием письменных свидетельств. Мешки интересовались самими собой и своей историей, они были неутомимыми ораторами и большими любителями поэзии; они проявляли интерес к нравам и делам других народов. Наконец, они беспокоились о будущем, внимательно относясь к знамениям и жребиям. Отсюда множество книг — исторических или историко-легендарных, познавательных, ритуальных, гадательных, написанных по пиктографической системе, сочетающей в себе идеографическое и фонетическое письмо. Мексиканская цивилизация в изобилии создавала не только книги, но и делопроизводственную «макулатуру». В империи ацтеков усердно судились, и все тяжбы и споры порождали документацию: например, если две деревни спорили из-за участков плодородных земель, они предоставляли в подтверждение своих слов карты или планы, а также генеалогические древа, утверждающие права того или иного рода на эти самые поля.

Большая часть таких документов тоже была преднамеренно уничтожена после завоевания. Многие книги имели религиозную или магическую направленность, и епископ Сумаррага велел изъять их и сжечь вместе со многими светскими сочинениями, например историческими рассказами. По счастью, довольно большое количество книг избежало костра. С другой стороны, индейцы очень скоро осознали преимущества алфавитного письма, принесенного европейцами, по срав-

слов они несли императору не только подарки Кортеса, но и рисунки кораблей, пушек, лошадей и доспехов испанцев.

По мере того как испанцы проникали вглубь страны, они все чаще слышали о Мотекусуме и его могуществе. Мексиканцы в этой стране были «точно римляне», писал Диас. Вождь Олинтекутли целый вечер описывал испанцам величие Мехико, богатство и военную мощь императора: «Кортес и мы все были восхищены, слыша это». Слава о Мотекусуме гремела и за границами империи, у «дикарей» севера. Отец Сориано заявляет в одной неизданной рукописи, что Мотекусуме поклонялись племена отоми и пама. Даже сегодня в местности Сьерра-Горда, где некогда жили чичимеки, слово «моктесума» означает развалины древних городов. В наши дни Мотекусома живет в индейских сказках — он одновременно великий правитель и добрый колдун, обладающий волшебной силой и способный превращаться в орла и парить в облаках.

нению со сложной и малопонятной системой, которую они использовали прежде. Основываясь на древних пиктографических рукописях (некоторые из них, надо полагать, сохранились в семьях аристократов, несмотря на запрет), они составили — либо на мексиканском языке, но латинскими буквами, либо на испанском — драгоценнейшие исторические хроники. В их числе «Анналы Куаутитлана» и книги Чимальпаина Куаутлеуаницина, Тесосомока, Иштлильшочитля, которые в буквальном смысле слова напичканы самыми точными сведениями о жизни древних мексиканцев.

Наконец, сами испанцы оставили нам очень важные документы. Во главе первой волны нашествия, которую составляли столь же темные, сколь и храбрые солдаты, все-таки стоял незаурядный государственный деятель Эрнан Кортес, а в ее рядах находился прирожденный писатель, умеющий наблюдать и рассказывать, — Берналь Диас дель Кастильо. Письма Кортеса Карлу V и воспоминания, которые Берналь Диас, вернувшись на родину, продиктовал перед смертью, представляют собой первые свидетельства европейцев о доселе неведомом мире. Письма Кортеса более продуманны, рассказы Диаса непосредственны, забавны и трагичны*. Конечно же ни тот ни другой не стремились к отвлеченному созерцанию и постижению; их взгляды устремлялись прежде всего на укрепления и вооружения, на богатства и золото. Они не знали ни слова из языка индейцев, который словно удовольствия ради немилосердно коверкали всякий раз, когда цитировали. Они были искренне возмущены религией мешиков, которая показалась им предосудительным и отвратительным набором сатанинских ритуалов. Но, несмотря ни на что, их свидетельство сохраняет громадную доку-

* Берналь Диас, позже приписавший себе громкое дворянское имя «дель Кастильо», на самом деле был рядовым солдатом завоевательных походов, ничем не отличившимся в боях. Свои «Записки» он писал для того, чтобы приукрасить собственный образ и укрепить положение в обществе. Очень часто его рассказы являются пересказами свидетельств других авторов или даже выдумками. Литературный дар помог Берналю Диасу вполне пристойно прожить старость и обеспечить свое многочисленное потомство.

ментальную ценность, ибо благодаря ему мы видим то, чего уже больше никто после них не увидел.

Вслед за солдатами пришли миссионеры. Самый известный среди них, отец Бернардино де Саагун, прибыл в Мексику в 1529 году. Изучив науатль, научившись писать на этом языке под диктовку образованных индейцев, прибегая к помощи индейских художников, чтобы проиллюстрировать свою рукопись, Саагун создал замечательный памятник — «Общую историю дел в Новой Испании». Это произведение, которому он посвятил всю свою жизнь, навлекло на него подозрения в ереси, и его рукописи дважды изымались властями — в 1571 и 1577 годах. Он умер в Мехико в 1590 году, попросившись с «сыновьями своими индейцами» и так и не увидав изданным ни малейшего фрагмента своего труда. Другие монахи — например, Торибио Моголинья, — хоть и не сравнившись с Саагуном, также оставили почтенные труды.

К этим первостепенным источникам следует добавить зачастую безымянные «Описания» и «Сообщения», составленные в XVI веке испанцами — священниками, чиновниками, магистратами, — которые являют собой кладезь информации, хотя с ними и нужно обращаться осторожно, поскольку их авторам редко было присуще критическое суждение. Следует также сослаться на многочисленные пиктографические записи индейцев, созданные после завоевания, — либо исторические повествования, такие как «Кодекс 1576 года», либо судебные документы, ибо любовь индейцев к сутяжничеству, разделяемая испанцами, находила выражение во множестве разбирательств по самым разным поводам, оставивших нам уйму полезных сведений. В общем, на эту тему существует богатая литература. Она позволяет нам составить о последнем периоде существования мексиканской цивилизации представление — хоть и неполное, поскольку остается множество загадок, но всё же живое и расцвеченное подробностями.

• • •

Чтобы не допустить анахронизмов и путаницы, нам следует установить для себя пространственные и временные рамки. Мы намерены описать прежде всего го-

родскую жизнь, жизнь обитателей Мехико-Теночтитлана. Тем не менее существовало очевидное единство культуры между этим городом и некоторыми его соседями — в частности, Тескоко, расположенным на берегу большого озера. Поэтому нет ничего предосудительного в том, чтобы почерпнуть кое-какие сведения из исторических источников Тескоко, а также позаимствовать при случае некоторые элементы нашего описания у таких центров, как Шочимилько, Чалько, Куаутитлан и т. д. В самом деле, есть все основания полагать, что условия жизни во всей долине Мехико или, по крайней мере, в городах были очень похожи.

Вместе с тем нельзя обойти молчанием тему Мексиканской империи, власть, экономика, политические волнения и религиозные воззрения которой оказывали мощное воздействие на столицу. Эта империя начала складываться в XV веке в виде тройственного союза, трехглавой лиги, объединившей города-государства Мехико, Тескоко и Тлакопан (ныне Такуба); эта лига сформировалась сама собой вследствие войн, уничтоживших гегемонию другого города долины — Аскапоцалько. Но первоначальный характер тройственного союза быстро изменился. Под упорным давлением мексиканцев привилегии и независимость сначала Тлакопана, а потом и Тескоко были урезаны. В начале XVI века правители Тлакопана и Тескоко теоретически оставались равноправными союзниками мексиканского императора, однако это товарищество в большой степени носило почетный характер. Правитель ацтеков вмешивался в вопросы наследования обеих династий, вплоть до того, что сажал на трон своих подручных, которые, по сути, становились имперскими чиновниками. Когда Кортес вступил в Мехико, его встречал Мотекусوما в сопровождении обоих правителей и некоторых назначенных им наместников — статус первых почти приравнивался к положению вторых. Дань, взимаемая с провинций, теоретически по-прежнему распределялась между тремя главными городами в пропорции, установленной изначально (по $\frac{2}{5}$ Мехико и Тескоко, $\frac{1}{5}$ Тлакопану), но многочисленные факты наводят на мысль о том, что император Те-

ночтитлана на самом деле делил все сам, как хотел. Лига постепенно превращалась в единое государство.

К концу царствования Мотекусомы II империя состояла из 38 обложенных данью провинций, к которым следует присовокупить небольшие государства неопределенного статуса, расположенные вдоль пути караванов и армий между Оахакой и южными рубежами Шоконочко. Она достигала обоих океанов: Тихого у Сиуатлана и Атлантического вдоль побережья Мексиканского залива, от Точпана до Точтепека (ныне Туспан, штат Веракрус, и Тустепек, штат Оахака). На западе она граничила с цивилизованным племенем тарасков из Мичоакана*, на севере — с кочевниками-чичимеками, жившими охотой, на северо-востоке — с уастеками, дальним ответвлением от древа майя. На юго-востоке независимая, но союзная провинция Шикаланко образовывала своего рода буферное государство между центральными мексиканцами и майя Юкатана. Некоторое количество княжеств или племенных объединений сохранили независимость от Мехико, либо став анклавными на территории империи, либо располагаясь по ее границам: это относилось к говорящей на языке науатль республике Тлашкала на центральном плато, к княжеству Мецтитлан, говорившему на том же языке и расположенному в горах северо-востока, к маленькому государству йопи на побережье Тихого океана и к горцам *чинантекам*, которые занимали неприступный массив между равниной на берегу залива и долинами Оахаки (там они живут и сегодня).

Что до самих провинций, то каждая из них в большей степени представляла собой податную, нежели политическую единицу. В каждом «административном центре» проживал чиновник «кальпишки», в обязанность которого входило взимание дани; тем его роль и ограничивалась. Наместники, назначаемые центральной властью, были только в некоторых пограничных

* Столица Мичоакана (на языке науатль — «страна повелителей рыбы», то есть рыбаков) находилась в Цинцунцане, на берегу большого озера Пацкуаро. Мешики тщетно пытались ее завоевать, пока император Ашайякатль не потерпел серьезное поражение в сражении при Ташимаро.

крепостях или в недавно покоренных землях, например, в Остомане для защиты от тарасков, в Сосолане в краю миштеков, в Оахаке, в Шоконочко на рубеже земель майя — в целом, в 15—20 городах. В других местах «провинция» образовывала лишь учетные рамки, внутри которых поглощенные города обладали самым различным статусом. Одни сохранили своих собственных вождей при единственном условии — платить дань; других принуждали посылать императору более-менее обязательные подарки или давать кров и пищу войскам и проезжим чиновникам; третьи, подвергшиеся более плотной колонизации, получили новых правителей, назначенных из Мехико. В любом случае, каждый город сохранял свою административную и политическую автономию с единственной оговоркой: он должен был платить дань, поставлять войска и передавать тяжбы на рассмотрение в последней инстанции в суды Мехико или Тескоко. Так что настоящей централизации не было; то, что мы называем империей ацтеков, было, скорее, не слишком сплоченной конфедерацией городов-государств и общин, обладающих различными статусами. До самого конца политическая мысль мещиков не пойдет дальше города (*альтенетль*) — автономной базовой единицы, которая может объединяться с другими или подчиняться другой, но при этом остается основной ячейкой государственного устройства. Империя была мозаикой, состоящей из городов.

Но и в таком виде ее существование должно было повлиять на главный город и изменить условия жизни в нем. В виде дани или предметов торговли в Мехико стекались изделия из всех провинций: тропические плоды, поначалу неизвестные на центральном нагорье, хлопок, какао, шкуры диких животных, разноцветные перья, бирюза, нефрит*, золото. Таким образом, в Теночтитлане смогла зародиться роскошь — роскошь в одежде и украшениях, роскошь в еде, роскошь в жилищах и их убранстве, основанная на значительном ко-

* В отечественной литературе «нефритом» принято называть все индейские «зеленые камни». Корректнее именовать этот камень жадеитом или жадом. Именно жадеит считался самым драгоценным для мезоамериканских индейцев камнем.

личестве товаров всякого рода, которые беспрестанно прибывали в столицу со всех концов конфедерации.

С другой стороны, сформированная таким образом империя, включавшая только что присоединенные районы, например Оахаку, оказалась очень беспокойной. Вечно какой-нибудь город стремился вернуть себе суверенитет, отказывался платить дань, расправляясь с кальпишки и его помощниками*. Приходилось тотчас отправлять военную экспедицию, чтобы восстановить порядок и покарать бунтовщиков. Мексиканский воин переставал быть крестьянином-солдатом, каким являлся изначально, всё в большей степени превращаясь в профессионального военного, постоянно находящегося в походе. Словно покров Пенелопы, огромную империю (тем более что обходили ее пешком, преодолевая серьезные природные препятствия) приходилось постоянно ткать заново. Поэтому мешик, и без того воинственный по своему темпераменту и по традиции, редко выпускал из рук оружие. Протяженность территорий до бесконечности затягивала походы или вынуждала правителя содержать в самых отдаленных местах постоянные гарнизоны. Так что мешики далеко ушли от первоначальной жизни племени, когда каждый взрослый мужчина чередовал военную службу с возделыванием своего участка земли, меняя периодически копье на коа**. Отсюда пошла мысль о том, что дело ацтеков — воевать, а дело других народов — работать на них.

Наконец, эта империя включала большое количество инородческих племен, говоривших на сильно отличающихся друг от друга языках. Вероятно, центральные провинции населяли в основном науа, но с ними уже соседствовали отоми, говорившие на своем непонятном языке и почитавшие своих древних богов

* Так, например, провинция Куэтластлан на берегу Мексиканского залива взбунтовалась против Ашайякатля в году *чичунавиакатль* («Девять-Тростник»), то есть 1475-м. Куэтластеки заперли мешиканских сборщиков налогов в доме и подожгли его.

** Коа («уйктли» на языке ацтеков) — сельскохозяйственное орудие индейцев, «палка-копалка», расширяющаяся над острым концом наподобие заступа. Им до сих пор пользуются в некоторых областях.

солнца, ветра и земли; на севере жили опять-таки отомы, составлявшие основную массу населения в Куауакане, Шилотепеке, Уэипочтле, Атокпане. На северо-востоке и на востоке жили уастеки в Ошитипане, тотонаки в Точпане и Тлапакойяне, масатеки в Точтепеке. На юго-востоке — миштеки в Йоальтепеке и Тлачкиауко, сапотеки в Койолапане; на юге, «по дороге» в Шоко-ночко, — майя; на юго-западе — тлапанеки из Киаутеопана, куитлатеки и *кошки* из Сиуатлана и Тепекуакулько; наконец, на западе — масауа и матлальцинки из Шокотитлана, Толокана (ныне Толука), Окуилана и Тлачко (ныне Таско). Обычай и верования этих разных народов неизбежно оказывали влияние на главенствующую народность. В рассматриваемую нами эпоху мешики пристрастились к украшениям из перьев, перьяв их у населения тропических зон, к янтарным* украшениям, вставляемым в нижнюю губу, позаимствовав их у майя из Цинакантлана, к пестрым и украшенным вышивкой одеждам из хлопка, бывшим в употреблении у тотонаков, к золотым украшениям миштеков. Они почитали богиню плотской любви уастеков и отмечали каждые восемь лет праздник масатеков в честь планеты Венера — *Атамалькуалицитли*, «праздник, когда едят тамали из воды», во время которого подавали сосуд, наполненный водой, со змеями и лягушками, и масатеки глотали их живьем. Они были восприимчивы к чужой религии, двери их пантеона были широко открыты; в нем с легкостью находили себе место божки крестьянских племен, например Тепоцтекатель — божество урожая и опьянения, почитавшееся в Тепоцтлане, небольшом городке, завоеванном мешиками при Ауисотле. Некоторые ритуалы сопровождались песнопениями на чужих языках.

Так до разрушительного вмешательства испанцев протекала история и общественная жизнь, приведшая мешиков от положения простого племени странствующих земледельцев, равных в бедности, к положению

* Янтарь в Мексике встречается в горах штата Чьяпас. Он обычно прозрачного светло-желтого цвета, появляется в сравнительно поздних геологических слоях и потому качество мексиканского янтаря считается достаточно низким.

главенствующего города-государства, господствующего над самыми разными землями и странами. Возвышение руководящего класса, состоящего из воинов, жрецов и чиновников, упрочение положения торговцев, начинавших пользоваться важными привилегиями, развитие монархической власти глубинным образом преобразили старое племенное общество. Как и на закате Римской республики, официальная идеология тщетно прославляла аскетизм былых времен, а уложения против роскоши так же тщетно пытались сдержать ее буйство.

Однако за пределами блестящих и богатых городов крестьяне — науа, отоми, сапотекы и другие — продолжали вести свою безвестную жизнь, исполненную терпения и труда. Мы почти ничего не знаем о *масеуалли* (простолюдине), питавшем своим трудом горожан. Порой его изображали в живописи и скульптуре в одной набедренной повязке, поскольку расшитые плащи были ему недоступны. Его шалаш, его поле маиса, его домашние животные и маленькая моногамная семья, его узкий горизонт не интересовали индейских и испанских хронистов, которые в своих исторических повествованиях и описаниях упоминали о нем, можно сказать, лишь в скобках. Однако здесь о нем следует вспомнить — хотя бы ради того, чтобы ощутить его молчаливое присутствие в тени блестящей городской цивилизации. Тем более что после катастрофы 1521 года, после полного крушения власти и идеологии, общественных институтов и верований выжил только он и живет до сих пор.

ГОРОД

Происхождение и местоположение

В самом названии имперской столицы кроется тайна. Двойное название Мехико-Теночтитлан издавна вызывает вопросы. «Теночтитлан» переводится легко: это место «теночтли» — кактуса опунции с твердыми плодами, изображенного на иероглифе*, который обозначает город. Но что значит «Мехико»? Некоторые, как Бейер, искали ключ к этому слову в остальных элементах знака, то есть в орле, который сидит на кактусе и держит в клюве змею. Этот орел — символ Мешитля, то есть Уицилопочтли, великого национального бога. Другие подходят к этимологии этого названия, опираясь на авторитет отца Антонио дель Ринкона: они выделяют в нем корни слов «мецтли» — «луна» и «шиктли» — «пуп» или «середина». Таким образом, Мехико — это «(город) посреди (озера) луны»: в самом деле, в древности озеро носило название Мецтлипан. В пользу этой версии говорит тот

* В Мезоамерике иероглифическая письменность возникла еще у ольмеков в I тысячелетии до н. э. Майя на этой основе создали развитое фонетическое (силлабическое) письмо, которое в 1952 году было дешифровано Ю. В. Кнорозовым. Ацтеки, видимо, не сумели приспособить для своих нужд развитую майяскую систему и пользовались теми же письменными знаками — иероглифами по-другому — их письмо носило идеографический характер, то есть иероглифический знак являлся носителем смыслового значения.

факт, что соседний народ отоми обозначал город двойным названием «анбондо амадецана»: «бондо» на языке отоми означает «опунция», а «амадецана» — «посреди луны».

Орел, сидящий на кактусе и пожирающий змею, герб нынешней Мексики — всего лишь точное воспроизведение иероглифического знака, обозначавшего ацтекский город. Его изображение в окружении тростника и соломенных хижин приводится, в частности, в «Кодексе Аубин 1576 года». Орел и кактус, но без змеи, встречаются и в «Кодексе Мендосы»* с подписью: «Теночтитлан». На самом деле это всё та же картина, напоминающая о происхождении города — одновременно чудесном и очень скромном. Даже достигнув вершины славы, мешики не забыли, что их город был основан ничтожным племенем на болотах.

Один из традиционных рассказов повествует о том, как старики сначала обнаружили «посреди камышей, посреди тростника» некоторое количество растений и животных, о которых возвестил им бог Уицилопочтли: белую иву, белую лягушку, белую рыбу и т. д. Мифическая прародина мешиков, островок посреди озера, назывался Астлан (отсюда «астеки» или «ацтеки»), и в этом названии заключено понятие «белизна». «И когда они их увидели, старцы заплакали и сказали: “Значит, здесь будет (наш город), поскольку мы видели то, о чем нам возвестил Уицилопочтли”. Но на следующую ночь бог призвал жреца Куаукоатля (Змея-Орел) и сказал ему: “О Куаукоатль! Ты видел всё, что там есть, среди тростника, и ты этому подивился. Но послушай: есть и еще одно, чего ты не видел. Ступай же немедленно и найди кактус *теночтли*, на который радостно сядет орел... Именно там мы поселимся, будем властвовать, будем

* «Кодекс Мендосы» — исторический документ первостепенной важности, составленный индейскими писцами по приказу вице-короля дона Антонио де Мендосы (1535—1550) для представления императору Карлу V. Корабль, который вез его в Испанию, был перехвачен французскими корсарами, и «Кодекс» попал в руки Андре Теве, королевского космографа, имя которого упомянуто на цитируемой здесь странице. В настоящее время «Кодекс» хранится в Оксфорде, в Бодлеянской библиотеке.

ждать и встретим различные народы, которые покорим стрелами и щитом. Именно там будет наш город Мехико-Теночтитлан, там, где орел издаст крик, раскроет крылья и вкусит пищи, там, где плавают рыба, там, где пожрана змея; Мехико-Теночтитлан, где свершатся великие дела!"»

Куаукоатль тотчас собрал мешиков и передал им слова бога. Они пошли вслед за ним по болоту, посреди водяных растений и тростника, и вдруг «у края пещеры они узрели орла, сидящего на кактусе, радостно пожирая змею... и бог окликнул их и сказал: "О мешики, это здесь!" Тогда они заплакали, восклицая: "Наконец-то мы стали достойны (нашего бога), мы заслужили (награду), мы видели знак и подивились ему: здесь будет наш город"». Это произошло в году *оме акатль* — «Два-Тростник», то есть в 1325 году н. э.

В «Кодексе Аскатитлан» начало жизни мешиков в Теночтитлане символически изображено картинкой, на которой одни индейцы, сидя в лодке, ловят рыбу удочкой или сетью, другие загоняют палками рыбу в расставленные сети; кругом — пучки тростника и водяные птицы.

Таким, наверное, и был образ жизни мешиков того времени. Они ничем не отличались от прибрежного населения, проживающего вне городов, которое занималось в основном рыболовством и охотой на водяных птиц. Их называли «атлака чичимека» — «озерные дикари». Их оружием были сети и *атлатль* — приспособление для метания копий и дротиков, который используют для охоты на озерных птиц даже в наши дни. У них были свои боги: Атлауа («носящий *атлатль*»), Амимитль (от «митль» — «стрела» и «атль» — «вода») и Опочтли* («левша», «мечущий стрелы левой

* Опочтли был богом прибрежного поселка Уичилат, населенного чичимеками, а также богом воды. Его оружием были стрелы, предназначенные для охоты на уток, и устройство для их метания. Водный бог был левшой, как и Уицилопочтли («опочтли» — «левый», «левша»; «уицилопочтли» — «колибри-левша» или «драгоценный левша»); оба бога считались большими друзьями. Поселок, где поклонялись озерному богу, после прибытия мешиков стал называться Уицилопочко — «место Уицилопочтли» (ныне Чурубуско).

рукой») — этих богов еще помнили в Мехико в классическую эпоху. На взгляд горожан из Колуакана, Аскапоцалько и Тескоко, мешики были ничем не лучше других «озерных дикарей». Когда на первых порах им потребовались брус, доски и камни для строительства города, они пошли к жителям городов, стоявших на твердой земле, чтобы выменять стройматериалы на рыбу и водных животных. «Они выстроили бедный, жалкий дом Уицилопочтли. Молельня, которую они ему воздвигли, была очень мала, ибо, поселившись на чужой земле, среди камышей и тростника, где нашли бы они камни или дерево?.. Мешики объединились и сказали: “Купим же камень и дерево за то, что живет в воде, — рыбу, *ашолотль*^{*}, лягушек, раков, *аненецтли*^{**}, водяных змей, водяных мух, червей из озер, уток, *куачилли*^{***}, цапель и всех птиц, что живут на воде. На это мы купим камни и лес”. В начале XVI века в память об этой эпохе раз в год устраивался праздник во время месяца *эцалькуалицтли*. Жрецы совершали ритуальное омовение в озере, и один из них, *чальчужуакуилли* (буквально — «жрец драгоценного камня», то есть воды), произносил ритуальные слова: «Здесь гнев змеи, зудение водных комаров, полет утки, шорох белых камышей». После чего все погружались в воду и били по ней руками и ногами, подражая крикам озерных птиц: «Некоторые кричали по-утиному, другие — как серые и белые цапли или ибисы». Тот же самый ритуал повторялся четыре дня подряд.

Есть все основания полагать, что явление орла со змеей Куаукоатлю и его спутникам произошло на том самом месте, где в XV веке был построен храм Уицилопочтли, то есть чуть дальше к северо-востоку от нынешнего собора и примерно в трехстах метрах в том же направлении от центра большой площади, которая сегодня называется Сокало. Все рассказы сходятся в том, что первый храм (который был всего лишь «мо-

* Ашолотль, или аксолотль — хвостатое земноводное причудливого вида, название которого по-ацтекски означает «игрушка из воды».

** Аненецтли — пресноводная креветка.

*** Куачилли — хохлатая утка-нырок.

лельней», *айаукалли*) был построен точно в этом месте. Сменявшие друг друга правители ничего не пожалели, чтобы воздвигнуть Уицилопочтли храм, достойный его, но всегда на том же месте — священном, указанном самим богом; там царствование за царствованием воздвигались здания, пирамиды и святилища. Вокруг этого национального религиозного центра возникли императорские дворцы. Отсюда же расходились основные дороги, вдоль которых разрасталась столица. Мексиканский город — это прежде всего храм: иероглиф, означающий «падение города», изображает полуразрушенный и подожженный храм. В «доме бога» (таков смысл ацтекского слова *теокалли*, «храм») заключается само существо города, народа и государства.

Изначальный центр Мехико стоял на твердой, каменистой почве: храм выстроили «рядом с пещерой» — «остотемпа». Изначально это был остров посреди болот, в широкой бухте озера. Берег описывал вокруг Теночтитлана широкую дугу, по которой выстроились города и поселки: Аскапоцалько и Тлакопан — на западе, Койоакан — на юге, Тепейакак — на севере. К западу простиралось большое соленое озеро Тескоко, к югу — пресные воды озер Шочимилько и Чалько. Над поверхностью бухты вокруг Теночтитлана поднимаются острова и островки, в том числе и остров, который сначала называли Шальтелолько («бугорок песка»), потом — Тлателолько («бугорок земли»), расположенный сразу же за тем местом, где построили храм Уицилопочтли. Остров Тлателолько отделялся от Теночтитлана только рукавом озера, через который позже перебросили мост.

А теперь представьте себе изнурительный труд первых поколений мешиков, приспособивавших для жилья эту россыпь островков, песчаных и илистых отмелей, более или менее глубоких болот. Народ-амфибия в земноводной среде, ацтеки были вынуждены создавать почву, набрасывая ил и грязь на решетки из тростника (*чинампы*), рыть каналы, возводить насыпи, строить дороги и мосты. По мере прироста населения решать градостроительные проблемы становилось все сложнее. То, что в таких условиях усилиями безземельного народа был выстроен большой город — настоящее чу-

до изобретательности и упорства этих людей. Гордость, которую они выказывали позднее, была вполне оправданной. Какой путь был проделан от жалкого хуторка из соломенных хижин, жмущихся к тростникам, до великолепной метрополии XVI века! Неудивительно, что ацтеки глубоко ощущали величие судьбы, превратившей их, бедных и сирых, в богатых и могущественных.

Размеры и население

Ко времени испанского завоевания недавно возникший «Большой Мехико» включал в себя города Теночтитлан и Тлателолько. Тлателолько населяла группа, отделившаяся от племени мешиков, которая создала свой собственный город и правители которой принадлежали к династии, происходившей из Аскапоцалько. Этот город преуспевал в войне и торговле. Но правители мешиков не могли бесконечно терпеть присутствия одновременно родственного и конкурирующего города, находящегося на расстоянии полета стрелы. Предлог к конфликту предоставили сами тлателольки. Их правитель Мокиуиштли, женатый на сестре императора Ашайякатля, относился к своей жене пренебрежительно; с другой стороны, кипучий и честолюбивый, он пытался создавать с другими городами долины союзы против Мехико. Отношения обострились до такой степени, что разразилась война: в 1473 году ацтеки заповолонили Тлателолько и захватили главный храм. Мокиуиштли, сброшенного с вершины пирамиды, разорвали на куски. С тех пор Тлателолько утратил свою независимость и был включен в состав столицы под началом наместника.

Таким образом, город простирался с севера на юг от северной границы Тлателолько, напротив прибрежного поселка Тепейякак, до самых болот, постепенно переходивших в озеро; южная граница города была отмечена рядом поселений с говорящими названиями: Тольгенко («у края камышовых зарослей»), Акатлан («место тростника»), Шиуитонко («луг»), Атицапан

(«белесая вода»), Тепетитлан («рядом с холмом»), Аманалько («водоем»). На западе он заканчивался примерно на месте нынешней улицы Букарели, у Атлампы («на краю воды») и Чичимекапана («река чичимеков»). На востоке город тянулся до Атлиско («на поверхности воды»), где плескались воды озера Тескоко. В целом город образовывал квадрат со стороной примерно в три километра, покрывая площадь в тысячу гектаров; в этой связи можно напомнить, что Рим в границах стены Аврелиана занимал 1386 гектаров. Вся эта территория была преобразована двухсотлетним трудом в геометрическую сеть каналов и насыпей, расположенных вокруг двух основных центров: главного храма и площади Теночтитлана, главного храма и площади Тлателолько. В отдельных кварталах существовали свои многочисленные второстепенные центры.

«Кварталы» относятся к самым непонятным темам, связанным с Мехико. Можно с уверенностью утверждать, что в основе ацтекского общества, а следовательно, и территориального деления — проекции общества на землю, — находилась единица, называемая *кальтулли* («группа домов») или *чинанкалли* («дом, окруженный изгородью»). Этот термин испанские хронисты обычно переводили как «баррио» (квартал), а современные американские авторы называют «кланом». Я склонен думать, что испанцы лучше поняли реальное положение дел, чем нынешние археологи. Слово «клан», указывающее на определенные правила брака и наследования, или даже «тотем», на мой взгляд, менее соответствует известным фактам, чем слово «квартал», обозначающее территориальную единицу. *Кальтулли* был прежде всего территорией, коллективной собственностью определенного числа семей, которые делили его между собой, чтобы использовать согласно правилам, которые мы изложим ниже. Он обладал примитивной автономией управления, осуществляемого выборным главой (*кальтуллек*), и собственным храмом.

Вероятно, *кальтулли* оставались главной ячейкой племени во время переселения и вплоть до основания города. Сколько их тогда было? Нам известны названия

семи первоначальных *кальтулли*, но нельзя с уверенностью утверждать, что их не было больше. Альварадо Тесосомок, автор «Мексиканской хроники» («Хроника Мешикайотль»), насчитал пятнадцать *кальтулли* в те времена, когда ацтеки прибыли в Тулу, то есть в конце XII века. Возможно, в начале городского периода их было двадцать, но это не доказывает, что их число не увеличилось с XIV по XVI век. Во всяком случае, к ним нужно присовокупить *кальтулли* Тлателолько после его аннексии; нам известны семь из них, которые были кварталами торговцев, но следует предположить, что были и другие. Наконец, некоторые кварталы, например, Амантлан, населенный ремесленниками, создававшими мозаики из перьев, были присоединены к городу в относительно недавнюю эпоху. Как бы то ни было, на плане Мехико, составленном в 1789 году великим эрудитом Альсате, указано не менее шестидесяти девяти мест, говорящие названия которых восходят ко временам Теночтитлана и Тлателолько. Нельзя утверждать, что все они соответствовали кварталам или, *кальтулли*, но большинство — наверняка.

С другой стороны, вскоре после основания Мехико было произведено новое деление. Традиционные рассказы приписывают его изобретение самому Уицилопочтли. Весь город разделили на четыре части по отношению к главному храму. На севере — Куэпопан («место, где распускаются цветы»); на востоке — Теопан («квартал бога», то есть храма); на юге — Мойотлан («место комаров») — удачное название, поскольку именно там каналы и улицы упирались в болота, которые в колониальную эпоху называли *Ciénaga de San Antonio Abad* и *Ciénaga de la Piedad* (болото Святого Антония Настоятеля и болото Милосердия). На западе лежал Астакалько («дом цапель»). Это деление на четыре большие части настолько утвердилось в сознании, что испанцы сохраняли его весь колониальный период, ограничившись лишь тем, что дали этим частям христианские названия: Санта-Мария ла Редонда (Куэпопан), Сан-Пабло (Теопан), Сан-Хуан (Мойотлан) и Сан-Себастьян (Астакалько).

Ясно, что деление на четыре сектора, приписываемое верховному богу, носило прежде всего админист-

ративный, управленческий характер. Это была сеть управления, наложенная на великое множество старых и новых *кальтулли*. В каждом из секторов имелись свой особый храм и военачальник, назначенный центральной властью. Тем самым сектор глубинным образом отличался от *кальтулли*, самостоятельно избравших своего главу; кроме того, он не владел землей.

Таким образом, вся агломерация выстраивалась вокруг своих главных и второстепенных центров: *кальтулли* с храмами и *тельпочкалли* — «домами юношей», своего рода религиозными и военно-учебными заведениями, — четыре сектора со своими храмами и, наконец, большие *теокалли* Теночтитлана и Тлателолько, императорские дворцы и административные здания, которые подчинялись непосредственно властям империи.

Сколько жителей было в этом городе? Возможно, ацтекские императоры имели возможность узнать по крайней мере точное число семей, проживавших в Мехико, но до нас не дошло ни единой переписи. Оценки завоевателей варьируются от 60 до 120 тысяч дворов или жилых домов. Остается выяснить, сколько людей в среднем проживало в одном доме. Семьи были большими, а среди правящей верхушки была принята полигамия. Если допустить вслед за Торкемадой, что в один двор входило от четырех до десяти человек, в среднем получается по семь человек в доме. Но и эта цифра, возможно, меньше реальной, поскольку множество семей в Мехико держали слуг низшего статуса, которых мы неточно называем рабами. Следует учесть и тот факт, что целые семьи жили в лодках, как это до сих пор практикуется в азиатских странах. За неимением лучшего, можно произвольным образом допустить, что в Теночтитлане и Тлателолько находилось от 80 до 100 тысяч дворов по семь человек в каждом, то есть население агломерации составляло от 560 до 700 тысяч душ. Скажем так: население наверняка превышало полмиллиона, но до миллиона, возможно, не доходило.

Здесь мы говорим, разумеется, только о самой столице. Несомненно, в рассматриваемую нами эпоху множество городов и поселков на твердой земле были

всего лишь спутниками большого города или его пригородами. Даже когда эти поселения сохраняли, как, например, Тлакопан, видимость автономного управления, в действительности они находились в подчиненном положении по отношению к столице. Это касалось Аскапоцалько, Чапультепека, Койоакана, Уицилопочко, Иштапалапана, Силуакана, Мешикальцинко, Истакалько и т. д., то есть большей части территории, которую сегодня занимает Федеральный округ Мексиканской республики — город Мехико.

Это были процветающие пригороды, как убедились по своему прибытию испанцы. Кортес отмечает, что прибрежные города вдаются прямо в озеро, и это якобы указывает на то, что население их растет, и в связи с новыми потребностями люди, живущие на твердой земле, используют методы строительства, привычные для Теночтитлана. Таким образом, это была обширная городская агломерация, которая, «вгрызаясь» в озеро, на берегах которого она раскинулась, заключала в себе более миллиона человек, живших в центре долины.

Общий вид, дороги и движение

Все очевидцы-конкистадоры, которые, по выражению Берналя Диаса, «такого никогда не видели и даже во сне не грезили о чем-нибудь подобном», в один голос выражают восхищение великолепием города. Самый хладнокровный и расчетливый среди них — их предводитель Кортес — громко восхваляет красоту зданий, в особенности отмечая сады, расположенные на террасах или высаженные на земле. Он во все глаза разглядывал улицы, прямые и широкие, вдоль которых были прорыты каналы со снующими по ним лодками, акведук, подающий в город пресную воду, большие и оживленные рынки. В письмах Карлу Пятому гордый идалго говорит даже, что индейцы «живут почти как в Испании и у них такой же порядок». Просто удивительно, добавляет он, сколько разумения они приносят во всё.

Через четыре дня после вступления в Мехико, то есть 12 ноября 1519 года, Кортес и главные военачаль-

ники отправились с императором Мотекусомой II осмотреть рынок и главный храм Тлателолько. Они поднялись на вершину *теокалли*, куда вели сто четырнадцать ступеней, и остановились на верхней платформе пирамиды, перед алтарем. Как пишет Берналь Диас, Мотекусома взял Кортеса за руку «и велел ему смотреть на великий город и другие города, находившиеся среди воды, и многие другие поселки в окрестностях того же озера... Стоя на вершине того большого проклятого храма, мы были так высоко, что всё было прекрасно видно. С его высоты мы увидели три дороги-дамбы, ведущие в Мехико: из Иштапалапы, по которой мы вошли четыре дня тому назад, из Такубы, по которой позже мы бежали, в ночь нашего великого поражения*... и из Тепеакильи. И увидели мы пресную воду, поступавшую из Чапультепека и снабжавшую город, а на этих трех дамбах повсюду были построены мосты, и вода переливалась из одного озера в другое. А в одном из этих озер мы увидели огромное количество лодок, из которых одни приходили с различными грузами, другие уплывали с разнообразными товарами... И видели мы в этих городах языческие храмы и часовни, напоминавшие башни и крепости, и все они сверкали белизной и вызывали восхищение. А дома все были с террасами, а вдоль дамб стояли башенки и часовенки, тоже напоминавшие крепости. Рассмотрев всё и оценив увиденное, мы снова повернулись к Большой площади и к скоплению народа на ней; одни продавали, другие покупали, и раздавался такой шум и гам, что слышно было за целую лигу. Многие из наших солдат бывали в разных концах света, в Константинополе, во всей Италии, в Риме, и все они говорили, что такой соразмерной, гармоничной и большой площади и с таким количеством народа, они никогда не видели».

Горделивые башни, возвышающиеся повсюду над белыми домами с крышами-террасами; упорядоченная деятельность муравейника; беспрестанно снующие по

* Речь идет о знаменитой «ночи печали» (30 июня 1521 года), во время которой захватчики были изгнаны из города императором Кутлауаком, братом Мотекусомы.

озеру и каналам лодки — таковы впечатления всех очевидцев. Большинство домов были простыми, прямоугольными, одноэтажными с плоской крышей. Только жилища высокопоставленных особ могли иметь два этажа; впрочем, очевидно, что сооружения на сваях, построенные на зыбкой почве, рисковали обрушиться, как только становились чересчур тяжелыми, если только их не соорудили на острове или островке — относительно редкий случай.

Дома с фасадами без окон, скрывающими потайную жизнь, которая протекала во внутренних дворах, наверное, походили на постройки какого-нибудь арабского города, но стояли вдоль прямых улиц и вытянутых в струнку каналов. В предместьях, далеких от центра, наверное, еще встречались хижины, покрытые соломой или травой, со стенами из тростника, обмазанного глиной, как в стародавние времена. Зато по мере приближения к большому *теокалли* и императорским чертогам размеры и богатство домов возрастали: это были дворцы сановников и здания, которые должны были содержать в столице высокопоставленные провинциальные чиновники. Здесь же находились официальные учреждения: дом Орлов (нечто вроде военного клуба), *кальмекаки* (высшие школы) и *тлакочкалли* (арсеналы).

Во всем этом не было никакого однообразия: среди массы домов время от времени появлялись высокие крыши, прижавшиеся друг к другу, или возвышалась пирамида квартального храма. На некоторых улицах дома служили лавками ювелирам, золотокузнецам, изготовителям украшений из перьев. На других находились склады торговцев. Хотя, помимо больших площадей, в городе было мало открытых пространств, Мехико был довольно зеленым: при каждом доме имелся внутренний двор, а ацтеки всегда страстно любили цветы. Вокруг хижин в пригородах разбивали сельские огороды, где росли вперемежку цветы и овощи, иногда на плавающих *чинампах*. Знать украшала зеленью и цветами террасы своих дворцов.

«Главные улицы, — пишет Кортес, — очень широкие и прямые; некоторые из них, да и все прочие, наполо-

вину идут по земле, а второй половиной является канал, по которому индейцы плавают на лодках. И все улицы в городе, от края до края, проложены таким образом, что по ним насквозь течет вода. Через них переброшены мосты из крепких и хорошо обработанных брусьев, такие, что по многим из них могут проехать одновременно десять всадников бок о бок».

Это описание подтверждает другой свидетель, дворянин из свиты Кортеса: половина каждой улицы была глинобитной, похожей на бульжную мостовую, другую занимал канал. «Существуют также большие улицы, сплошь залитые водой, — добавляет он, — на них есть только лодки и каноэ, по обычаю этой страны, ибо без этих лодок нельзя было бы ни перемещаться по улицам, ни выйти из дома». И он описывает жителей, которые «прогуливаются, беседуя, одни по земле, другие по воде». Все это хитросплетение улиц было прорезано деревянными мостками, которые в случае необходимости можно было быстро убрать — как выяснили испанцы на своем горьком опыте, когда ацтеки изгнали их из Теночтитлана.

Озерный город на всем своем протяжении и вплоть до самого центра (на лодке можно было добраться даже до дворца Мотекусомы) Мехико сообщался с берегом посредством трех дамб, о которых упоминают Кортес и Диас. Северная, выходящая из Тлателолько, достигала берега у Тепейакака, у подножия холмов, где возвышался алтарь богини Тонанцин, «нашей почитаемой матери», и где сегодня находится базилика Богородицы Гуадалупской. Западная дамба связывала Теночтитлан с городом-спутником Тлакопан. Третья дамба, на юге, разветвлялась надвое: одно ответвление, уходя на юго-запад, доходило до Койоакана, другое, направляясь на восток, заканчивалось у Иштапалапана. На пересечении двух этих ответвлений был выстроен редут с двумя башнями, окруженный стеной, в которой были проделаны двое ворот, оттуда вся дорога виднелась, как на ладони. Похоже, только южную дорогу укрепили таким образом: дело в том, что с этой стороны можно было опасаться набега воинов из Уэшоцинко — непокоренного города, расположенного по ту сторону вулканов.

Строительство этих дорог, бывших на самом деле дамбами, облегчалось небольшой глубиной озера. Чтобы построить их, в дно озера для начала вбили два параллельных ряда свай; проем между ними завалили камнями и битой глиной. То тут, то там дамба прерывалась, пропуская воду под мостом из брусьев: в самом деле, в озерах порой бывали сильные течения, и не предусмотреть для них выход грозило бедой. Полученные таким образом дороги были настолько широки, говорит Кортес, что по ним могли свободно проехать в ряд восемь всадников. Дорога от Иштапалапана в Мехико была длиной примерно восемь километров и «шла столь прямо, что ни много, ни мало не уклонялась в сторону», — пишет Берналь Диас.

В целом, эти дамбы намечали главные направления, вдоль которых разрастался город, исходя из своего ядра: ось север—юг, определяемая линией Тепейакак — Тлателолько—Теночтитлан (главный храм)—Койоакан, и ось запад—восток, на которой располагались Тлакопан и центр Теночтитлана. На западе, перед водами большого озера, городу пришлось остановиться: в Тескоко попадали по воде, на лодке, а оттуда можно было углубиться по суше внутрь страны, к таинственным Теплым Землям, которые всегда занимали воображение индейцев с нагорья.

Площади и монументы

Конечно, и до Кортеса существовали планы Мехико: неужели ацтекская администрация, заставлявшая трудиться многочисленных писцов, чтобы постоянно держать в порядке реестры распределения земель и расчеты налогов, оставила бы без внимания собственную столицу? Впрочем, мы знаем, что первым долгом каждого *кальпулека* было хранить и, если надо, подновлять «картины», изображавшие его квартал и распределение земли между семьями.

К несчастью, ни один из этих документов не сохранился. В Национальном музее антропологии и истории Мехико имеется драгоценный фрагмент докумен-

та, составленного, надо полагать, вскоре после завоевания, — так называемый «План на бумаге из магея». Однако на сохранившейся его части изображена только малая часть города, расположенная к востоку от Тлателолько. Даже в таком виде план создает верное представление о структуре кварталов с одинаковыми по величине наделами, окруженными каналами и улицами и разрезанными большими проезжими дорогами. Напомню, просто чтобы не забыть, о грубом плане, приписываемом Кортесу, которым почти невозможно пользоваться, с детскими завитками и картинками, на котором селения, окружающие Мехико, появляются в обрамлении башен европейского типа.

С другой стороны, поскольку сооружения Теночтитлана сделались объектом вандализма, почти уникального в истории, во время осады и сразу же после сдачи последнего императора Куаутемока, теперь очень трудно с точностью определить, где находились открытые пространства и окружавшие их внушительные монументы, а также описать их. Мы можем опираться только на более или менее точные рассказы хронистов и результаты кое-каких раскопок, проводившихся в самом сердце современного города. Наконец, можно рассуждать по аналогии и воссоздать основные архитектурные черты мешиканских построек, взяв за основу ацтекские монументы вне столицы, пощажённые завоевателями, — в особенности пирамиду Тенайука, расположенную в десяти километрах от Мехико.

Центральная площадь Теночтитлана, похоже, почти точно совпадала с нынешней площадью Сокало в Мехико. Она имела форму прямоугольника 160 на 180 метров, короткие стороны которого противостояли друг другу на севере и на юге. С севера ее обрамляла часть ограды главного храма, над которой в этом месте возвышалась пирамида храма Солнца; с юга — канал, проходивший с востока на запад; с востока — дома, весьма вероятно, трехэтажные, где жили высокопоставленные особы; наконец, с запада — фасад императорского дворца Мотекусомы II, который стоял на месте нынешнего дворца президента республики. Дворец, ранее

принадлежавший Ашайякатлю (1469—1481), где поселили испанцев после их прибытия в Мехико, находился сразу за домами знати, дальше к северу, и его западный фасад выходил на ограду главного храма. На эту просторную площадь можно было попасть по каналу, о котором говорилось выше, по Иштапалапанской дороге, проходившей вдоль дворца Мотекусомы и заканчивавшейся у южных ворот храма, наконец, по разным улицам. Тлакопанская дорога проходила примерно там же, где и нынешняя улица Такуба, и заканчивалась чуть к северу от площади, миновав дворец Ашайякатля, у западной стены храма.

Как земля современного Сокало, так и фундаменты окружающих ее зданий в буквальном смысле слова нашпигованы фрагментами ацтекских скульптур, статуй, памятников и барельефов. Некоторые из них удалось извлечь, в частности камень Тисока, знаменитый «ацтекский календарь» (Камень Солнца) и *теокалли* священной войны. Другие, местоположение которых известно, еще ждут извлечения на свет. Множество таких вещей, наверное, утрачены навсегда. Эта площадь, величественная и сегодня, с собором и президентским дворцом, хотя и подпорченная магазинами и торговыми центрами, должно быть, производила неизгладимое впечатление в правление Мотекусомы. Всё в ней создавало ощущение величия государства и религии, высшие инстанции которых соединялись в этом месте: белые фасады дворцов с террасами, покрытыми садами, толпа в пестрых одеждах, беспрестанно перетекающая между большими воротами, зубчатая стена *теокалли* и вырастающие друг над другом, точно череда недвижных великанов, башни, пирамиды богов, увенчанные разноцветными алтарями, с которых меж знамен из драгоценных перьев поднимались к небу облака благовоний. Стремление храмов ввысь сочеталось со спокойной приземленностью дворцов, словно чтобы чаяния народа и покровительство богов содействовали стабильности власти.

«Защищать храм Уицилопочтли» всегда было одной из главных обязанностей правителей с самого начала городской жизни. Эту задачу знать недвусмысленно

поручила второму императору — Уицилиуитлю (1395—1414) и подлинному основателю ацтекской державы — Ицкоатлю.

Третий правитель, Чимальпопока, будто бы пожелал увеличить храм и, возможно, уже начал приводить свой план в исполнение, но вряд ли слабость города и его собственные зловключения ему это позволили. Чимальпопока, «Дымящийся Щит», царствовал с 1414 по 1428 год над Теночтитланом, который еще находился в зависимости от Аскапоцалько, и был убит по приказу правителя этого города. Только в правление Мотекусома I Старшего* были предприняты первые значительные работы. Этому императору пришла мысль подключить к ним соседние города Колуакан, Куитлауак, Койоакан, Мискик и Шочимилько, которые более или менее добровольно обязались предоставить необходимые материалы, в частности камень и известь. Люди из Чалько, напротив, отказали в помощи, что стало одной из причин долгой войны, закончившейся их поражением.

Строительство продолжалось два года. Храм выстроили на пирамиде, к вершине которой вели три лестницы: главная — на юге и две остальные — на востоке и на западе. Все эти три лестницы вместе состояли из 360 ступеней — число дней в году за вычетом пяти «нехороших дней» в конце года, — то есть в каждой из них было по 120 ступеней. Монумент открыли в 1455 году после победы Мотекусома Старшего над уастеками, и пленников, принадлежавших к этому племени, принесли там в жертву первыми.

Однако можно задаться вопросом, не «старит» ли традиционная версия событий, которую мы изложили, более недавние факты: в самом деле, если храм, выстроенный по приказу Мотекусома I, уже тогда имел максимальные размеры окончательного сооружения, то непонятно, в чем же заключались работы, проводившиеся в последующие царствования. Все наводит на

* Мотекусома I («Гневающийся, как господин») носил прозвище Илуикамина («Мечущий стрелы в небо»). Его иногда называют Уэуэ Старшим, чтобы отличить от второго правителя, носившего то же имя. Он правил с 1440 по 1469 год.

мысль о том, что *теокалли* Уицилопочтли, как и большинство мексиканских пирамид, наращивался слой за слоем. Вполне вероятно, что храм, перестроенный при Мотекусоме Илуикамине, еще не достиг тех размеров, которые приобрел позднее.

Ашайякатль слегка преобразовал монумент, завещанный ему предшественником: установил там огромный *куаутемалакатль* («круглый камень орлов») — жертвенный камень, который, как говорят, приволокли из Койоакана пятьдесят тысяч человек при помощи веревок и блоков. Но только в царствование Тисока и Ауисотля большой *теокалли* был завершен и принял тот вид, в каком предстал взорам первых европейцев.

В Национальном музее антропологии Мехико хранится покрытая резьбой стела, посвященная открытию храма. На ней изображены оба императора, каждый со своим именованным иероглифом, и дата — «чикуэи акатль» («Восемь-Тростник»), то есть 1487 год н. э. Тисок умер всего за год до этого; похоже, именно он затеял новые работы.

В «Кодексе Теллериано-Ременсис» показаны две фазы этого предприятия. В правление Тисока, в год «науи акатль» («Четыре-Тростник») — 1483 год, — «заложили первый камень большого храма, который обнаружили христиане, когда прибыли в эту страну». На картинке, соответствующей следующему году — «макуилли текпатль» («Пять-Кремень»), — иероглиф года связан штрихом с рисунком, изображающим пирамиду из четырех ступеней на четырехугольном основании, с двумя лестницами, запятнанными кровью; на верхней платформе возвышается кактус — символ Теночтитлана. В испанском комментарии сказано: «Селение Синанкантепек, покоренное мешиками, взбунтовалось. Те напали на него и устроили там такую резню, что не осталось почти ни одной живой души, ибо всех пленников привели в Мехико, чтобы принести в жертву в большом храме, который *еще не был достроен*».

Календарный знак «чикуэи акатль» («Восемь-Тростник»), соответствующий 1487 году, связан с храмом, но на сей раз речь идет уже о достроенном храме: на вершине пирамиды возвышаются два стоящих рядом ал-

таря, один обведен красным цветом вокруг двери и по крыше, другой выкрашен синим в тех же местах. Ниже мы узнаем значение этих деталей. С изображением храма соединен штрихом *тлекуауитль*, или «огненный жезл», из которого извергается огонь и дым, — символ нового огня, который торжественно зажигали, освящая храм.

Другая черта ведет от огненного жезла к иероглифу Теночтитлана. Эту серию рисунков можно расшифровать следующим образом: «В году Восемь-Тростник был освящен (двойной) *теокалли* Теночтитлана». Рядом с этими значками мы видим человека в расшитом плаще, сидящего на стуле с высокой спинкой, — царском *икпалли*, — а над его головой знак, изображающий фантастическое озерное животное *ауисотля* («водяную собаку»): имеется в виду император, который носил это имя. Наконец, под изображением храма и вокруг него нарисованы воины в головных уборах из белых перьев и пуха — ритуальных украшениях, приносимых в жертву вместе с их обладателями, — с иероглифами городов, откуда они родом: Шиукоак, Куэтластлан, Сапотлан.

Под воинами дважды повторен знак *сикитилли* (8000) и десять раз знак *кенцонтли* (400), то есть в целом 20 тысяч. Эти рисунки можно истолковать примерно так: «По такому случаю Ауисотль велел принести в жертву двадцать тысяч воинов из Шиукоака, Куэтластлана и Цапотлана». Испанская хроника несколько неточна: «Закончено сооружение и украшение главного храма Мехико. Старики говорят, что в тот год принесли в жертву четыре тысячи мужчин, приведенных из провинций, покоренных силой оружия».

Нам еще представится случай поговорить о жертвоприношениях. Пока же ограничимся замечанием о том, что главный храм в том виде, в каком его застали испанцы в 1519 году, был освящен Ауисотлем за тридцать два года до их прибытия. Описания и донесения, составленные после завоевания, к сожалению, зачастую непонятны. В самом деле, под названием главного храма в них смешиваются, с одной стороны, храм Уицилопочтли и все религиозные сооружения, возвы-

шавшиеся в центре города, а с другой — храм Тлателолько. Это разные здания, и мы попытаемся описать их по отдельности.

Во-первых, сам храм Уицилопочтли: это действительно был двойной храм, каким он изображен в «Кодексе Теллериано-Ременсис». Это изображение подтверждается многими другими документами, например, иллюстрациями к записям Саагуна в мадридском манускрипте и в «Кодексе 1576 года». Пирамида стояла на прямоугольном основании длиной 100 метров (ось север—юг) и шириной 80 метров (ось восток—запад) и состояла из четырех, а может быть, и из пяти ступеней: чем выше — тем меньше по размерам. Только на западной стороне пирамиды была лестница, двойная и очень широкая, с парапетами по бокам, которые начинались с больших змеиных голов (одна из них была недавно извлечена из земли неподалеку от собора) и заканчивались почти вертикально, прежде чем достигнуть платформы. Эта лестница из 114 ступенек была одной из самых высоких в Мексике (в храме Тескоко была лестница в 117 ступенек, в храме Чолулы — в 120 ступенек, по словам Бернала Диаса). Высота пирамиды достигала примерно тридцати метров.

На этом огромном основании рядом, на верхней платформе, возвышались два алтаря: с северной стороны — выкрашенный белой и синей краской алтарь Тлалока, очень древнего бога дождя и растительности; с южной стороны — алтарь Уицилопочтли, украшенный резными черепами и выкрашенный белыми узорами на красном фоне. У каждого из этих святилищ была широкая дверь, выходившая на запад, перед которой лежал жертвенный камень. Спаренная крыша пирамидальной формы была сделана из каркаса, залитого цементом и известью, и уходила в небо в виде своего рода стены или конька, похожего на те, что венчали собой сооружения майя, чтобы зрительно увеличить высоту монументов*. Крышу алтаря Тлалока окружали

* Многие из этих деталей можно воссоздать, сверяясь с уже упоминавшейся пирамидой Тенайука и ацтекским храмом в Уатуско, штат Веракрус, алтарь которого сохранился почти полностью. Еще

зубчатой полосой морские ракушки, символы воды, а святилище Уицилопочтли украшали бабочки — символы огня и солнца. На платформе, там, где заканчивались парапеты, были установлены статуи людей, чтобы вставлять им в руки древки штандартов из драгоценных перьев тропических птиц, которые поднимали по случаю некоторых больших праздников*. Такие знаменосцы составляют типичную черту тольтекской скульптуры и архитектуры, которую переняли ацтеки. Расположенные по периметру пирамиды змеиные головы образовывали «змеиную стену» — *коатепантли*, еще один типично тольтекский элемент.

Вот такой монумент, огромный и вместе с тем гармоничный, возвышался в центре города и империи, окруженный почитанием и страхом. Рассказывают, что в его фундамент заложили множество украшений из золота и драгоценных камней, смешав их с щебнем и цементом по приказу императоров: Берналь Диас свидетельствует, что эти рассказы верны и что, разрушив *теокалли*, испанцы обнаружили там погребенные сокровища. Тесосомок добавляет, что конкистадоры и представители испанской короны даже устраивали судебные процессы, чтобы решить, каким образом поделить эти богатства!

В рассматриваемую нами эпоху двойной храм Тла-лока и Уицилопочтли был уже не единственным. Он возвышался всей своей массой над настоящим священным городом, оштетинившимся пирамидами, окруженным зубчатой оградой из змеиных голов (*коатепантли*) примерно 400 метров длиной с запада на восток и 300 метров шириной. Эта стена ограничивала с севера центральную площадь и дворец Мотекусомы и шла вдоль нынешней улицы Монеда. На востоке она проходила по современным улицам Кармен и Коррео Майор, на западе — по улицам Монте де Пьедад и Санто-Доминго. На севере стена выходила к каналу, параллель-

один хорошо сохранившийся ацтекский храм — святилище Теопанцалько в Куэрनावаке. Главный храм Тесококо тоже был увенчан двумя алтарями.

* Пятнадцатый месяц, специально посвященный Уицилопочтли, назывался *панкецалистли* — «праздник знамен из перьев кецаля».

ному тому, который, как мы видели, проходил вдоль площади и императорского дворца. В ограде было проделано трое, а может, и четверо ворот; они были укреплены, и «все их помещения наполнены разного рода оружием». Их охраняли элитные войска. От южных ворот начиналась дорога на Иштапалапан и Койоакан, от северных — дорога на Тепейакак, от западных — на Тлакопан.

Саагун насчитал не менее семидесяти восьми зданий или типов зданий, являвшихся частью главного храма, то есть целого религиозного квартала, ограниченного *коатепантли*. Возникает вопрос, нет ли здесь некоторого преувеличения или, скорее, путаницы и не включил ли добрый падре в этот раздел некоторые здания, которые на самом деле находились за стеной, в других частях города (Кортес пишет, что в главной «мечети» (храме) не меньше сорока «очень высоких и добротнo построенных башен»). Это подозрение еще усиливается из-за того, что несколько упомянутых зданий носят названия некоторых кварталов Теночтитлана или даже Тлателолько, а Саагун перечисляет в той же серии *кальтулли* дома уединения и поста, расположенные в кварталах подле местных храмов. Как бы то ни было, для начала можно попытаться выделить различные категории строений, которые возвышались в пределах стены.

Во-первых, это собственно храмы — *теокалли* или *теопан*. По соседству с храмами Тлалока и Уицилопочтли размещались жилища и других великих богов. Пирамида храма Тескатлипоки («дымящееся зеркало»), многоликого божества ночи, войны и молодости, которого также называли Иоалла-Экатль («ночной ветер»), Иаотль («воин»), Тельпочтли («юноша»), вознеслась ввысь у южной границы стены, напротив императорского дворца. Храм Кецалькоатля («змея с перьями кецаля»), героя-просветителя и бога ветра, был расположен на оси главной лестницы большой пирамиды, в сотне метров к востоку от нее. В отличие от всех остальных это было закругленное здание в форме цилиндра на пирамидальном основании. Внутрь этого святилища можно было попасть через

резной раскрашенный проем в виде змеиной пасти. «На некотором отдалении от большой пирамиды, — пишет Берналь Диас, — была башня поменьше, тоже обиталище идолов или, скорее, настоящий ад, ибо ее дверным проемом была жуткая пасть наподобие тех, что изображены на картинах и о которых говорят, что они находятся в аду, — с большими клыками, чтобы поглощать грешные души... я всегда называл этот дом Адом».

Вид храма Кецалькоатля довольно легко себе представить, взглянув на округлое здание Калиштлауака в районе Толуки, которое было выстроено в землях племени матлацинков в эпоху господства ацтеков. Округлые здания редки в Мексике — стране пирамид и острых граней; если их строили, то в большинстве случаев для посвящения богу ветра: считалось, что он предпочитал округлые формы, не разбивающие воздушные потоки. Что до входа в виде змеиной пасти, то тому есть впечатляющий пример — вход в ацтекский храм Малиналько.

Мы также можем установить местоположение храма богини-матери Сиуакоатль («женщины-змеи») и Коакалько («дом змеи»), который также называли Коатеокалли («храм змеи») — они возвышались бок о бок в северо-восточном углу стены. Коакалько был пантеоном: «Именно там обитали боги городов (*альтепететтео*), которых мешики брали в плен во всех городах, кои подчиняли себе; они привозили их с собой, помещали в этот храм и хранили там, в Коакалько». Религиозный эклектизм ацтеков побуждал их собирать вокруг своего национального божества как можно большее количество богов из всех уголков империи. Наконец, мы знаем, что храм Солнца занимал юго-западное окончание храмового городка, напротив дворца Ашайкатля.

Вокруг собственно храмов возвышалось множество пристроек, посвященных кульгу: места для молитвы, покаяния, жертвоприношений. В *куаушикалько* («место, где находится *куаушикалли*» — ритуальный сосуд, в который клали сердца жертв) император и жрецы постились и совершали покаяние, вонзая себе в ноги ши-

пы агавы, чтобы преподнести свою кровь богам. На *цолпантли* выставляли черепа принесенных в жертву. Привязанные слабо натянутой веревкой к *темалакатлю* — огромному каменному диску, положенному плашмя на низкую пирамиду, — отважные пленники вели последний бой с ацтекскими воинами.

Кальмекаки были одновременно монастырями и школами: там жили жрецы — суровые люди свирепого вида из-за черных одежд и распущенных волос, изнуренные умерщвлением плоти. Там же постоянно находились молодые люди, принадлежащие к руководящему классу, которые обучались совершению ритуалов, письму и истории своей страны. При каждом храме имелся свой *кальмекак*, где жрецы и юноши жили вместе.

В пределах стены било несколько источников; кроме того, как указывает Диас, туда вел акведук из Чапультепека, и питьевая вода поступала по крытому каналу в резервуар. Жрецы огня купались по ночам в *Тилапане* («темной воде»). Другой источник, *Тошпалатль*, снабжал питьевой водой не только жрецов, но и «простых людей». Великий жрец *Коакалько* один купался в ручье или водоеме под названием *Коапан*.

Наконец, в городе богов были и здания светского назначения. Прежде всего это был «стадион» *Глачтли* («место для игры в мяч», одновременно развлечения сановников и ритуального обряда)*. Его длинные параллельные стены вытягивались в направлении восток—запад, к западу от храма Кецалькоатля, между храмом и стеной. В этом месте обнаружили очень красивую статую *Шочитлли* — «владыки цветов», бога юности, музыки и игр. Игра в мяч была в большом почете у всех цивилизованных народов древней Мексики. Жители Теночтитлана позаимствовали ее у своих

* В своем понимании роли стадиона для игры в мяч Сустель, работавший над своей книгой в 1950-е годы, глубоко заблуждался. Как доказали более поздние исследования, площадка для игры в мяч — это одно из наиболее сакральных мест в планировке мезоамериканского города. Считалось, что это дорога, соединяющая мир живых с миром умерших предков.

соседей по долине, которые, в свою очередь, переняли ее у тольтеков и предавались ей с увлечением.

Несколько зданий, называвшихся *тлакочкалли* или *тлакочкалько* («дом дротиков»), служили арсеналами не только для возможной обороны храма, но и для военных операций вообще. Их охраняли воины, а отвечал за них высший военный чиновник — *тлакочкалькатль*.

Два дома — *Йотикалько* и *Эуакалько* — служили временными жилищами «господам из Анауака (долина Центральной Мексики), правителям и жрецам, приезжавшим из дальних городов. Мотекусوما оказывал им большие почести, дарил подарки, давал роскошные одежды, драгоценные ожерелья или великолепные браслеты». Наконец, особое здание, *Мекатлан*, было школой и репетиционным залом *тлатиске* — музыкантов, которые играли на окаринах или других духовых инструментах во время торжественных церемоний.

Таким представал в своей органичной сложности этот огромный ансамбль высоких и низких построек, башен, стен и крыш, покрытых барельефами, сияющих белизной и яркими красками; там город зародился вокруг камышовой хижины; там же ему суждено было погибнуть под грохот бомбард, в пламени подоженных храмов. Но по мере того как росли город и государство, руководившие ими власти тоже, как боги, сменили бедность на изобилие, а хижины — на дворцы. Каждый император стремился выстроить свое собственное жилище. Ко времени, когда испанцы вступили в Мехико, там еще стоял дворец Ауисотля, построенный к северу от ограды главного *теокалли*, и дворец Ашайякатля, где они и поселились. Этот дворец, как мы видели, был выстроен напротив Змеиной стены с западной ее стороны. Что до Мотекусомы II, то он жил в большом дворце, который называли «новыми домами» (*Casas Nuevas*). Его размеры и великолепие привели конкистадоров в изумление и восхищение.

Этот дворец, расположенный к востоку от площади, занимал пространство в форме квадрата со стороной примерно 200 метров. Это тоже был настоящий го-

род с многочисленными воротами, через которые входили пешком или вплывали на лодке. «Несколько раз я вступал в резиденцию правителя, — заявляет один очевидец, — просто чтобы ее увидеть; каждый раз я гулял по ней до усталости и всё же так и не увидел ее целиком». Резиденция представляла собой группу зданий, по большей части трехэтажных, обступивших прямоугольные или квадратные внутренние дворы, отведенные под сады.

Апартаменты монарха располагались в верхнем этаже, как сказано в «Кодексе Мендосы», где также описаны комнаты второго этажа, отведенные правителям союзных городов Тескоко и Тлакопан. В залах первого этажа размещалось всё то, что мы сегодня назвали бы основными институтами государственной власти. Это были верховные суды — гражданский и уголовный, особый суд, рассматривавший дела сановников, обвиненных в преступлениях или серьезных проступках, таких как супружеская измена; затем военный совет, на котором присутствовали главные военачальники; *ачкаукалли*, где собирались чиновники второго разряда, приводившие в исполнение решения суда; *петлакалько* — государственная сокровищница, где хранились внушительные запасы маиса, фасоли, зерна и различных продуктов, одежды и всякого рода товаров; «зал *кальпишке*» (администраторов, которые были обязаны вести учет налогов), то есть финансовый отдел. Другие помещения использовались как тюрьмы — там держали военнопленных или осужденных преступников.

Но кроме этого, множество залов и дворов комплекса соответствовали тому роскошному и утонченному образу жизни, какой вели мексиканские монархи и которому, возможно, старались по мере сил подражать самые высокопоставленные особы. Сюда приходили по вечерам петь и танцевать молодые люди из квартальных школ, а в другом зале находились профессиональные певцы и музыканты, готовые исполнить желание правителя, если тому будет угодно его высказать. Они держали под рукой барабаны и флейты, колокольчики и погремушки, маски, парики, одежду из разных

провинций, чтобы удовлетворить любые запросы господина. Здесь же искусные ремесленники занимались резьбой по нефриту, плавили золото или составляли, фрагмент за фрагментом, мозаики из перьев; чуть поодаль в *токоалли* («доме птиц») раздавались звонкие трели пернатых уроженцев тропиков; в другом месте рычали в деревянных клетках ягуары и пумы. В садах, где высаживали редчайшие цветы и лекарственные растения со всей страны, в зеркальную гладь обширных водоемов смотрелись утки, лебеди и белые цапли.

У Мотекусомы, пишет Кортес, «был в городе свой дворец, столь чудесный, что почти невозможно передать словами его красоту и величественность. Скажу только, что в Испании нет ничего подобного». Сильно сказано для испанского идадьго, пишущего самому императору Карлу! Но описания Берналя Диаса, точность которых гарантирована их наивностью, не менее восторженны.

У нас еще будет возможность вернуться к деталям, которые позволят нам представить, в какой обстановке жили руководители Мексиканского государства. Пока же нам достаточно найти на общей картине города резиденцию властей рядом со святилищами и представить, каковы, вероятно, были удивление и восторг провинциала, индейца с побережья или дальних гор, прибывшего в Мехико и созерцающего лес из пирамид *теокалли* или бесконечные фасады и террасы императорского дворца. Грандиозный эффект, производимый этими монументами, еще более увеличивался благодаря бесчисленным барельефам, статуям и скульптурам всякого рода, по большей части священным, но иногда и светским, которые украшали здания, заполняли святилища и залы, стояли вдоль стен и площадей. То, что от них осталось и хранится в Национальном музее, несмотря на массовые разрушения в XVI веке, приводит в трепет своим количеством, размерами и совершенством.

Центральная площадь Теночтитлана, как, впрочем, и площади в кварталах, отводилась под рынок. «В этом городе много площадей, — пишет Кортес, — где постоянно торгуют, покупают и продают». Но, добавляет он,

«есть и еще один рынок, вдвое больше всего города Саламанки, полностью окруженный аркадами, куда каждый день приходят более шестидесяти тысяч душ, покупают и продают, где можно найти всякого рода товары из всех провинций, будь то продукты питания, съестные припасы, украшения из золота и серебра».

Речь явно идет о центральной площади Тлателолько. Жители этого города всегда слыли особенно склонными к торговле, и после присоединения Тлателолько стал главным торговым кварталом Мехико. «Когда мы прибыли на большую площадь, которую называют Тателулько, — рассказывает Берналь Диас, — поскольку мы никогда не видели ничего подобного, мы были поражены огромным количеством людей и товаров, которые там находились, и порядком и благоустройством, которые царили там во всем». Автор «Краткого сообщения о завоевании Новой Испании» уточняет, что на эту площадь каждый день являлись торговать от 20 до 25 тысяч человек, но каждые пять дней там бывал большой базар, который привлекал от 40 до 50 тысяч посетителей.

Все очевидцы одинаково описывают чрезвычайное разнообразие этого огромного рынка, а также царивший на нем порядок. Для каждого товара было отведено постоянное и ограниченное место, образуя своего рода улицы, «так же, как у меня на родине в Медина дель Кампо, — пишет Берналь Диас, — когда там проводят ярмарки». Здесь продавали золотые и серебряные украшения, драгоценные камни, разноцветные перья, привезенные из Теплых Земель. Рядом смиренно дожидались покупателей рабы: одни — свободные ото всяких уз, другие — в тяжелых деревянных ошейниках; чуть поодаль мужчины и женщины торговались из-за плащей, набедренных повязок и юбок из хлопка и волокна алоэ.

Обувь, веревки, шкуры ягуаров, пум, опоссумов и оленей, сырые или дубленые, лежали ворохами в отведенных для них местах, как и перья орлов, ястребов и соколов. Здесь продавали маис, фасоль, семена масличных растений, какао, перец-чили, лук и тысячу видов овощей и трав; индеек, кроликов, агути, дичь, уток и ма-

леньких жирных собачек, лишенных шерсти и голоса, которыми любили лакомиться ацтеки; фрукты, сладкий картофель, мед, сироп из стеблей маиса или из сока агавы; соль; краски для окрашивания тканей и для письма, кошениль, индиго; посуду из терракоты любой формы и любого размера, калebasы, сосуды и подносы из раскрашенного дерева; кремневые и обсидиановые ножи, медные топоры; строительный лес, доски, брусья, дрова. Древесный уголь, факелы из резинового дерева; бумагу из коры магея*, цилиндрические трубки из бамбука, уже набитые, которые сразу можно было курить; всевозможную озерную добычу — от рыб, лягушек и ракообразных до икры насекомых, собираемой на поверхности воды; а еще циновки, сиденья, жаровни...

«Что еще сказать?! — восклицает Берналь Диас. — Там даже продавали, простите за выражение, многочисленные лодки, наполненные человеческими экскрементами, которые крепили веревками на болотах неподалеку от рынка и использовали для дубления кож... хотя, я знаю, найдутся господа, которых это насмешит». Повсюду были невероятные горы товаров, неслыханное изобилие изделий всякого рода, которые окружала плотная толпа (гудящая, но не шумная, что и сегодня свойственно индейским толпам, неторопливая, серьезная), прохаживающаяся вдоль прилавков. На этом рынке «есть дома, подобные лавкам аптекарей, — пишет Кортес, — где продают готовые снадобья, мази и пластыри. Есть лавки цирюльников, где можно помыть и остричь волосы; есть дома, где можно пить и есть за плату». В самом деле, женщины готовили на жаровнях, прямо под открытым небом, и предлагали прохожим блюда из маиса с приправами или сласти на меду с вкусными маисовыми лепешками — *тлашкалли*, мексиканской тортильей, и аппетитные *тамали* — сваренные в кукурузных листьях пирожки из маисовой муки, иногда с начинкой из фасоли, мяса и перца-чили.

* Агава (магей) было универсальным растением, из которого чего только не изготовляли: веревки, одежду, бумагу и алкогольный напиток. Правда, бумага лучшего качества — для книг — изготовлялась из коры разновидности фикуса.

На этом грандиозном торжище можно было целый день бродить вдоль рядов из готовых обрушиться гор фруктов и заслоняющих солнце разноцветных тканей, остановиться перекусить, повстречать родственников или друзей, неспешно побеседовать с индианкой, сидящей на корточках позади своих овощей, позабавиться свирепой физиономией какого-нибудь отоми, спустившегося с гор, чтобы продать несколько звериных шкур, или с завистью полюбоваться цветущим видом какого-нибудь *почтекатля* (купца), недавно вернувшегося из сказочных земель юго-востока с перьями попугаев и украшениями из прозрачного жадеита. И люди наверняка не лишали себя этого удовольствия.

По огромной площади расхаживали взад-вперед бесстрастные *тиайкиспан тлайакаке* — надзиратели, безмолвно присматривая за толпой и продавцами. Случится ли ссора, пожалуется ли какой-нибудь покупатель на мошенничество, признает ли прохожий в товаре, лежащем на прилавке, краденую вещь — вперед! Всех твердой рукой сопровождали в суд, который заседал без перерыва на краю рынка; три судьи постоянно сменяли друг друга, и приговор выносился сразу. Приговоренный к штрафу преступник посылал за родственниками, и те прибегали, запыхавшись, неся на спине груды *куачтли* — штук ткани, служивших денежной единицей. А удовлетворенная толпа продолжала обход, снуя, словно население муравейника, между крытыми галереями по краям площади, у подножия высокой пирамиды храма Тлателолько.

Проблемы большого города

Столь крупный и многонаселенный город, вероятно, создавал своим правителям проблемы, о которых его основатели за два века до того даже не подозревали. Проблему снабжения, если судить по изобилию рынков, решили без труда; в самом деле, к озерному городу беспрестанно стекались мириады лодок, нагруженных съестным. Заметим мимоходом, что в стране, где не было ни тягловых, ни вьючных животных, ни повозок,

ни наземного транспорта, водные перевозки были наиболее эффективными и быстрыми.

Однако именно с водой были связаны самые серьезные проблемы мексиканцев. Долина Мехико так создана природой, что ее обитатели страдают одновременно от двух противоречащих друг другу неудобств: и тогда и сегодня там либо слишком много воды, либо слишком мало, либо наводнение, либо засуха. В сезон дождей невероятно свирепые бури в мгновение ока заливают дно этой обширной впадины слоем воды, которая уходит очень медленно. В засушливый сезон снабжение города питьевой водой и водой для полива садов серьезно осложняется. Та часть озера, где находится Мехико, и так уже неглубока, а по мере испарения воды еще больше мелеет. Но в те времена климат в долине был более влажным и в целом лучше, чем сегодня, не столь подверженным колебаниям. Исчезновение озера его не улучшило: такова была цена борьбы с наводнениями*.

Поначалу мешки без труда добывали питьевую воду: для этого вполне хватало ключей, бивших из земли на центральном острове. Как мы видели, эти источники еще частично служили для снабжения водой населения в XVI веке. Что до озерной воды, она не годилась для питья, поскольку была соленой. Когда

* Иссушение долины, вероятно, медленно продолжалось под воздействием естественных причин, но значительно ускорилось благодаря деятельности людей. Чтобы покончить с наводнениями, в 1609 году открыли отводной канал Ночистонго, потом, в 1900-м — большой «обезвоживающий» канал и туннель Текишкиак. Непредусмотренным и катастрофическим последствием этих работ стало не только исчезновение поверхностных вод, превратившее озера в пыльные пустоши, но и засуха, усугубленная пробоем многочисленных артезианских скважин, которая лишила бывшие озерные земли воды, покрывавшей до того четыре пятых территории, вызвала их опускание и, как следствие, оползни. Земли, на которых стоит город Мехико, формировавшиеся в основном за счет наносов, регулярно опускаются до сих пор. Средний уровень города уходит вглубь на 50 сантиметров в год — в десять раз быстрее, чем в 1910 году. Дно озера Тескоко сегодня располагается на три метра выше уровня Мехико, так же как канал и отводной туннель, поэтому во избежание наводнений, которые начались с новой силой, пришлось установить дорогостоящие насосы для откачки сточных и дождевых вод.

несчастливые жители города, страдающие от жажды, были вынуждены ее пить, эта жидкость лишь усугубляла их мучения.

По мере увеличения населения ключей стало недостаточно. Не оставалось ничего другого, кроме как доставлять в город питьевую воду из родников с суши. Источник на холме Чапультепек, к западу от Теночтитлана, был хорошо известен ацтекам: с ним были связаны мрачные воспоминания, ибо именно там в начале XIV века тогда еще кочевое племя потерпело самое ужасное поражение за всю свою историю, а их вождь Уицилуитль Старший был пленен вместе с двумя дочерьми и погиб в рабстве в Колуакане. При Мотекусоме I Чапультепек («саранчовая гора») стал пригородом столицы. В его лесу росли благородные деревья, а у подножия скалы бил полноводный родник.

Возможно, некоторое время горожане довольствовались тем, что наполняли из этого источника terra-cottовые сосуды, перевозимые на лодках, но такой способ очень скоро показался недостаточным. Возникла мысль об акведуке, который построили при Мотекусоме I и который пролегал от источника до самого центра города, за стены большого *теокалли*, протянувшись на пять километров. Он был сделан из камня и цемента и (все свидетельства в этом сходятся) включал два водовода, каждый толщиной в человеческое тело. Одновременно использовался только один из водоводов; периодически воду переводили из одного в другой, чтобы прочистить пустовавший.

Если вспомнить общий план города, становится ясно, что акведук должен был проходить через множество каналов. Кортес, который, похоже, был особенно поражен изобретательностью этого сооружения, описывает полые мосты «толщиной с быка», перекинутые через водные пути. На эти мосты-каналы взбирались особые рабочие и за плату наполняли питьевой водой кувшины, которые протягивали им снизу лодочки. Те, в свою очередь, отправлялись продавать воду по всему городу. Были и общественные источники — по меньшей мере один, в центре столицы. Женщины ходили туда за водой с кувшинами.

Под давлением демографического роста Чапультепекский акведук тоже перестал справляться со своей задачей. Сооружение второго акведука, начатое и законченное при Ауисотле, свидетельствует одновременно о расширении города и разумной деятельности его правителей. Этот акведук доставлял воду из Койоакана и шел вдоль Иштапалапанской дороги. Его сооружению предшествовал неудачный опыт, который доказывает, насколько хрупким было природное равновесие на озере и островах. Дошедший до нас рассказ о нем наполнен множеством чудесных происшествий, настолько те события поразили умы.

Ауисотль намеревался заключить в трубу источник Акуэкуэшатль, бывший между Уицилопочко и Койоаканом на территории этого последнего города. Согласно Тесосомоку, император послал гонцов к господину Койоакана, знаменитому колдуну, который, точно Протей, превратился на глазах у перепуганных послов в орла, ягуара, змея и огненный вихрь. Однако послы мешиков в конце концов накиннули ему веревку на шею и задушили. Тотчас же началось строительство, и вскоре акведук был готов доставлять живую воду в самый центр города.

Завершение работ отметили пышными торжествами: один из великих жрецов, опустившись на колени, испил воды из источника, в то время как его помощники играли на музыкальных инструментах, а «певцы» (жрецы) Тлалока распевали гимны под удары деревянного барабана — уэуэтли в честь божеств воды. «Добро пожаловать, госпожа, иду встречать вас, потому что направляетесь в ваш дом, стоящий посреди озерных тростников Мехико-Теночтитлан!» — пели они. Потом приносились человеческие жертвы, и сам император в золотом венце приветствовал прибытие воды в Теночтитлан, преподнеся ей птиц, цветы и курения. Он обратился к Чальчиутликуэ («та, у которой юбка из бирюзы», богиня воды), воскликнув: «Добро пожаловать, госпожа, в ваш дом и жилище Тецауитля Уилопочтли!»

Но Акуэкуэшатль бурлил, вода прибывала мощным потоком, со всё возрастающей силой. Акведук переполнился, и через сорок дней положение стало отчаянным: уровень озера постоянно повышался; сначала забили

тревогу рыбаки, потом разразилось наводнение, снося рушащиеся дома и грозя даже Ауисотлю, которому пришлось укрыться в главном храме. Поля маиса на берегу и на островах были уничтожены, возникла угроза голода. Множество людей утонуло, люди начали покидать город.

Как мексиканский хронист Тесосомок, всегда пылко превозносивший свой народ и его древних правителей, так и Иштлильшочитль, предвзято преподносивший историю в пользу Тескоко, сообщают, что Ауисотль, доведенный до крайности, видя, что мешки ропщут, и опасаясь восстания, обратился к своему союзнику Несауальпилли, правителю Тескоко. «Теперь, владыка, вы жалуетесь и боитесь, — рассудительно сказал тот, — но вы избежали бы этой беды, если бы последовали советам владыки Койоакана Цоцомы, вместо того чтобы убивать его». Затем он провел необходимые магические операции: нескольких высокопоставленных особ принесли в жертву, и их сердца бросили в источник вместе с драгоценными камнями, золотом и расшитыми тканями. Затем в воду бросились пятнадцать ныряльщиков и сумели заткнуть отверстия, в которые она била с такой силой.

После этого соорудили своего рода известковый саркофаг, чтобы окончательно запечатать опасный источник. Это наводнение дорого обошлось правителю и городу: расходы на восстановление множества домов, в том числе дворца Ауисотля; десять кип *куачтли* (целое состояние) каждому из ныряльщиков; двести тысяч нош маиса для раздачи голодающему населению; тридцать две тысячи лодок для жителей, чтобы они могли вывезти всё, что сумеют спасти из воды, пока та не спадет; наконец, раздача одежды потерпевшим. Иштлильшочитль даже утверждает, что это наводнение стало причиной смерти императора, ибо, «находясь в апартаментах на первом этаже, выходящих в сад, ему пришлось бежать от хлынувшей туда воды, и он ударился головой о притолоку двери с такой силой, что серьезно поранился и оттого умер»*.

* Саагун вкратце передает этот рассказ и добавляет, что вице-король дон Гастон де Перальга также попытался использовать источник Акуэкуэшатль, но ничего не добился и отказался от этих планов.

Это наводнение было самым памятным в доиспанскую эпоху, но наверняка не единственным. Каждый сезон дождей подвергал город новым опасностям. Когда начинался разлив рек, впадающих в озеро Тескоко, в особенности реки Акольман, воды с севера и востока набегали на ту часть озера, где находился Мехико. Чтобы оградить город от этой беды, Мотекусома I, по совету правителя Тескоко Несауалькойотля и следуя его указаниям, велел выстроить в 1449 году дамбу длиной 16 километров, протянувшуюся с севера на юг от Ацакоалько до Иштапалапана, которая защищала Теночтитлан от разлива большого озера. Внушительные развалины этой дамбы сохранились до сих пор.

Таким образом, можно сказать, что из двух важнейших проблем, стоявших перед жителями Мехико, одна (проблема питьевой воды) была решена, а вторая (наводнения) урегулирована лишь частично и ненадежно: собственно говоря, она полностью не решена еще и сегодня, несмотря на достижения современной техники. Есть и еще один вопрос, на котором следует остановиться: это проблема санитарии. В Теночтитлане не было канализационной системы, как не было ее в Риме в эпоху цезарей или в Париже при Людовике XIV. Сточные воды сбрасывали в каналы и в озеро Тескоко; по счастью, в озере было достаточно течений, чтобы они там не застаивались. В разных местах, «на всех дорогах», как говорит Берналь Диас, встречались общественные уборные, внутренность которых была скрыта от глаз прохожих тростниковыми перегородками; возможно, именно отсюда появлялись лодки, о которых говорит наш конкистадор, описывая большой рынок; заметим попутно, что ацтеки умели унавоживать земли, используя это удобрение.

Хозяйственные отходы сваливали на подступах к городу, на болотистых пустырях, или закапывали во внутренних дворах. Очисткой улиц в каждом квартале руководили местные власти под надзором *уэй кальтшики* — имперского чиновника, который давал им указания. Около тысячи человек ежедневно убирали дороги общего пользования, мыли и мели их так тщательно, что, по словам очевидца, по ним можно было

ходить без опаски поранить ногу или руку. Совершенно ясно, что в начале XVI века в городе царила гигиена благодаря изобилию воды, высокогорному климату и приверженности жителей к чистоте. В «Кодексе Теллериано-Ременсис», в который тщательно занесены все необыкновенные происшествия и бедствия — ливневые дожди, землетрясения, появление комет, солнечные затмения и т. д., — не говорится ни об одной эпидемии. То же касается «Кодекса 1576 года» и «Кодекса Аскатитлан». Первой большой эпидемией, поразившей Мехико, было поветрие оспы, занесенной одним кубинским негром, который прибыл вместе с испанцами. Эпидемия разразилась в 1520 году и унесла жизнь императора Куитлауака и тысяч его подданных.

Теночтитлан, молодая столица

Современные исследователи сильно расходятся во мнениях, когда нужно дать оценку зрелищу, которое мы только что описали. Чем в точности был Теночтитлан — большим индейским поселком, этаким разросшимся *пуэбло*, или Александрией западного мира? «Хотя Теночтитлан, с социальной и управленческой точки зрения, был типичным поселением племени американских индейцев, своим внешним видом он напоминал город-столицу империи», — пишет Вайян. Напротив, Освальд Шпенглер ставит Теночтитлан в один ряд с «мировыми столицами», символами и высшими свершениями культуры, отразившей в них свое величие и свой упадок.

Признаюсь, я не знаю, что надо понимать под словами «поселение племени американских индейцев». Если это означает, что Мехико не был настоящей столицей империи, а за его блестящей внешностью скрывалось то же самое, что можно наблюдать в каком-нибудь индейском поселке в Аризоне, мне кажется, что эту мысль опровергают бесспорные факты. Между Мехико и Таосом или Зуны такое же различие, как между Римом Юлия Цезаря и Римом Тарквиниев. Нельзя смешивать исходную точку и конечную.

Но справедливо ли рассматривать Теночтитлан как один из утонченных и окаменелых городов, роскошных гробниц цивилизации, застывшей в преддверии смерти? Отнюдь нет. Мехико был молодой столицей меняющегося общества, цивилизации, находящейся на подъеме, еще не сформировавшейся империи. Ацтеки не достигли зенита: их звезда еще только начала свое восхождение. Не следует забывать о том, что этот город был разрушен чужеземцами, не просуществовав и одного века, ведь на самом деле его подъем начался во времена Ицкоатля, менее чем за сто лет до испанского нашествия.

Разумеется, эволюция людей и событий прошла невероятно быстро, пришпоренная динамизмом молодого народа, завладевшего богатым культурным наследством. Но в этом растении, еще стоявшем в цвету, не иссякали жизненные соки. Время истощения и упадка еще не настало. Вторжение европейцев оборвало подъем, который еще ничто не успело замедлить.

Вот почему Мехико в 1519 году не был законченным городом, мертвой душой в броне недвижимого камня. Это было живое существо, которым уже два века двигала яростная воля к могуществу. Империя продолжала разрастаться на юго-восток; социальная структура менялась; способ правления все меньше и меньше напоминал племенной, все больше приближаясь к государственному строю. Ничто в этой картине не говорит о дряхлости; мир ацтеков едва достиг зрелости. Не держа в себе ни примитивности, ни упадка, столица отражала в себе, как в зеркале, народ, который сохранил племенную сплоченность, но, стоя на вершине империи, открывал для себя новые горизонты.

Взглянем еще раз на этот город, прислушаемся к нему. В его деятельности нет ничего лихорадочного, но она беспрестанна и упорядочена. Толпа с бронзовыми лицами и в белых одеждах течет без остановки вдоль немых фасадов, из ворот которых доносится свежее дыхание садов. Редкие разговоры вполголоса, под шарканье босых ног и сандалий. Если поднять глаза, в ярком небе выделяются острые силуэты пирамид; далее два больших вулкана возносят свои шапки вечных сне-

гов над темными лесами. Мужчины, наклонив голову, охваченную ремнем, тащат тяжелые грузы; женщины идут на рынок, неся в корзине домашнюю птицу или овощи. Рядом с ними по воде беззвучно скользят лодки. Вдруг по толпе проносится крик, передаваемый из уст в уста; вдалеке, на широкой улице, появляется пышный кортеж: император! Толпа расступается и, опустив глаза долу, бросает цветы и плащи под ноги правителю, который важно выступает в окружении знати, в сиянии зеленых перьев и золотых украшений.

Воздух свеж, даже в полдень, если идти в тени, вдоль стен, а по ночам просто холодно. На улицах никакого освещения. А ночь, это каждый знает, — царство таинственных и злобных существ, которые появляются нигде на перекрестках. Это Тескатлипока, бросающий вызов воинам, и мрачные *Сиуатетео* — духи женщин, умерших при родах, которые бродят в темноте в поисках жертв. Однако жизнь в городе в противоположность тому, что происходило в ту же эпоху в европейских городах, не замирала до самого утра. Красноватый свет факелов озарял порталы и висел над дворами. Именно по ночам наносили самые важные визиты, праздновали возвращение торговых караванов, а жрецы сменяли друг друга через определенные промежутки времени, чтобы совершать обряды; звуки флейт и голосов на пиру сановников или купцов, удары барабанов в храмах раздавались в темноте, которую разгоняли огни огромных треножников на ступенях *теокалли*, заваленных смолистыми дровами.

Это была напряженная, сложная жизнь, под стать многоликому обществу с твердой иерархией и мощными глубинными течениями. Чтобы понять эту жизнь, нам нужно, воссоздав обстановку, в которой она протекала, обратить свой взгляд к самому обществу.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

Социальная структура племени мешиков во время странствий и при появлении в центральной долине Мехико оставалась довольно простой и в основном уравнительной. Крестьяне-воины, мешики порой на несколько лет задерживались в плодородных областях, сражались, чтобы проложить себе дорогу или отбить возделываемые земли у их владельцев, и продолжали путь, неся на спине свои скудные пожитки.

Подобное существование не требовало ни различий в социальных функциях, ни сложной организации власти. Каждый глава семьи, одновременно воин и земледелец, участвовал наравне с другими в беседах, во время которых принимались важные решения; что же до уровня жизни ацтеков, он был одинаков для всех — равенство в бедности.

Только жрецы Уицилопочтли, «носители бога», сочетавшие свои священнические обязанности со своего рода военным командованием и общей властью над племенем, образовывали в те времена зародыш руководящего класса и ядро власти. Такой примитивной организации было достаточно. Когда мешики, желая подражать своим более развитым соседям и подняться до уровня городских жителей, впервые попытались обзавестись монархом, их попытка закончилась катастро-

фой: «правитель» Уицилиутль Старший был захвачен и казнен жителями Колуакана. Когда они основали свой город, их социально-политическая структура не отличалась от той, что существовала у них на протяжении всех долгих странствий.

Но в начале XVI века — какая перемена! Мешиканское общество расслоилось, усложнилось и упорядочилось. За разными категориями населения закрепляются собственные функции, знать командует и обладает обширными полномочиями. Каста жрецов, влиятельная и почитаемая, уже не смешивается с военными или гражданскими властями. Торговля ворочает огромными количествами ценных товаров, и влияние тех, кто ею занимается, возрастает. Появляются богатство и роскошь и в то же время — нищета.

Наконец, государство сменяет собой простой механизм жизни в племени, оно занимается управлением, разрабатывает и проводит внешнюю политику; на вершине этого здания один человек сияет таким блеском, что чернь опускает перед ним глаза: это *тлатоани*, император, окруженный своими советниками и высшими чиновниками. Преобразования глубоки, и произошли они в очень краткое время. Общинная демократия уступила место аристократической и империалистической монархии.

Руководящий класс

Стоявший на вершине общественной иерархии руководящий класс делился, в свою очередь, на несколько категорий, различающихся либо по своим функциям, либо по своей важности и окружавшим их почестям. Верховный жрец был равен военачальнику, но и тот и другой смотрели свысока на бедного квартального жреца или мелкого чиновника, занимавшегося сбором дани в поселке. И все они отличались от «простолюдинов», как говорили испанцы, — масеуали (во множественном числе — масеуалтин), которые не имели никакой власти и не исполняли никакой чиновничьей должности.

Слово *текутли* — «господин», «сановник» — означает верхнюю ступень руководящего класса в военной, административной или судебной сфере; так называли главнокомандующих, чиновников самого высокого уровня в Мехико (например, главу финансового управления) и в провинциях, руководителей столичных кварталов, судей, которые вели самые важные дела в больших городах. Бывший правитель какого-нибудь города, включенного в империю, сохранивший свою должность под властью Теночтитлана, — *текутли*, как, впрочем, и сам император. Часто сами боги носили этот гордый титул: *Миктлантекутли* — «господин подземного мира», *Шуутекутли* — «владыка года» или бог огня. Жрецы же получали такое прозвание лишь в исключительных случаях; у них существовала собственная иерархия, которая, как мы увидим, была не менее пышной и уважаемой, нежели у других сословий.

Изначально стать *текутли* можно было выборным путем или, скорее, по назначению, поскольку выбор избирателей почти всегда падал на члена одной и той же семьи, исполнявшей определенную должность. Например, смена руководителя квартала обеспечивалась «не по наследству, а, после его смерти, путем избрания самого достойного, ученого и по-своему ловкого, или самого пожилого... Если у покойного оставался сын и он годился для дела, избирали его, и всегда избирали родственника покойного, если только таковой имелся и был способен к исполнению должности», — пишет Алонсо де Сурита.

Но в правление Мотекусомы II единственные должности, в самом деле распределявшиеся выборным путем, были самыми высшими: это были должности императора и четырех «сенаторов», которые его окружали. Во всех остальных случаях либо государь просто назначал своих чиновников, либо же кварталы и города выдвигали своих руководителей, но это выдвижение имело силу только после утверждения центральной властью. На практике местному *текутли*, стоявшему во главе поселка, города или квартала, наследовал чаще всего сын, племянник или брат, но если видимость традиции и сохранялась, то на деле это были уже не выбо-

ры, а представление, и последнее слово оставалось за императором. Власть исходила уже не снизу, а сверху; обломки примитивной демократии были раздавлены новой государственной машиной.

Текутли, стоял ли он во главе поселка, местечка или города, всегда был важным лицом. Именно его завоеватели называли «касиком», привнеся в Мексику слово из гаитянского языка. Он отличался одеждой и украшениями. К его имени прибавляли уважительную частицу «*цин*». Он жил в *теккалли* — «дворце», более или менее роскошном, о содержании которого заботились жители поселка или города, обязанные поставлять «дрова и воду», по общепринятой формулировке того времени, а также его обслуживать. Ему передавали некоторые земли, которые для него обрабатывали, а он получал с них доход, составлявший его «оклад»; кроме того, император выплачивал ему «жалованье и паек» — ткани, одежду, съестные припасы, зато он был обязан являться к правителю сразу же, как только тот пожелает.

В чем заключались его обязанности? Во-первых, он представлял свой народ перед высшими властями. Он должен был «говорить от лица людей, за которых он в ответе», защищать их в случае необходимости от чрезмерных поборов, от всякого посягательства на их земли. Во-вторых, именно к нему шли со всякими тяжбами и спорами, которые потом рассматривались в апелляционном суде Мехико или Тескоко. В-третьих, как военачальник он вел в бой лично собранные им войска. Наконец, отвечая за порядок, он следил за обработкой полей, в частности, тех, плоды с которых шли в уплату дани, и обеспечивал ее выплату *кальтишке* императорской администрации.

Чтобы справляться со всеми этими задачами, особенно в большом населенном пункте, он мог, в свою очередь, назначать местных чиновников, платя им жалованье из дохода со своих земель и получаемого «пайка». Сам он от дани был освобожден, как и его семья и дети.

Как в старой Франции существовало большое различие в образе жизни и реальном влиянии между мелкопоместным дворянином из Бретани или Гаскони и крупным вельможей, близким к королю, так и в Мекси-

ке *текутли* из дальней деревни был почти ничем в сравнении с теми, кто окружал Мотекусому. Но если французский дворянин твердо знал, что передаст титул по наследству, у *текутли* такой уверенности не было: его звание присуждалось лично ему и пожизненно, а после его смерти в результате двойного процесса местных выборов и утверждения из центра его должность могла перейти либо к дальнему родственнику, либо к преемнику, и вовсе не принадлежащему к его роду. И в самом деле, многие города, в особенности в окрестностях Мехико, в тот или иной момент получали другого *текутли*, назначенного императором.

В каждом квартале (*кальпулли*) столицы был свой начальник — *кальпуллек*, избираемый пожизненно, предпочтительно из одной и той же семьи, и утвержденный правителем; его окружал совет старцев (*уэуэтке*) — вероятно, самых старых и самых почтенных глав семейств, и «он ничего не предпринимал, не посоветовавшись с этими старцами». Его обязанности были очень похожи на функции сельского или городского *текутли*: он должен был, в частности, «быть способен защищать и отстаивать» своих сограждан. Но его главная задача сводилась к тому, чтобы держать в порядке реестр общественных земель, принадлежащих *кальпулли*, наделы которых распределялись между различными семьями. Те, как мы увидим, могли обрабатывать свой клочок земли и собирать урожай на определенных условиях; *кальпуллек* и его совет должны были проследить за соблюдением этих условий и занести в книги в виде изображений и иероглифов все изменения, произошедшие в распределении земель.

Кальпуллеку приходилось нести весьма значительные расходы в связи с исполнением своих обязанностей: довольно частые собрания квартального совета проходили в его доме, и ему приходилось кормить и поить стариков. Даже сегодня в мексиканской деревне облеченный должностью индеец, не проявляющий щедрости, утратит свое лицо; тогда было то же самое. Зато глава квартала был освобожден от податей; жители его *кальпулли* по очереди обрабатывали его земельный участок и помогали ему по хозяйству.

Здесь мы, конечно, соприкасаемся с очень древним институтом мексиканской общины. *Кальтулли* — это в самом деле базовая ячейка, ее вождь и старейшины представляют собой первичную форму земельной организации ацтеков. Верно и то, что в эпоху, о которой мы говорим, власть *кальтуллека*, почитаемого, как и ранее, урезалась со всех сторон и принимала все более номинальный характер.

Избранный согражданами, он мог сохранить свой пост только по воле государя. Теоретически являясь главой общинных институтов, он должен был уступить местный храм *куакулли* квартальному жрецу, принадлежащему к жреческой иерархии, а «дом юношей» — военным наставникам, назначенным сверху. Каждый день, как говорит Торкемада, ему приходилось являться во дворец для получения приказаний: «Он ждал, пока *уэй кальтшики*, который был старшим мажордомом, заговорит с ним, чтобы сообщить, что главный господин (император) приказывает и повелевает». Ниже его стояли чиновники, присматривающие каждый за двадцатью, сорока или ста семьями, чтобы собирать подать и организовывать общественные работы — уборку, строительство и т. д. Теоретически они подчинялись *кальтуллеку*, но складывается такое впечатление, что они входили в административную, так сказать, «бюрократическую» систему, которая была ему неподвластна. «Число чиновников, которое имелось у этого народа для каждого малого дела, было столь велико, счета повсюду велись столь хорошо, что не было никаких упущений ни в счетах, ни в списках, ибо для всего существовали чиновники и мелкие начальники, даже для метельщиков...

Весь город и кварталы были распределены, ибо тот, кто отвечал за сто домов, избирал и назначал пять или шесть других служащих, которые ему подчинялись, и распределял между ними эти сто домов, чтобы, отвечая за пятнадцать-двадцать домов, те управляли и руководили (жителями), дабы собирать подати и людей для общественных работ; и потому чиновников в городе было такое множество, что и сосчитать нельзя», — сообщает Диего Дуран в «Истории индейцев Новой Испании и островов у материка».

Эта картина мексиканской иерархии, странным образом напоминающая административную систему империи перуанских инков, почти не оставляет иллюзий относительно того, что касается самостоятельности *кальпуллека*, зажатого между *уэй кальпишки* сверху и бюрократией снизу. Традиционный вождь, свидетель пройденного этапа, он словно застрял в сети централизованной административной организации, принадлежавшей государству, а не местным общинам.

Наконец, если изначально у *кальпуллека* и были военные возможности, как это можно предположить, то на самом деле его их практически лишили. Квартальные военные контингенты на деле образовывали четыре корпуса, по четырем большим секторам города (Теопан, Мойотлан, Астакалько и Куэпопан), под командованием сановников, затмевавших своим блеском местных вождей. Военная иерархия в стране, постоянно находившейся в состоянии войны, предоставляла храбрым и честолюбивым людям возможность сделать необыкновенную карьеру, добиться власти и почестей.

Само собой, в Теночтитлане каждый мужчина, каково бы ни было его происхождение, являлся прежде всего воином или желал им быть. Чиновники уже были воинами или должны были стать ими; жрецы, по меньшей мере в юности, отправлялись в поход за пленниками, а некоторые жрецы — *тламакастекиуаке* — сочетали священство и военную службу; что же касается купцов, то, как мы увидим, их занятие отнюдь не являлось таким мирным, как в наши дни, и чаще всего было сродни разведке боем или колонизаторской экспедиции.

С самого рождения мальчика посвящали войне. Пуповину новорожденного закапывали в землю вместе со щитом и маленькими стрелами. К малышу обращались с речью, возвещая ему, что он явился на свет, чтобы сражаться. Богом юношей был Тескатлипока, которого также называли Йаотль — «воин» и Тельпочтли — «юноша». Именно он властвовал над «домами юношей» (*тельпочкалли*) в каждом квартале, в которые поступали мальчики с шести-семи лет. Образование, получаемое в этих школах, было в основном военным, и юные

мешики мечтали только о том, чтобы отличиться в бою. С десяти лет им остригали волосы, оставляя на затылке одну прядь — *тиочтли*, которую они смогут срезать только в тот день, когда захватят в бою пленника, даже если объединятся для этого вдвоем или втроем.

Воин, совершавший этот первый подвиг, получал звание *ийак*. «Я *ийак*», — заявил Тескатлипока; то есть юный воин уже мог сравниться со своим богом. Он срезал прядь волос на затылке и отпускал прядь, спадающую на правое ухо. Но он пока еще поднялся только на одну ступень: если в последующих двух-трех походах он не сможет отличиться, то будет вынужден выйти в отставку и отказаться от военной карьеры. Как ни печально, придется посвятить себя работе в поле и семье; он больше никогда не сможет носить из покрытых вышивками одежд окрашенного хлопка и украшений. Он будет простым *масеуалли*.

Если же, напротив, боги будут к нему благосклонны, если (как говорили мешики) он родился под счастливым знаком, он продолжит свои военные подвиги. Когда он пленит или убьет четырех вражеских воинов, то получит титул *текиуа* («владеющий (частью) дани» — *текитль*), то есть войдет в высшую категорию, участвующую в распределении поступающих податей. Он получит доступ к участию в советах воинов и к командованию. Он сможет носить сложные головные уборы из перьев и кожаные браслеты. Перед ним откроется дорога к высшим чинам: он сможет стать *куачикам* («тот, у кого острижены волосы на макушке»), *куаучичимекатлем* («чичимек-орел»), *отамитлем* (слово, обозначающее древнее суровое и воинственное племя отоми, жившее в горах к северу от Мехико). Наконец, он сможет вступить в один из двух высших военных орденов: «воинов-ягуаров», военным облачением которых была шкура ягуара, воинства Тескатлипоки, или «воинов-орлов», носивших шлем в виде головы орла, — армии Солнца.

В одиннадцатый месяц года — *очтанистли* — император лично раздавал награды и почетное оружие. «Все выстраивались по порядку, стройными колоннами, перед Мотекусомой, который сидел на орлином настиле

(*куаутеплан*); на самом деле он сидел на орлиных перьях, а спинка его трона была из шкуры ягуара... Каждый стоя приветствовал его; у его ног лежали всякого рода оружие и знаки отличия — щиты, мечи, плащи, набедренные повязки. Они стояли перед ним, приветствуя его, и каждый по очереди получал подарки. Затем они надевали доспехи и украшали себя своими знаками отличия. Он (император) вручал эти роскошные украшения главным военачальникам... Когда все наряжались таким образом, то снова выстраивались в ряд перед Мотекусомой... И знаки отличия, которые им вручали, были их наградой, которая должна была привязать их (к службе)... А женщины, которые смотрели на них — матери и горячо любимые жены, — проливали горячие слезы, их сердца переполнялись печалью. «Вот наши возлюбленные дети, — говорили они, — а если через пять или десять дней прозвучат слова ‘Вода и огонь!’ (то есть ‘война’), вернутся ли они назад? Найдут ли они дорогу домой? На самом деле они уйдут навсегда!»*

Но эти традиционные причитания, похоже, не побуждали воинов свернуть с их пути, столь же традиционно почитаемого и превозносимого. Для них смерть в бою или, еще лучше, на жертвенном камне была залогом счастливого бессмертия, ибо воин, павший на поле боя или принесенный в жертву, непременно становился «спутником орла» — *куаутека*, одним из тех, кто сопровождает солнце с восхода до заката в ослепительном кортеже света, сияющем от радости, — а потом возрождался в облике колибри, чтобы вечно жить среди цветов.

На самой вершине воинская иерархия сливалась с государственной. Одним из титулов императора был *тлакатекутли* — «господин мужчин», то есть воинов, и первая его обязанность состояла в командовании войсками не только Мехико, но и союзных городов. Среди окружавших его высших сановников самые

* «Флорентийский кодекс». Традиционное выражение *атль-тлачиналли* («вода и огонь») значит «война» и преимущественно «священная война»; оно обозначалось особым иероглифом, соединявшим в себе знаки воды и огня.

главные исполняли в основном военные должности, по крайней мере первоначально; четверо из них в военное время командовали войсками, предоставленными четырьмя секторами столицы.

Два из этих «четырёх великих» выделялись по оказанной им чести: это *Тлакатеккатль* («командующий воинами») и *Тлакочкалькатль* («глава дома копий»). Эти титулы указывали на то, что первый командовал войсками, а второй отвечал за арсеналы (*тлакочкалли*), где хранилось оружие. По большей части, это были близкие родственники правителя, и именно из них зачастую выбирали императора: Иццоатль, Ашайякатль, Тисок и Мотекусома II на момент избрания носили титул *тлакочкалькатля*, Ауисотль был *тлакатеккатлем*. Их наряд был великолепен и роскошен: расшитые одежды, драгоценности, уборы из перьев. Их резиденции походили на императорский дворец, и образ жизни они вели соответствующий. Они были первыми из тех, кому доставались подарки и разнообразные товары, поступающие из покоренных областей. Они обладали одновременно славой и богатством.

Впрочем, это относилось ко всем отличившимся воинам на каждой ступени. По мере того как они занимали всё более высокий статус в иерархии, слава их росла, и одновременно они получали, вместе с правом носить всё более роскошные одежды и украшения, подарки натурой и доход с определенных земель. Они не только уже не были обязаны обрабатывать свой надел, как простые граждане, но и получали новые участки, чаще всего в покоренных землях, которые возделывали для них другие.

У них красивые дома, многочисленная челядь, ослепительные наряды и драгоценности, обильные запасы в закромах и сундуках — они богаты. Но нельзя забывать, что это богатство даруется только покрывшим себя славой. Ты богат, потому что прославился, а не славен, потому что богат: человеку, принадлежащему к правящему классу, невозможно обогатиться иначе, чем совершив подвиги.

Испанцы решили, что военные сановники, зная, окружающая императора, сродни европейской знати

при дворах испанского или французского короля. Это было явным заблуждением. Правитель ацтеков окружал себя не двором из наследных «грандов», владеющих поместьями или семейными состояниями, а военными или гражданскими чиновниками, чьи прерогативы были связаны с их обязанностями.

Правящий класс постоянно обновлялся, пополняясь за счет граждан, и именно это составляло его силу. Любой воин, каково бы ни было его происхождение, сумев захватить четырех пленников, становился *текуа* и сразу же попадал в высший слой общества. С другой стороны, император раздавал высокие чины тем, кто это заслужил; часто сразу после завершения сражения или войны он назначал целую группу сановников: после победы Мотекусомы II над жителями Тутотепака сразу 260 человек были повышены в чине.

Тесосомок уточняет, что после покорения Койоакана все «простолюдины», отличившиеся в войне с этим городом, были назначены на самые высшие военные должности; одновременно каждый из них получил одно или несколько поместий и доход с них. Впрочем, даже важнейшие должности, о которых мы уже говорили, — тлакочкалькатль и тлакатеккатль — были устроены таким образом, что по меньшей мере одна из них всегда отходила воину, выслужившемуся из рядовых или, по выражению Саагуна, «вращенному на войнах».

В обществе, которое всё целиком жаждало славы (за примечательным исключением купцов, о которых речь впереди), причем славы, заслуженной личным вкладом, положение отличившихся воинов было завидным и вожделенным. Когда отец обращался к сыну с назидательной нотацией, до которых ацтеки были так охочи, он обязательно указывал на воинов в качестве образца для подражания. Их превосходство проявлялось постоянно, не только в одежде и знаках отличия, но и в привилегиях, которыми они пользовались во время ритуалов и церемоний.

Например, в восьмой месяц года — *уэй текуильуитль*, «большой праздник сановников», — только «военачальники и прочие доблестные мужи, закаленные в боях», могли принимать участие в большом священ-

ном танце ночью, у подножия пирамид священного города, в свете огромных жаровен и факелов, которые держали юноши. Они танцевали по двое, и к каждой паре воинов присоединялась женщина (одна из *ауйаниме*, подруг холостых солдат) с волосами, распущенными по плечам, в юбке, покрытой вышивкой и бахромой. На танцующих были украшения, соответствующие их чину: *куачик* имел право вставлять в губу украшение в виде птицы, *отомитль* — в виде листа водяной лилии. В уши все они вставляли бирюзовые диски. Танец продолжался несколько часов; иногда в нем принимал участие даже император.

В следующем месяце устраивался *тлашочимако* — не менее торжественный танец в честь Уицилопочтли, перед его *теокалли*, но на сей раз в полдень: Уицилопочтли считался богом солнца в зените. Теперь воины выстраивались по ранжиру: сначала *куакуачикстины* и *отомитли*, потом *текиуаке*, затем юноши, захватившие одного пленника, следом те, кого называли «старшими братьями» — заслуженные воины, служившие наставниками, и, наконец, подростки из квартальных школ. «И они держались за руки, женщина меж двух мужчин и мужчина меж двух женщин, как в простонародных танцах в Старой Кастилии, и танцевали, продвигаясь извивами, и пели... Стоявшие в первом ряду танцоров, самые опытные в бою мужи, держали женщину за талию, точно обнимали ее; но прочие, не столь высоко стоящие (в военной иерархии), не имели права так делать», — рассказывает Саагун.

Бывали и другие случаи, когда воины оказывались в центре общего восхищения и почитания. Так было каждые четыре года, когда отмечали праздник бога огня, и император с главными сановниками, покрытые украшениями из перьев и драгоценных камней, танцевали «танец сановников»; в дни под знаком *се шоцитль* («цветок»), когда правитель под песни и танцы вручал воинам богатые подарки; и, разумеется, каждый раз, когда армия с победой возвращалась из похода и вступала в город по одной из дамб, приветствуемая уже на берегу озера депутациями старейшин, под стук барабанов *тепонастли* и звуки труб.

Хотя эти сановники и не образовывали «знать» в европейском смысле слова, в рассматриваемую нами эпоху они стремились сохранить и сделать наследственными отличия, изначально полагавшиеся по должности. Сын *текутли* больше не скатывался к положению *масеуалли*, «простолюдина»; он уже по праву рождения носил титул *тилли* — это слово сначала означало «ребенок, сын», но затем приняло значение «сын *текутли*» или, как говорили испанцы, «идальго», сын благородного человека.

В принципе *тилли* не имел никаких особенных прав и, если хотел возвыситься в военной, гражданской или жреческой иерархии, должен был предпринять те же усилия, что и *масеуалли*. Но на деле он изначально пользовался многочисленными преимуществами: слава отца, круг знакомых, позволяющий надеяться на покровительство, высшее образование в *кальмекаке* вместо квартальной школы. Именно из этой категории император охотно набирал чиновников, судей, посланников; она, так сказать, находилась на полпути между народом и руководящей верхушкой и служила своего рода запасником, из которого можно было черпать кадры в связи со все увеличивающимися нуждами развивающейся администрации. Итак, постепенно возникала «знать»; однако не следует забывать, что *тилли*, ничем не отличившийся за свою жизнь, уже не мог передать почетного положения своим детям. Блеск *текутли* угасал через поколение, если его не поддерживали доблесть и служение.

Расширение империи и многочисленные задачи, которые приходилось решать государству, неизбежно приводили к дифференциации государственных должностей. Очень трудно точно определить, каковы были обязанности чиновников, титулы которых нам известны. Эти титулы, как и те, что были в ходу в Римской или Византийской империи или в европейских монархиях, наверняка в большинстве случаев уже не соответствовали своему буквальному значению. *Тлилланкальки*, вероятно, уже не был «стражем темного дома», как камергер в Европе не следил самолично за королевским гардеробом.

Как бы то ни было, в эпоху Мотекусомы II можно выделить три категории чиновников. Во-первых, наместники некоторых городов или населенных пунктов. Хотя они носили военные титулы *тлакоchteкутли* («господин дротиков»), *тлакатеккатль* и даже *тлакатекутли*, реже — *тескакоакатль* («змеиное зеркало») или *тлилланкальки*^{*}, их обязанности были по большей части гражданскими и административными. В нескольких городах действовали одновременно два «губернатора», например, в Остомане, Сосолане, Ушиакаке (Оахака); вероятно, один из них занимался управлением, а другой командовал гарнизоном.

Чиновники, на которых было возложено управление и, в частности, сбор налогов, обозначали общим термином *кальтшике* — «стражи дома», который конкистадоры и хронисты переводят как «мажордомы». Их избирали из категории *пилли*, и их главной задачей было организовать обработку земель, предназначенных для уплаты подати, взимать зерно, товары, продукты, которые каждая провинция должна была поставлять через установленные промежутки времени, и обеспечить их доставку в Мехико.

Они должны были посылать императору отчеты о состоянии земледелия и торговли; если начинался голод, им следовало известить об этом правителя и по его приказу избавить провинцию от всякой дани или даже открыть государственные закрома и раздать зерно населению. Они также отвечали за сооружение общественных зданий, содержание дорог, обслуживание императорских дворцов. В каждой провинции *кальтшики* жил в главном городе со своим штатом, в который входило большое количество писцов, способных вести податные книги и составлять отчеты; в городах или больших поселках провинции наверняка были его представители.

Рассказ Берналя Диаса создает представление о полномочиях этих чиновников и их грозной власти. Впер-

* В «Кодексе Мендосы» приводятся следующие уточнения: в Остомане — *тлакоchteкутли* и *тлакатеккатль*; в Кечольтенанко — *тлакатекутли*; в Атлане и Тесапотитлане — *тлакоchteкутли*; в Шоконочко — *тецкакоакатль* и *тлилланкальки*; в Сосолане и Ушиакаке (Оахака) — *тлакатекутли* и *тлакоchteкутли*.

вые испанцы увидели *кальтишке* в Киауистлане, у тотонаков, покоренных империей. «Несколько индейцев из той же деревни прибежали сказать всем касикам, беседовавшим с Кортесом, что приближаются пять мешиков, сборщиков налогов Мотекусомы. Услышав это, они побледнели и задрожали от страха. Они бросили Кортеса одного и вышли, чтобы встретить их. Очень быстро они украсили залу ветками, приготовили угощение и большое количество какао — лучшего из напитков, что есть у них в употреблении. Когда эти пятеро индейцев вступили в деревню, они прошли через место, где мы находились, с такой уверенностью и гордостью, что продолжали свой путь, не заговорив ни с Кортесом, ни с кем из нас. На них были богатые расшитые плащи, набедренные повязки такого же рода, блестящие волосы были стянуты в узел на затылке; каждый из них держал в руке букет цветов и вдыхал их аромат, а другие индейцы, точно слуги, обмахивали их опахалами». В итоге эти надменные представители центральной власти немедленно вызвали к себе тотонакских вождей, имевших неосторожность вести переговоры с Кортесом, и сурово их отчитали.

Третья категория чиновников, судьи, назначались правителем из числа опытных и пожилых сановников или из простонародья. В Тескоко половина высших судей была «из благородного рода», а вторая половина — из «простолюдинов». Все хронисты в один голос славят ту тщательность, с какой император и союзные правители избирали судей, «следя за тем, чтобы они не были ни пьяницами, ни склонными получать подношения, ни отзывчивыми к личным просьбам, ни пристрастными в своих решениях».

Должность судей была окружена необычайным уважением и авторитетом; в их распоряжении находилась своего рода полиция, которая по их приказу могла арестовать даже сановников в любых местах. Их гонцы «передвигались с величайшей скоростью, днем и ночью, под дождем, снегом или градом». Их писцы вели протокол каждого дела, записывали заявления каждой из сторон, свидетельские показания, приговоры. Но горд досточтимым судьям, если их удавалось подкупить!

За выговором быстро следовал отзыв, а иногда и смерть: один правитель Тескоко велел казнить судью, подыгравшего сановнику в ущерб простолюдину.

Военные или гражданские, воины, управленцы или судейские, действующие сановники или сыновья господ, ожидающие назначения, — все эти чиновники, окруженные тучей гонцов, исполнителей, писцов и полицейских, относились к светской власти. Они зависели от императора, главы государства, и были колесиками и винтиками в огромной машине империи. Рядом находились тесно связанные с ними узлами родства, образованием и всеобъемлющим влиянием религии представители духовной власти; бок о бок с чиновниками — жрецы. Руководящая верхушка делилась на две параллельные иерархии. Одни завоевывали, управляли, судили; другие своим служением в храмах осыпали весь свет благодеяниями богов.

Юный *тилли* с детства имел возможность общаться с сословием жрецов, поскольку воспитывался в *кальмекаке* — «школе-монастыре», разделяя жизнь жрецов и их суровые самоограничения. Дети купцов тоже могли поступить в *кальмекак*, но, так сказать, сверх штата или на птичьих правах. Похоже, жречество было доступно только представителям правящего класса или, в крайнем случае, выходцам из купеческого сословия. Однако Саагун подчеркивает, что самые почитаемые жрецы порой происходили из самых скромных родов. Значит, следует допустить, что какой-нибудь *масеуалли* мог, если захочет, вступить в число послушников; возможно, исключительные способности к жреческой деятельности, проявившиеся, когда юноша находился еще в квартальной школе, позволяли учителям перевести его в *кальмекаки*.

«Послушник», буквально «маленький жрец», был посвящен Кецалькоатлю, богу жрецов. Если, достигнув двадцати—двадцати двух лет, послушник решал не жениться и полностью посвятить себя священству, он становился *тламакасски* (жрецом) и отныне мог носить этот почетный титул. Это был титул Кецалькоатля — одновременно бога, правителя и главного жреца легендарной Тулы. Это также титул Тлалока — тысячелет-

него бога дождя и зарождения жизни, — окружающих его второстепенных божеств и *Пильцинтекутли* — молодого, блестящего и благодетельного бога музыки и танца. Называться *тламакасски* значит уже немного уподобиться богу.

Большинство жрецов, вероятно, не поднимались выше этой ступени. С возрастом они получали постоянные, но второстепенные должности: например, барабанщика или помощника при жертвоприношениях; или же, встав во главе «прихода», мирно оканчивали свою жизнь, совершая обряды в квартальном храме. Их чин в иерархии обозначался словом *куакуилли*. Другие, напротив, достигали верхних ступеней и получали титул *тленамакак*. Они могли входить в коллегии выборщиков, избиравших императора, и именно из их числа происходили высшие иерархи мексиканской церкви.

На вершине этой церкви стояли рядом два великих жреца с равными полномочиями: *кецалькоатль тотек тламакасски* («пернатый змей, жрец нашего господина») и *кецалькоатль тлалок тламакасски* («пернатый змей, жрец Тлалока»). Из них первый заведовал культом Уицилопочтли, а второй — культом Тлалока. Как два эти божества занимали вершину главного *теокалли*, так и два их высших жреца главенствовали в жреческой иерархии.

Общее звание «пернатого змея» накладывало на них печать святости, признаваемой благодаря легенде о тольтекском боге-правителе Кецалькоатле, представителями и преемниками которого они становились в общем и целом. «Среди этих жрецов, — говорит Саагун, — избирали лучших, чтобы сделать их высшими понтификами, которых называли *кекецалькоа*, что означает преемники *Кецалькоатля*... В этом выборе совершенно не учитывалось происхождение, а только нравы и благочестие, знание доктрин и праведность. Избирали добродетельного, смиренного и миролюбивого, рассудительного и серьезного, не легкомысленного, строгого и щепетильного, исполненного любви и милосердия, сострадания и дружбы ко всем, благочестивого и богобоязненного». Не правда ли, горячая похвала, осо-

бенно с учетом того, что она вышла из-под пера католического монаха!

Эти два высших понтифика, «равные по положению и по чести», как сказано в том же источнике, были окружены глубоким почитанием. Даже император давал себе труд навестить их. Их двойное присутствие на вершине религиозного мира скрепляло синтез двух основополагающих идеологий Мексики, переплавленных ацтеками, которые стали главенствующим народом. С одной стороны — Уицилопочтли, солнечный повелитель войны, близкий родственник божеств охоты, образец для воинов, прототип принесенного в жертву, который возрождается ради беззаботного и вечного существования птицы. С другой — Тлалок, старый бог дождя, растительного изобилия, тот, что «без боя» заставляет прорасти маис и другие питательные растения, добрый волшебник, отдаляющий засуху и голод. С одной стороны — религия воинственных кочевников, с другой — вера оседлых земледельцев, каждая со своим идеалом и своим раем.

Стоявшие ниже двух великих жрецов многочисленные «священники» отвечали либо за определенные виды религиозной деятельности, либо за культ того или иного божества. Самый важный среди них, своего рода генеральный секретарь Церкви, носил титул *мешикатль теоуацин* («преподобный мешик, ответственный за богов»); его избирали два *кекецалькоа*, и он «отвечал за других, менее важных жрецов, соответствующих епископам; он следил за тем, чтобы всё, касающееся божественного культа, исполнялось быстро и четко во всех местностях и провинциях, согласно законам и обычаям древних понтификов... в его распоряжении были все вещи, которые должны были изготавливаться во всех провинциях, покорных Мехико, и относившихся к культу богов». В его обязанности также входило следить за дисциплиной жреческого состава и надзирать за образованием, предоставляемым в *кальмеках*. Ему помогали, с одной стороны, *уицнауак теоуацин*, занимавшийся ритуалами, а с другой — *тепан теоуацин*, который решал вопросы, связанные с образованием.

Священные предметы, движимое имущество и собственность храмов находились в ведении казначея — *тлакмилольтекутли*^{*}, а богатство богов было огромным. Здания, земли, статуи, бесчисленные предметы культа обладали значительной ценностью, как и дары в виде продуктов питания и одежды, которые беспрестанно приносили верующие; помимо этого, школы жрецов владели землями, которые они отдавали обрабатывать или сдавали в аренду, а также получали долю от дани, прибывающей из покоренных областей.

Благочестивые императоры не жалели подарков для храмов. В Тескоко целых пятнадцать крупных поселков с хуторами работали, чтобы поддерживать в хорошем состоянии и ремонтировать храмы и поставлять дрова для костров, которые горели в них неугасимо. То же было в Мехико; некоторые поселки платили подать только маисом, мясом, дровами и благовониями для священных обитателей. Поэтому рядом с храмами находились закрома с обильными запасами. Жрецы использовали их не только для себя, но и для бедных и больных. Они создали больницы в Мехико, Тескоко, Чолуле и т. д. Для управления всем этим имуществом при казначее состоял внушительный штат писцов.

Что до жрецов, отправлявших различные культы, то их было чрезвычайно много. Ни один бог не успокоился бы, пока не получил собственный «дом» с главным жрецом, служками и послушниками. К услугам четырехсот богов питья и опьянения было такое же количество жрецов, возглавляемых *аметочсином* — преподобным жрецом с календарным именем «Два-Кролик», тем же самым, что носил и один из этих богов. Впрочем, это был широко распространенный обычай: каждый жрец носил в качестве титула имя бога, которому служил и воплощением которого одновременно являлся. Обряды так невероятно размножились, что огром-

* Это слово происходит от *тлакмилолли* — «обернутая вещь» (завернутая в ткань). Во время странствий изображения богов или священные предметы, которые их заменяли, заворачивали в куски ткани. В историческую эпоху в некоторых храмах хранили *тлакмилолли*, в которых было завернуто зеркало (символ бога Тескатлипоки) или шипы агавы (символ Уицилопочтли).

ное количество жрецов трудилось, не покладая рук, и это при весьма развитом разделении труда, чтобы исполнить только ту или иную материальную задачу. Например, *ишкосауки цонмолько теоуа* отвечал лишь за поставку дров в храм бога огня, а *почтлан теоуа ийа-катекутли* должен был организовывать праздник бога торговцев.

Разумеется, следовало тщательно соблюдать расписание праздников, порядок совершения церемоний: это было важнейшей миссией *эпкоакуакуильцина* — «преподобного, служащего в храме дождя», который, несмотря на ограничения, заложенные в названии его должности, заведовал всеми ритуалами (по меньшей мере, их материальной стороной) под властью *уицна-уак теоуацина*.

Женщинам жречество тоже было доступно: мать могла представить новорожденную девочку через двадцать-сорок дней после ее появления на свет в квартальный храм; *куакуилли* принимал из рук матери жаровню с *копалом* (пахучей смолой), что скрепляло своего рода взаимное обязательство. Но только став девушкой (*ичпочтли*), послушница вступала в храм и получала звание жрицы (буквально — женщина-жрец, *сиуатламакаски*). Во всё время, пока она его носила, она была обязана хранить целомудрие, но у нее была возможность выйти замуж, «если к ней посватаются в пристойной форме и если отцы, матери и облеченные властью люди будут согласны», как сказано во «Флорентийском кодексе». Тогда проводили особенно торжественную церемонию бракосочетания, после чего жрица покидала храм и отправлялась в свой дом. Но многие, похоже, предпочитали полностью посвятить себя служению богу.

В традиционных повествованиях предстают многочисленные жрицы, совершающие богослужения по разным случаям. Праздник великой богини Тоси («нашей бабушки») проводила *сиуакуакуилли*, или помощница жреца. На другую женщину, носившую звание *истаксиуатль* («белая женщина»), была возложена материальная подготовка некоторых церемоний, в частности, подметание полов в храмах и зажигание ог-

ней. Подметание в храмах не было простой уборкой, оно имело ритуальный смысл: выметая сор, открывали дорогу богам. Один из месяцев года назывался *очпани-стли* — «подметание».

В четырнадцатый месяц года, *кечолли*, женщины приходили в храм бога охоты и войны *Мишкоатля* и приносили своих детей старым жрицам, состоящим при этом храме, которые брали их на руки и танцевали; после этого матери уносили детей, преподнеся жрицам сласти — *цопелик тамалли*. Этот обряд занимал целое утро.

Во время церемоний, проводившихся в месяц *очпанистли*, молодые девушки, жрицы бога маиса, играли первостепенную роль. Каждая из них, олицетворяя собой богиню *Чикамекоатль* («Семь-Змея» или, иначе, *Чикамаллоцин* — «досточтимая богиня семи початков маиса»), несла на спине семь початков маиса, завернутых в дорожные ткани; лица девушек были раскрашены, руки и ноги украшены перьями. Они пели и устраивали шествие вместе со жрецами того же божества. На закате солнца в толпу бросали горстями зерна маиса различных цветов и тыквенные семечки, и зрители бросались их подбирать, отпихивая друг друга, чтобы получить залог процветания и изобилия на грядущий год.

Торкемада уточняет, что некоторые из юных жриц давали обет на один год или на несколько лет (но, похоже, никогда — навечно), чтобы снискать у бога некую милость, например исцеление от болезни или удачный брак. За ними присматривали и обучали их старые женщины. Девушки обслуживали храм, подносили благовония изображениям богов с наступлением ночи, в полночь и на заре, ткали облачения для жрецов или идолов.

От жречества к гаданию, потом к врачеванию и, наконец, к колдовству — таков был ступенчатый переход от возвышенного к пагубному, от почитания к боязни и ненависти. Окраины мира религии сливались во мраке со зловещим миром чародеев и колдунов.

Собственно гадание было не только законным, но и официально практиковалось особой категорией жре-

цов — *тональпоуке*. Они получили образование в школах-монастырях, где их обучили предсказаниям по знакам календаря. Вообще-то эти знания были неотъемлемой частью высшего образования; только вспомните о том, какую роль играло у римлян в классическую эпоху толкование знамений. Но похоже, что эти гадатели, получив квалификацию, не входили в штат жрецов при храмах; они, если можно так выразиться, занимались «частной практикой». Ни в работе, ни в средствах у них недостатка не было, поскольку каждая семья обязательно советовалась с ними в момент рождения каждого ребенка. К тому же не было ни одного важного события в жизни — свадьбы, начала путешествия, военного похода, — дату которого не устанавливали бы гадатели по просьбе частных лиц или чиновников. За каждую «консультацию» было принято платить едой и подарками — «несколько плащей, индейки и другие продукты».

Открыто занимались своей деятельностью (хотя ее границы уходили в неясную тень, отбрасываемую черной магией) врачи и целительницы, которые участвовали во множестве публичных церемоний. Особо следует упомянуть о повитухах, которые не только принимали роды, но и должны были обращаться к новорожденным с нравоучительной речью, носящей религиозную направленность, а затем, посоветовавшись с гадалем, дать ребенку имя. Их важная роль в общине приносила им уважение и, вероятно, достаток.

Наконец, на противоположной по отношению к священнодействию жрецов стороне находились нагуали — колдуны, грозные шаманы. Им приписывали широкие и многочисленные возможности: они будто бы могли превращаться в животных, знали заклятия, «околдовывающие женщин и повелевающие их сердцами по их желанию», могли убить на расстоянии своими заклинаниями. Колдуны и колдуньи таились, чтобы творить свои черные дела, однако были достаточно известны, чтобы к ним приходили по ночам, прося об услуге. Говорили, что их могущество происходит оттого, что они родились под зловещим знаком — «Один-Дождь» или «Один-Ветер», и для своих дел они дожидая-

лись дней, благоприятных для таких начинаний. Считалось, что им приносит удачу число девять — число божеств ночи, преисподней и смерти.

Одно из колдовских преступлений, о которых упоминается чаще всего, состоит в том, что кудесники объединялись по пятнадцать-двадцать человек, чтобы обокрасть какую-либо семью. Они приходили ночью к самым дверям намеченного дома и какими-то колдовскими приемами парализовывали всех его жителей: «Они были точно мертвые, однако слышали и видели всё, что творится... Воры зажигали факелы и выискивали в доме всё, что там было съестного. Спокойно ели, и никто из жителей дома не мог им помешать, все они были словно окаменевшие и не владели собой. Подкрепившись, те входили в закрома и кладовые и забирали всё, что там было, — одежду, золото, серебро, драгоценные камни и перья... говорят даже, что они предавались непотребству с женщинами этого дома».

Поэтому таких колдунов сурово осуждали и не менее сурово наказывали. Если их удавалось разоблачить, их либо приносили в жертву на алтаре, разрезав грудь и вырвав сердце, либо вешали. В правление Чимальпопоки одного человека из Куаутитлана и его жену приговорили к смерти, потому что они усыпили колдовскими средствами одного крестьянина из Тенауики и, пока тот спал, украли его маис.

Если не считать это меньшинство осуждаемых могущественных людей, все перечисленные нами категории — воины, чиновники, жрецы — играли в обществе и государстве руководящую роль, и это их объединяло. Все вместе они образовывали правящий класс недавнего происхождения, мощный, постоянно укрепляемый притоком новой крови за счет «простолюдинов», которым были открыты самые высшие военные, административные и церковные должности. Хотя происхождение играло свою роль, личные заслуги по-прежнему возвышали, а отсутствие таковых принижало: мешик твердо знал, что почести утекают, как вода, а человек, рожденный благородным, может умереть рабом.

Похоже, в начале XVI века, в правление Мотекусомы II, произошел «бунт аристократов», которые по-

пытались сместить с высоких постов сыновей простолюдинов. Однако, судя по документам, речь шла лишь о дипломатических миссиях, ибо «не пристало, чтобы *масауалли* вступали в царские дворцы». Возможно, этот процесс продолжился бы вплоть до вычленения наследного дворянства; с другой стороны, постоянное давление войн и завоеваний каждый день выталкивало на вершину честолюбивых и храбрых людей.

Когда смотришь на образ жизни руководящего класса, поражает то, что одна из главных его категорий, жрецы, жили аскетично, в бедности, а все прочие — воины или правительственные чиновники — получали богатство в виде земель, домов, рабов, одежды, продовольственного пайка, драгоценностей только как приложение к их чину или обязанностям. Богатства не добывались ради него самого; оно было связано с определенной властью и представительскими обязанностями. Оно лишь передавалось в пользование. Единственное, что имело ценность в глазах *текутли*, — это престиж.

Однако ниже правящего класса, на пути к нему, стоял другой класс, где эти ценности поменялись местами, где о славе не только не заботились, но даже боялись ее, а стремились только к обогащению; этот класс настолько держался особняком, имея свои обычаи, свои законы, свою организацию, что образовывал настоящий отдельный мир.

Восходящий класс: торговцы

Огромное количество мексиканцев занимались торговлей либо по случаю, либо постоянно. Это были крестьяне, продававшие на рынке маис, овощи, домашнюю птицу; женщины, предлагавшие на улице всякого рода закуски и жаркое; торговцы тканями, обувью, напитками, кожами, посудой, веревками, трубками, различной утварью; рыбаки, каждый день привозившие с озера рыбу, лягушек и ракообразных. Эти мелкие и средние торговцы не образовывали отдельной категории населения. Звание купцов — *почтека* — достаи-

вались только члены могущественных корпораций, монопольно занимавшихся внешней торговлей.

Они составляли и возглавляли караваны носильщиков, которые уходили из центральной долины в отдаленные, полуполюгендарные земли на побережье Мексиканского залива и Тихого океана. Там они продавали изделия из Мехико: ткани, накидки из кроличьего пуха, расшитые одежды, золотые украшения, ушные подвески из обсидиана и меди, обсидиановые ножи, краску из кошенили, травы для врачевания и парфюмерии; а оттуда приносили предметы роскоши: *чальчиуитль* — прозрачный зеленый нефрит, изумруды — *кецалицитли*, морские раковины, панцири морских черепах, из которых делали лопатки для приготовления какао, шкуры ягуаров и пум, янтарь, перья попугаев, *кецалья*, *шутототля*. Таким образом, торговля заключалась в экспорте ремесленных товаров и в импорте экзотических предметов роскоши.

Заметим попутно, что нельзя сводить экономические отношения между Холодными Землями центра (горные территории) и Теплыми Землями юго-востока (тропические низменности) к одному этому товарообмену. Золотые украшения вывозят, а золото не ввозят; ткани из хлопка вывозят, а хлопок не ввозят. Дело в том, что сырье поступало в Мехико в виде дани или податей из провинций: например, миштекская провинция Йоальтепек должна была ежегодно поставлять 40 золотых дисков толщиной в палец, диаметром 4—5 сантиметров; провинция Тлачкаиауко — 20 тыкв золотого песка; Куауточко и Ауилисапан — 1600 кип хлопка. Это сырье обрабатывалось в Мехико, превращалось в ткани или драгоценности, которые отправлялись обратно на юг на плечах носильщиков, возглавляемых *почтека*.

Существовали и купеческие корпорации в десятке центральных городов и поселков: Тескоко, Аскапоцалько, Уицилопочко, Уэшотла, Куаутитлан, Коатлинчан, Чалько, Отумба, наконец, в Теночтитлане и Тлателлолько. В этом последнем городе, в период его независимости вплоть до подчинения мешиками в 1473 году, *почтека* имели огромное влияние. Торговцы жили в семи кварталах, один из которых назывался

Почтлан, откуда произошло и их название. Каждому из кварталов соответствовало «место» (буквально — циновка, *петлатль*), или особый купеческий суд. В Теночтитлане, если верить Чимальпаину, торговля началась только в 12 году *теклатль*, то есть в 1504-м. Под этим, вероятно, надо понимать, что к тому времени официально сформировалась купеческая гильдия, по образцу и под влиянием *почтека* из Тлателолько, ставших жителями Мехико тридцать один год тому назад.

Купцы из Тлателолько начали свою деятельность в начале XV века, когда их городом правил *тлатоани* Тлакатеотль, взошедший на трон в 1407 году. Именно они, как рассказывают, впервые показали еще неотесанному населению озерного города красивые ткани из хлопка. При втором правителе Тлателолько, Куаутлатоа (1428—1467), они ввозили губные украшения, перья, шкуры хищных зверей; при последнем независимом правителе, Мокиуише, список товаров, которые они привозили из дальних странствий, еще больше расширился. В нем, в частности, присутствовало какао, ставшее повседневным напитком всех знатных семей. Во главе цеха негоциантов стояли два человека — *почтекатлатоке*, к имени которых добавляли почетную частицу *цин*.

После подчинения Тлателолько торговцы из этого города и купцы Теночтитлана тесно сплотились, хотя обе группы держались особняком. Их предводители — три—пять человек — были стариками, которые по этой самой причине больше уже не подвергали себя опасностям утомительных экспедиций. Они доверяли свой товар *почтека* помоложе, которые должны были торговать за них. Они снаряжали караваны, руководили церемониями их отправления и возвращения, представляли корпорации перед императором; наконец, они вершили правосудие среди сословия торговцев не только в том, что касалось торговых споров, но и во всем остальном: их суды могли выносить любые приговоры, в том числе смертные.

Это было тем более существенной привилегией, что во всем, касающемся правосудия, мексиканское общество не знало других исключений, а суды правителя

одинаково судили как *текутли*, так и *масеуалли*. Только *почтекатль* исключался из этого правила. Во многих отношениях купцы составляли закрытое общество среди всех ацтеков. В отличие от военных или даже жрецов они не пополняли свои ряды за счет простонародья; ремесло купца передавалось от отца к сыну. Семьи *почтека* жили в тех же кварталах и заключали между собой брачные союзы. У купцов был свой особый бог, Йакатекутли, которого на каждом привале караванов символизировала связка походных посохов. Они также поклонялись богу огня, культ которого отправляли по-своему.

Мы видели, насколько четкой была иерархия в правящем классе; торговцы стремились к тому же. Между высшим руководством и молодым торговцем, отправляющимся в свою первую экспедицию, находилось несколько различных категорий, носящих отдельные звания: были *текунененке* — «господа путешественники», уважаемые за их долгие и опасные экспедиции; *науалостомека* — «переодетые купцы», которые без колебаний надевали одежду и изучали язык враждебных племен, чтобы покупать в таинственном Цинакантилане* янтарь и перья *кецаля*; *теальтианиме* — «те, которые принесли в жертву рабов»; *теиауалоуаниме* — «те, что окружают врага»; *текуаниме* — «дикие». Два последних звания неожиданны применительно к торговцам. Но дело в том, что торговля всегда была рискованным приключением. Чем дальше купцы удалялись от Мехико, тем опаснее становились дороги. К ним относились одновременно как к торговцам и как к шпионам (кстати, совершенно справедливо), и поэтому они сталкивались с враждебностью еще непокоренных племен. Их товары распалили алчность горцев. На караваны нападали грабители, и *почтекатлю* сплошь и рядом приходилось становиться воином, чтобы выжить.

* Речь идет о провинции, покоренной лишь в недавнюю эпоху. Ее населяло племя цоциль, говорившее на языке майя; сегодня она входит в мексиканский штат Чьяпас. Цинакантилан (Синакантилан) («место летучих мышей») — перевод на ацтекский язык названия Цоциль, происходящего от майя *ц'оц'* — «летучая мышь».

Таково было начало социального возвышения купеческого сословия в древнем городе. В правление Ауисотля караван мексиканских торговцев окружили в одном поселке в *Атауак Айотлане* (склон перешейка Теуантепек со стороны Тихого океана) войска различных племен. Осажденные, беспрестанно сражаясь, сопротивлялись четыре года, и когда будущий император Мотекусوما, тогда еще *тлакочкалькатль*, прибыл во главе мексиканских войск им на выручку, то встретил по дороге победивших *почтека*, нагруженных пожитками тех, кто на них напал.

Эти купцы-воины с распущенными волосами до пояса, с одновременно изнуренным и торжествующим выражением лица произвели необычайное впечатление в Мехико, где император встречал их с большой торжественностью. Принятые во дворце, они сложили к ногам Ауисотля штандарты и инсигнии из драгоценных перьев, которые захватили с боем. Правитель называл их «мои дядюшки» и тотчас предоставил им право носить золотые украшения и уборы из перьев — однако с оговоркой, что они могут пользоваться этим правом лишь во время своих особых праздников, тогда как члены правящего класса пользовались этой привилегией без ограничений.

По словам Саагуна, оратор, отвечавший Ауисотлю от имени купцов, заявил: «Мы, твои дядюшки, здесь присутствующие *почтека*, рисковали нашими головами и жизнями, трудились днем и ночью, ибо, хотя нас называют торговцами, и мы таковыми кажемся, на самом деле мы военачальники и солдаты, скрытно отправляющиеся на завоевания». Это знаменательные слова, поскольку в них следует видеть выражение некоего «законного вымысла», позволившего купцам получить некоторые социальные преимущества, и который должен был оправдывать в глазах воинов поведение, ранее считавшееся нестерпимой дерзостью.

На самом деле вряд ли можно считать *почтека* исключительно переодетыми воинами; прежде всего они были торговцами. Но сами условия торговли вынуждали их к некоторым военным усилиям, и осада, которую они выдержали на перешейке Теуантепек, имела для их исто-

рии решающее значение. Именно эта теневая сторона их жизни отныне будет находиться в центре внимания. Ауисотль, а затем и Мотекусома II поняли, насколько эти неутомимые путешественники могут оказаться полезны империи: можно сказать, что в эти два правления завоевания шли за торговыми караванами и боевые знамена сменяли прилавки с товарами. Зато купец должен был делать вид, будто согласился заниматься торговлей, лишь чтобы скрыть свою истинную природу воина, — эта святая ложь позволяла его классу возвыситься в обществе, принципам которого он в глубине души оставался чужд.

Действительно, какое радикальное различие мы видим в образе жизни *почтекатля* и представителя правящей верхушки! Последний мечтает лишь о славе и службе; первый занимается собственным обогащением. Сановник гордо носит расшитые одеяния и султаны из перьев, говорящие о его ранге; торговец скромно закутывается в бедный латаный плащ. Если повстречать его вместе с грузчиками, несущими дорогие товары, он сладеньким голосом станет отрицать, что является их владельцем, утверждая, что работает на другого. Вернувшись из путешествия, он проскользнет ночью в лодке по глади озера и тайно спрячет свои богатства на складе, под именем родственника или друга.

Почтекатль начинает богатеть? Тогда это повод, чтобы устроить пир своим начальникам и коллегам. Но сколько оскорбительных речей он должен выслушать от глав корпорации! Они приходят осматривать его товары и внезапно обвиняют его в том, что он их украл. Ему приходится смиренно сносить эти упреки, плача и кланяясь. И только после этого, на оплаченном им пире, он может и даже должен проявить щедрость, чтобы гости и даже все жители квартала ели и пили целых два дня да еще и уносили домой то, что останется.

Вне исключительных обстоятельств торговцы, как говорит Саагун, «не похвалялись своими богатствами, а напротив, принижали и оговаривали себя. Они не желали считаться богатыми и слыть таковыми, напротив, ходили смиренно, потупив глаза, и не желали ни почестей, ни славы. Они ходили в дырявом плаще и больше всего боялись известности и почета».

Символ ацтекской цивилизации — Камень Солнца, каменный календарь, найденный в Мехико в 1790 году.

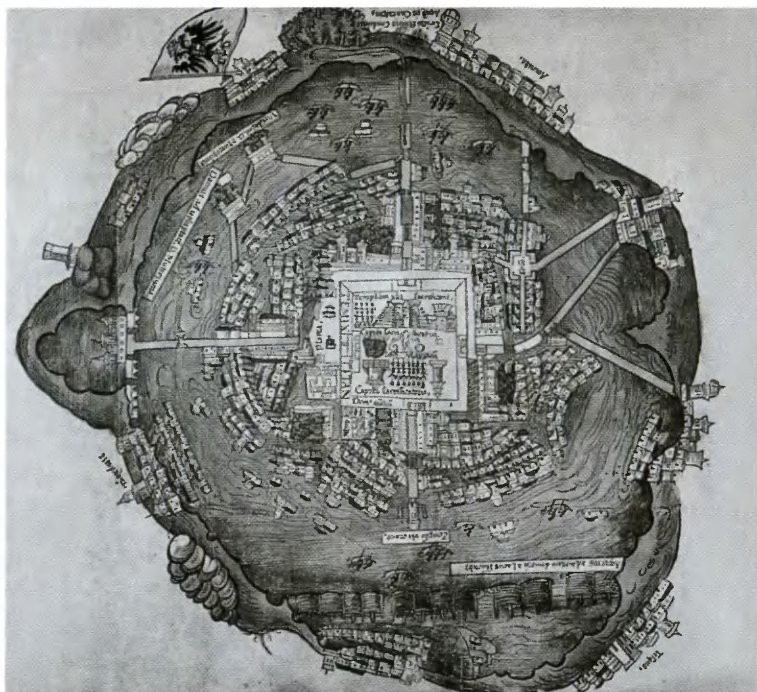
Карта Ацтекской империи. Пунктиром отмечен путь конкистадоров Кортеса к столице ацтеков Теночтитлану в 1519 году.

На этих рисунках из «Кодекса Ботурини» изображено начало истории ацтеков — их исход с полумифической прародины Астлан.

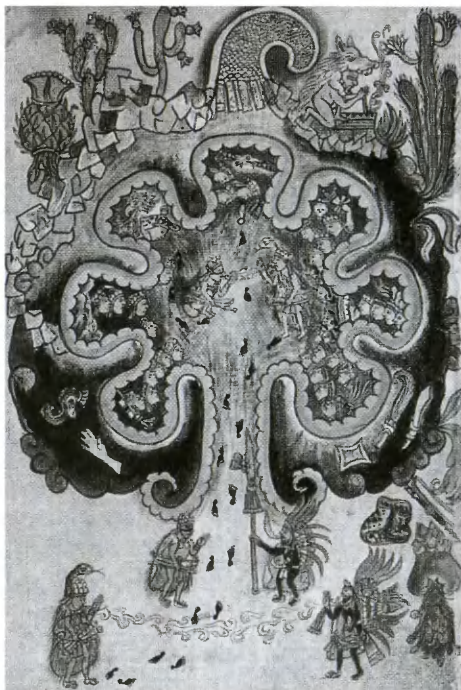
Рисунок из «Кодекса Мендоса» изображает основание ацтекской столицы Теночтитлана. Это случилось там, где мешики увидели орла, сидящего на кактусе и терзающего змею.

Рисованные
книги-кодексы
ацтеков делались
из бумаги
или тонко
выделанной кожи
и складывались
гармошкой.

Этот рисунок напоминает о первобытной жизни предков ацтеков в семи пещерах Кольюатепека.

◀ План Теночтитлана из книги 1524 года, написанной на основе донесений Кортеса императору Карлу V.

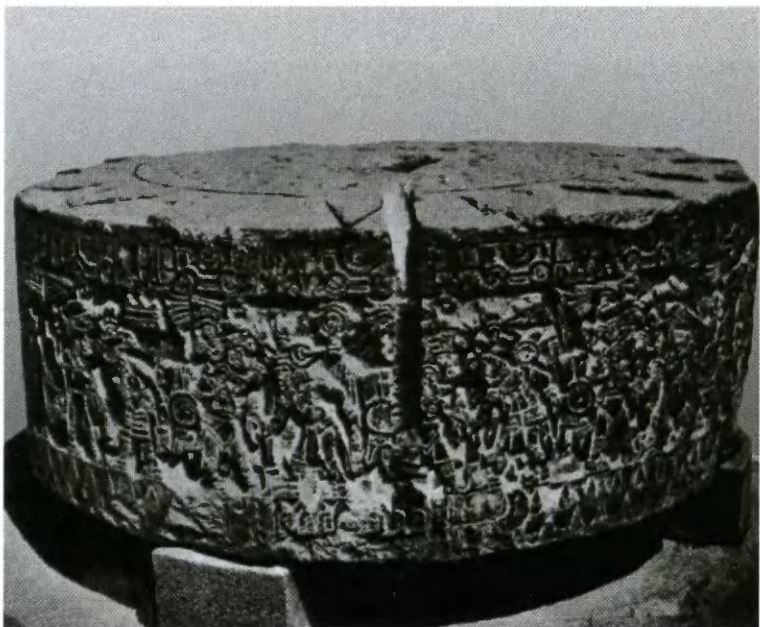
На современное фото центра Мехико наложены контуры Великого храма Теночтитлана, на вершине которого располагались святилища Уицилопочтли и Тлаока.

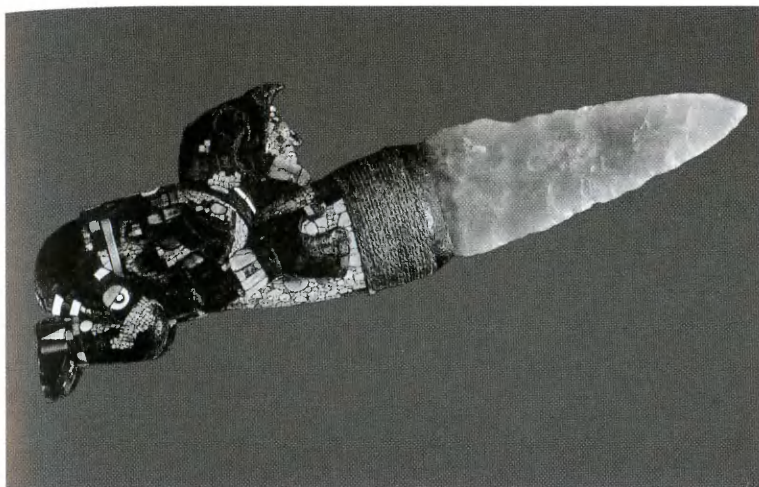

Эти каменные черепа на платформе-цомпантли напоминают о сложенных здесь когда-то рядах настоящих черепов.

Жертвенный камень императора Тисока украшен изображениями военных походов и битв. В верхнее углубление помещались сердца людей, принесенных в жертву.

Кремневый нож с рукояткой в виде воина из ордена Орла.
Именно такими ножами жрецы разрезали грудь своих жертв.

Сцена жертвоприношения из ацтекского кодекса.

«Кодекс Аскатитлан» изображает захват ацтеками города Тлателолько. По приказу ацтекского императора Ашайякатля правителя города Мокиуиштли разрубили на куски и сбросили с пирамиды.

Бог Кецалькоатль («Пернатый змей») — покровитель искусства и ремесел.

Глаза бога плодородия Тлалока окружены свернувшимися в клубок змеями.

Бог воинов и правителей
Уцилопочтли
(«Колибри левой стороны»).

Найденный рядом
с Великим храмом
барельеф изображает
ритуальное
расчленение
Койольшауки
(«Украшенная
колокольчиками») —
богини Луны
и сестры Уцилопочтли.

Бог Шолотль — «темный» двойник Кецалькоатля, покровитель близнецов.

Череп принесенного в жертву ягуара с жадеитовым шаром во рту — гарантией жизни в загробном мире.

Человеческий череп, сплошь покрытый кусочками бирюзы и черного янтаря, служил предметом поклонения.

Кубок с фигуркой бога смерти Миктлантекутли.

Во время религиозных церемоний жрецы надевали страшные маски, сделанные из черепов.

Последний император ацтеков Мотекусома (Монтесума). Рисунок выполнен по описанию испанского конкистадора Гонсало де Сандовалья.

Завоеватель Мексики Эрнан Кортес. Рисунок XIX в., сделанный по прижизненному портрету.

Первая встреча Кортеса с Мотекусомой. Рисунок XIX в.

Испанцы бросают
в озеро тела Мотекусомы
и ацтекских вождей.
*Рисунок из «Флорентийского
кодекса».*

Битва испанцев
с ацтекскими воинами.

Веселый бог музыки и танцев Шочипилли («Владыка цветов»).

Этим показным смирением, стремлением к неизвестности они расплачивались за свое продвижение по социальной лестнице. Им прощали реальное влияние, которое с каждым днем становилось все значительнее. Ибо правящий класс смог бы терпеть таких соперников, только не сталкиваясь с ними в открытую. Когда *почтека* начинали гордиться своим богатством, император «выискивал какой-нибудь ложный и явный предлог, чтобы свалить их и погубить, хоть они и не были виновны, просто из ненависти к их высокомерию и спеси, а их имущество раздавал в подарок старым воинам». Иначе говоря, над головой торговцев, допустивших ошибку, забыв о своей роли и выставив напоказ свое богатство, постоянно нависала угроза смерти и конфискации имущества.

Однако их возвышение было очевидно. Их дети уже имели право поступить в *кальмекак* наряду с детьми сановников. В месяц, посвященный Уицилопочтли, купцы могли принести в жертву великому общенациональному богу купленных рабов, после того как воины принесут в жертву пленников, захваченных в бою. Таким образом, *почтекатль*, стоя ступенькой ниже, подражал *текутли*. Если купец умирал во время экспедиции, его тело сжигали, и он, по идее, присоединялся к солнцу в небе, точно воин, павший на поле боя. Богу *почтека* поклонялись наряду с другими великими божествами, ему был посвящен особый гимн. Наконец, хотя купцы были обязаны выплачивать налог со своего товара, они были освобождены от общественных работ и личной службы императору.

Таким образом, в обществе, элита которого состояла преимущественно из воинов и священнослужителей, недавно сформированное торговое сословие совершало восхождение к вершине. До вершины было еще далеко, и приходилось принимать тысячу предосторожностей, чтобы тебя не сбросили вниз. Но роскошь получала все более широкое распространение, обеспечивающие ее купцы становились необходимы, а их богатство постепенно превращалось в мощный рычаг воздействия, по мере того как сама руководящая верхушка безвозвратно отказывалась от аскетичной жизни прежних поколений.

Можно себе представить (разумеется, дав волю фантазии), что бы произошло, если бы иноземное вторжение не оборвало этот процесс, уничтожив мексиканское общество и государство. Возможно, «господа негоцианты» со своими уже столь внушительными привилегиями, особыми судами, почетными значками, которые даровал им Ауисотль, возглавили бы «буржуазию», которая либо влилась бы в правящий класс, либо, в конечном счете, сменила его у кормила власти.

А может быть, наоборот: аристократия усилилась бы, подавив всякую попытку нового возвышения. Можно сказать лишь то, что структура мексиканского общества в 1519 году еще совсем не затвердела; она была текучей, и класс *почтека* являлся наиболее подвижным ее элементом. Он олицетворял собой принцип личного богатства, противостоящий принципу преимуществ, связанных с должностью. Богатство против славы, роскошь против аскетизма. Столкнувшись со строгими ограничениями, купцы прибегали к скрытности, к лицемерию. Но сановники уже удостаивали своим присутствием праздники торговцев и принимали от них подарки*, точно так же, как французский вельможа мог водиться с откупщиком. Даже самые высокопоставленные люди женились на дочерях купцов или, по меньшей мере, сожительствовали с ними: например, фавориткой правителя Тескоко Несауальпилли была «женщина, которую называли госпожой из Тулы, но не потому, что она была высокого рода, поскольку она являлась всего лишь дочерью торговца». Ишттлильшочитль добавляет: «Она была столь образованна, что могла бы заткнуть за пояс правителей и мудрецов, а также легко сочиняла стихи. Благодаря своей грации и природной одаренности, она вертела правителем, как хотела... Она жила отдельно, в роскоши и величии, во дворце, который правитель велел выстроить для нее». Можно подумать, что это портрет какой-нибудь фаворитки Людовика XV.

* На таких праздниках сановники танцевали перед купцами, которые в танцах не участвовали, зато после преподносили выступавшим богатые подарки.

Ремесленники

Чем дальше мы удаляемся от верхушки общества, тем скуднее становится информация. Ни туземные историки, ни испанские хронисты не позаботились описать для нас жизнь более скромных сословий.

Ремесленники, стоявшие ниже *почтека*, но определенным образом с ними связанные, образовывали многочисленное сословие со своими отдельными кварталами и собственными мастерскими. Мы мало знаем о полезных, но не блестящих цехах, о которых порой упоминается мимоходом и без подробностей, как, например, о корпорациях каменотесов или солеваров. Внимание привлекали только престижные объединения, занимавшиеся прикладными искусствами — изготовлением украшений из золота и драгоценных камней, мозаики из перьев. Эти ремесленники известны под именем *тольтеков*: происхождение их ремесла традиционно связывалось с древней цивилизацией тольтеков, богом-правителем Кецалькоатлем и чудесным городом Тула (Толлан).

Кецалькоатль «открыл величайшие сокровища изумрудов, изящной бирюзы, золота, серебра, кораллов, раковин и (перьев) кецаля, *шиутототля*, *тлаукечоля*, *сакуана*, *цинискана* и *аиокана*... (в его дворце) были подстилки из драгоценных камней, перьев и серебра», — писал ацтекский составитель «Анналов Куаутитлана». А Саагун прибавляет: «Их называли тольтеками, то есть искусными и редкостными ремесленниками... все они были первостатейными мастерами — художниками, гранильщиками... мастерами по изделиям из перьев... Они обнаружили копи драгоценных камней, которые в Мексике называют *шиутль*, то есть бирюза... а также серебряные и золотые копи... и янтарь, хрусталь, камни, именуемые аметистами, жемчуг и все те камни, из которых они делали украшения... Они были сведущи во многих вещах, ничто не составляло для них труда, они ограняли зеленый камень (*чальчиутль*), плавили золото (*теокуитлапицайя*)... И всё это происходило от Кецалькоатля — искусства (*тольтекайотль*) и познания».

Как мы видим, все эти технические приемы обозначались словом *тольтекайотль* — «принадлежащее тольтекам». Таково было благородное звание этих ремесленников. Впрочем, в ссылках на славное прошлое не всё было художественным вымыслом; в кочующем племени ацтеков, поселившемся на болотах в 1325 году, не было ремесленников, изготавливавших предметы роскоши. Мастера, влившиеся в это племя, представляли наследниками древнего искусства, которое, после падения Тулы, уцелело в небольших приозерных городках типа Колуакана или Шочимилько, жители которых, как сообщает нам Иштлильшочитль, сохранили обычаи, язык и навыки тольтеков. Гранильщики, например, слыли потомками жителей Шочимилько.

Эти ремесленники были окутаны флером экзотики. Для мешиков, принадлежавших к однородному племени, это были люди иного, далекого, немного таинственного происхождения. Те из них, кто изготавливал восхитительные и изящные мозаики из перьев, головные украшения, уборы и знаки отличия для вельмож, были, как говорят, первыми жителями этой страны. Вместе со своим богом *Койотлинауалем* («вырядившийся койотом») они основали свой поселок Амантлан вокруг храма, где возвышалась его статуя, украшенная золотом и перьями и покрытая шкурой койота.

В историческую эпоху поселок Амантлан был всего лишь одним из кварталов столицы, но существуют некоторые указания на то, что он был поглощен Мехико в результате войны. В религиозном песнопении «Уицилопочтли икуик» в честь великого мешиканского бога есть такая строфа: «Враги наши из Амантлана (*Амантека тойаоуан*), собери их ради меня: пусть враги останутся в своих домах». И ацтекский толкователь уточняет: «Их дом будет сожжен», то есть «Они будут завоеваны». В этих старых священных стихах, таким образом, проскальзывает упоминание о временах, когда земли *амантека* еще не были включены в город, а они сами являлись врагами, на которых жрецы призывали гнев Уицилопочтли.

Что до ювелиров (*теокуитлауак*), то они тоже принадлежали к чужеземцам. Странное дело: хотя их

тоже называли «тольтеками», их обычаи связывали их с другими народами, более далекими и еще более экзотическими в глазах ацтеков. Их верховным богом был *Шитетотек* — «бог всех людей с побережья, истинный бог Цапотлана», который держал в руке золотой щит, «как у людей с побережья». Ему поклонялись в храме *Йопико* («место *йопи*») — так назывался народ, сумевший по большей части сохранить независимость от Ацтекской империи и проживавший на тихоокеанском склоне гор, до самого берега океана, между мешиками и миштеками.

Йопи, которых называли также *тлапанека* («раскрашенные люди»), потому что они раскрашивали свои тела, считались «варварами», то есть не говорили на языке Мехико. «Они жили в бедной и бесплодной стране, страдая от недорода, на суровой и неровной земле, но они знали драгоценные камни и их свойства», — говорит Саагун. Поэтому, несмотря на скудость своей земли, они слыли богатыми. Если вспомнить, что ювелирное дело было привнесено в Центральную Мексику сравнительно недавно, а кое-какие поразительные образцы этого искусства обнаружены в стране миштеков, возникает мысль о том, что ювелиры со своим богом с побережья, облаченным в золотую мантию, были носителями южного влияния, в корне чуждого примитивной ацтекской культуре.

В рассматриваемую нами эпоху они наверняка уже укоренились в мексиканском обществе, но как отдельный элемент, со своими собственными обычаями. Мастера плюмажей из Амантлана общались практически только со своими соседями, торговцами из Почтлана, и садились с ними за один стол во время общих пиров. Как и *почтека*, они могли принести в жертву раба после военнопленных, в месяц *панкецалицитли*; жертву покупала вся корпорация в складчину. В месяц *тлашочимако* они отмечали особый праздник в честь своего квартального бога, четырех других богов и двух богинь, тоже относящихся к их корпорации, и приносили обет посвятить своих детей ремеслу, которым занимались сами.

Благодаря своему тонкому вкусу и бесконечному терпению эти ремесленники, как мы увидим, создава-

ли, используя простейшие инструменты, настоящие шедевры. Альбрехт Дюрер, увидевший в 1520 году в Бельгии кое-какие из подарков, сделанных Мотекусомой Кортесу, которые тот прислал Карлу V, писал: «Эти предметы столь драгоценны, что их оценили в сто тысяч флоринов. За всю свою жизнь я не видел вещей, столь радующих сердце, ибо нашел в них восхитительное искусство и был поражен изощренным гением людей из тех чужих краев». Попробуем представить себе этих ремесленников, одни из которых работали на правителя во дворце, где их видел Берналь Диас, а другие дома, получая камни, перья или металл от сановников или купцов и создавая драгоценности и украшения. Каждую мастерскую занимала только одна семья: жены мастеров плюмажей, например, ткали и вышивали, делали одеяла из кроличьего пуха или окрашивали перья. Дети учились, глядя на родителей.

Скромный социальный статус «тольтеков», не стремившихся ни к власти, ни к богатству, не лишал их определенного уважения. Молодые сановники не гнушались «для упражнения и развлечения обучаться некоторым искусствам и службам: рисовать, заниматься резьбой по камню, дереву или золоту, обрабатывать драгоценные камни». Младшие сыновья Мотекусомы I, которые не могли править, посвятили себя «прикладным искусствам». Художника вознаграждали и, похоже, довольно неплохо: в одном (правда, исключительном) случае каждый из четырнадцати резчиков, изготовивших статую Мотекусомы II, получил в задаток одежду для себя и для жены, десять нош бутылочных тыкв, десять нош бобов, две ноши стручкового перца, какао и хлопка и лодку, наполненную маисом; а по завершении труда — двух рабов, две ноши какао, посуду, соль и кипу тканей. Вероятно, что на разных стадиях работ мастера получали щедрую плату. С другой стороны, их облагали налогом, но они, как и купцы, были освобождены от личной службы и сельхозработ. Наконец, их корпорации пользовались тем, что мы сегодня называем «гражданской правосубъектностью»: их руководители представляли их перед центральной властью и органами правосудия.

Значит, и здесь речь идет о привилегированном сословии, стоящем над массой «простолюдинов». Но от купцов их отличает то, что среди мастеров не наблюдалось более или менее подавляемого стремления подняться выше по общественной лестнице. Не было и напряженности, царившей между правящим сословием и *почтека*, и привычной для последних скрытности. Ремесленнику нечего скрывать, ему не надо оправдываться за престиж, к которому он не стремится. В этом сложном обществе у него есть свое место, которое ему подходит и на котором он намерен оставаться. Сословие торговцев динамично, сословие ремесленников — статично. Оно довольно тем, что занимает, благодаря льготам и уважению, заслуженному своим талантом, ту ступень на общественной лестнице, которая находится сразу над «плебсом» — народом без привилегий.

Простолюдины

Ацтекским словом «*масеуалли*» (во множественном числе «масеуалтин») в XVI веке обозначали любого, кто не принадлежал ни к одной из перечисленных выше социальных категорий, но и не был рабом: это было «простонародье», «плебеи» в испанском переводе. Похоже, что изначально это слово значило попросту «труженик». Оно происходит от глагола «масеуало» — «работать, чтобы снискать заслуги». Отсюда слово «масеуалицтли», что означает не «работа», а «деяние с целью снискать заслуги»: так, например, называли некоторые танцы, которые исполняли перед изображениями богов, чтобы выслужиться перед ними. Видно, что в этом слове нет ничего пренебрежительного. В литературе много случаев, когда «масеуалтин» можно перевести просто как «люди», без всякого оттенка ущербности. С другой стороны, не вызывает сомнений, что с течением времени это слово приобрело слегка презрительный оттенок. *Масеуалли* заведомо не знаком с хорошими манерами. «Масеуаллатоа» значит «говорить по-деревенски», а «масеуалтик» — «вульгарный».

В большом городе, где проживало несколько тысяч сановников, купцов и ремесленников, подавляющее большинство свободного населения состояло из *масеуалтин* — полноправных членов племени и квартальной общины, на которых тем не менее накладывали неизбывные обязанности. Перечислив права и обязанности, относящиеся к их положению, мы сможем точно его определить.

Член *кальпулли* Теночтитлана или Тлателолко из сословия *масеуалли* имел право пользоваться участком земли, на котором строил дом, и наделом, который обрабатывал. Его дети ходили в квартальные школы. Его семья и он сам принимали участие в церемониях в квартале и в городе, в соответствии с обрядами и традициями. Он получал свою долю при раздаче продуктов питания и одежды, устраиваемой властями. Проявив ум и храбрость, он мог возвыситься над своим сословием, достичь почестей и богатства. Он способствовал избранию местных начальников, хотя в конечном счете их назначение зависело от императора.

Но если он оставался «простолюдином», ничем не проявив себя в первые годы активной жизни, на него налагались тяжелые обязанности. Главной была военная служба, которую ни один мешик не считал повинностью, а, скорее, честью и одновременно религиозным обрядом. Будучи записан в реестры городских чиновников, он мог в любой момент быть вызван на общественные работы по уборке, ремонту, сооружению дорог или мостов, возведению храмов. Если во дворец нужно принести дрова для очагов или воду — за ними быстренько отправляют *масеуалтин*. Наконец, наш простолюдин платит налоги, которые распределяются внутри каждого квартала начальником и старцами из совета с помощью чиновников, следящих за их сбором.

Однако следует подчеркнуть, что *масеуалли* из Мехико, Тескоко или Тлакопана — гражданин одного из трех городов конфедерации, стоявшей во главе империи, — принадлежал к привилегированной категории по сравнению с жителями покоренных городов, а тем более сельской местности. Хотя он платил подать, эти

поборы ему в значительной мере компенсировали при раздаче продуктов и одежды за счет дани, поступающей из провинций, — это очень похоже на зерновой налог у римлян. Занимая определенное место в структуре общества, он получал свою выгоду от системы, превратившей его племя в доминирующую нацию. Эту выгоду оплачивали жители провинций. Что до крестьян, то они-то и были настоящими простолюдинами с грубым языком и неотесанными манерами — их труд требовался всегда, а урожай они никогда не получали полностью. На них общественное здание давило всем своим весом. Однако свободное население, что в городе, что в деревнях, обладало хоть и скромным, но достойным статусом, который не лишал будущего тех людей, которые могли возвыситься над общей судьбой благодаря личным качествам или удачному стечению обстоятельств. Никто не мог лишить *масеуалли* земель, которые он обрабатывал, или изгнать его из *кальпулли*, разве что в виде кары за серьезные проступки или преступления. Если не считать природных катастроф или войн, он не подвергался риску умереть от голода, разлучиться со своей общественной средой, соседями, богами.

Что же до шансов на успех и возвышение, то мы видели, что их было довольно много: военная карьера или жречество (хотя туда пробиться было посложнее) открывали путь к самым высоким должностям. А в тени влиятельных особ было множество менее блестящих, но почетных и, вероятно, прибыльных должностей — судебные приставы и исполнители, гонцы, мелкие чиновники всякого рода. Наконец, жизнь простолюдина могла преобразить милость правителя или благородной женщины. Такое случилось в правление Мотекусомы II с одним садовником из пригорода Мехико по имени Шочитлакоцин. Хоть и будучи простолюдином, он имел дерзость возразить императору, и тот, покоренный его прямоотой, сделал его вельможей, говоря, что «относится к нему, как к родственнику». Чимальпаин рассказывает, что дочь императора Ицкоатля влюбилась в *масеуальцинтли* (маленького простолюдина) из Атотонилько; она вышла за него замуж, и благодаря

этому царскому браку он стал господином своей деревни. Все это значит, что между сословиями не было непреодолимых преград; жизнь самого распоследнего простолюдина не была беспросветной.

Между свободными общинниками и сословием рабов находилась еще одна категория — безземельные крестьяне. Обозначающее их слово *тлальмаитль* (буквально «рука земли», то есть «сельская рабочая сила») переводят как «сельскохозяйственный рабочий, поденщик». Довольно трудно объяснить, каким образом могла сложиться эта общественная категория, поскольку любой член племени имел право на участок возделываемой земли. Возможно, безземельные крестьяне были теми, кого мы сегодня назвали бы «перемещенными лицами», жертвами войн и государственных переворотов, происходивших в центрально-мексиканских городах на протяжении двух-трех последних столетий. Покинув свое племя, они были вынуждены предложить свои услуги мешиканскому сановнику, снабдившему их наделом. Возможно также, что, когда обрабатываемые земли, отнятые у покоренных городов, распределялись между ацтекскими господами, некоторые семьи так и оставались на них.

Как бы то ни было, *тлальмаитль* живет вместе с семьей на земле, которую ему предоставили, и остается к ней прикреплен, если пользование помещьем переходит к наследникам. В уплату за землю, которую он обрабатывает для себя самого, он поставляет «воду и лес», трудится по хозяйству и платит подать — либо отдавая часть урожая, либо обрабатывая другой надел для сановника, которому подчиняется. То есть здесь речь идет об испольщине или об аренде земли. *Тлальмаитль* — не гражданин, как *масеуалли*. Он не имеет прав гражданина, но и не исполняет его обязанностей. Он не платит налога, не выходит на общественные работы, то есть ничего не должен ни городу, ни *кальпулли*. В целом, он зависит лишь от человека, который предоставил ему землю. Однако есть две черты, которые приближают его положение к статусу простолюдина: во-первых, он несет (важное исключение) воинскую повинность; во-вторых, с судебной точки зрения, он

находится в юрисдикции ацтекского правителя как в гражданских, так и в уголовных делах. Таким образом, он не передан совершенно в частную собственность. Это всё еще свободный человек.

Рабы

Ниже всех, на самом дне общества, находились те, кого мы, за неимением более точного слова, называем рабами — «тлатлакотин» (в единственном числе «тлакотли»). Ни граждане, ни подданные, они принадлежат хозяину, как вещь. Эта черта сближает их положение с нашим понятием рабства — что в античных городах, что в более поздних государствах вплоть до недавней эпохи. Но мексиканское рабство во многом разнится с классическим. «Способ, каким людей обращают в рабов, у уроженцев Новой Испании совершенно иной, нежели у европейских народов, — писал отец Мотолинья. — Мне даже сдается, что те, кого (в Мексике) называют рабами, не соответствуют многочисленным условиям, определяющим положение собственно раба». Когда испанцы после завоевания ввели в Мексике рабство на европейский манер, несчастные индейцы, заклеянные каленым железом, брошенные в шахты, подвергнутые более грубому обращению, чем животные, еще пожалели об участи старых рабов. Они ничего не выиграли от замены.

Каковы же отличительные черты положения раба в Мехико в начале XVI века? Во-первых, он работает на другого человека — либо как сельскохозяйственный рабочий, либо как домашний слуга, либо как носильщик в торговых караванах. Женщины-рабыни прядут, ткут, шьют или чинят одежду в доме своего хозяина и зачастую входят в число его наложниц. *Тлакотли* не получает платы за труды, но ему дают кров, еду, одежду, как обычному гражданину. «Они обходились со своими рабами почти так же, как с собственными детьми», — говорит Мотолинья. Есть примеры рабов, которые, став мажордомами, управляли обширными поместьями и командовали свободными людьми.

Более того (и здесь мы полностью выходим за рамки рабства на европейский манер), *тлатлакотин* могли обладать имуществом, накопить кое-какие сбережения, приобретать земли, дома и даже рабов себе в услужение. Ничто не препятствовало браку между рабами и свободными гражданами. Раб мог жениться на свободной женщине; очень часто вдова выходила замуж за одного из своих рабов, который, таким образом, становился главой семьи. Все дети рождались свободными, включая тех, оба родителя которых были рабами. Положение раба не предполагало никакого стигмата, передаваемого по наследству: император Иццоатль, один из величайших правителей в истории Мексики, был сыном *тлатоани* Акамапичтли и рабыни.

Впрочем, положение раба не было окончательным. Многие освобождались по завещанию после смерти своего хозяина; другие получали свободу от императора или одного из союзных правителей, которые устраивали массовые освобождения, как, например, Мотекусома II и Несауальпилли. Любой раб, которого собирались продать, мог попытаться обрести свободу: если он убежал с рынка, никто, даже его собственный хозяин, не имел права преградить ему дорогу под страхом самим попасть в рабство; если рабу удавалось войти в ворота дворца, священное присутствие правителя тотчас освобождало его ото всяких обязательств и он оказывался свободен *ipso facto*.

Третьи могли выкупиться из рабства, либо вернув хозяину уплаченную за него сумму (вот почему нам говорят, что рабы могли стать свободными и обеспеченными), либо заменив себя членом своей семьи; несколько братьев могли по очереди служить одному хозяину. Таким образом, в рабстве не было ничего безнадежного, как в другие времена и в других краях; оно могло быть временным положением.

Но как становились рабами? Отвечая на этот вопрос, мы одновременно узнаем, что существовало несколько категорий рабов, положение которых сильно отличалось друг от друга. Военнопленных, по крайней мере тех, кого не приносили в жертву сразу же по возвращении из похода, продавали в рабство либо в Тла-

телодько, либо в Аскапоцалько. Самыми богатыми купцами, как говорят, были те, кто приводил из своих путешествий рабов, силой вырванных у непокоренных племен. Некоторые города были обязаны поставлять в виде дани определенное количество рабов, которых наверняка добывали вне империи во время вооруженных экспедиций: так, город Сиуатлан на Тихом океане присылал в Мехико пленных тарасков и куйтлатеков, Сомпанко — тлапанеков, Теотитлан — миштеков. Все эти рабы — чужеземцы, считавшиеся варварами, и военнопленные, в принципе обреченные погибнуть на алтарях, — были, так сказать, потенциальными жертвами, и большинство из них стоически оканчивали свою жизнь на окровавленном камне на вершине пирамиды.

С другой стороны, рабство могло обрушиться как наказание на того, кто совершил определенные проступки или преступления. Индейское правосудие не знало длительных тюремных сроков, свойственных нашему праву. Но человек, укравший что-то из храма или дворца или совершивший кражу со взломом в частном доме, становился рабом храма, господина или частного лица, если только не откупался, возместив стоимость украденного, в том числе с помощью своих родственников.

Точно так же рабство служило уголовным наказанием для тех, кто похищал ребенка для продажи в рабство, для тех, кто помешал рабу укрыться во дворце, чтобы обрести свободу, для тех, кто продавал не принадлежавшее ему имущество, для тех, кто устраивал заговор против императора. Были и более любопытные случаи: если свободный человек брал в любовницы рабыню другого человека и та умирала родами, он, в свою очередь, становился рабом, чтобы заменить ту, что умерла из-за него.

Но документы той эпохи подтверждают, что самой многочисленной категорией рабов были рабы-добровольцы. Свободные мужчины или женщины могли располагать своим телом и в торжественной обстановке продать себя другому гражданину. Те, кто принимал такое важное решение, были либо лентяями и пьяницами, уставшими обрабатывать свою землю, у которых

кальпулли отбирал надел, если они три года подряд его не возделывали, либо игроками в мяч или в *патолли*, разоренными своей страстью, либо женщинами, которые, побыв проститутками «за гроши», в конечном итоге продавали себя, чтобы получить пропитание и кров и купить элегантную одежду и украшения.

Акт отречения от свободы был обставлен церемониями, одновременно представлявшим собой гарантию. Он проходил в присутствии по меньшей мере четырех пожилых и достойных доверия свидетелей; к тому же на подписание договора всегда собирались многочисленные зрители. Будущий раб получал свою цену, которая в рассматриваемую нами эпоху чаще всего составляла одну кипу *куачтли*, то есть двадцать штук ткани. Он оставался свободен, пока всё не потратит, на что обычно требовался год или чуть больше — одно из редких точных сведений, которое имеется у нас о «стоимости жизни» в Теночтитлане. Истратив эту сумму, он являлся к своему хозяину, чтобы поступить на службу.

Еще одна форма добровольного рабства вытекала из обязательства, взятого одной или несколькими семьями по отношению к частному лицу или сановнику. Бедная семья могла продать одного из сыновей в рабство и заменить его другим сыном, когда тот достигал брачного возраста. Или же, в случае голода, несчастные голодающие обязывались постоянно выполнять для хозяина и его наследников определенный вид работ: например, посев, сбор урожая, уборку дома, перевозку дров.

Бывало, что четыре-пять семей объединялись, чтобы предоставить раба, обязанного выполнять эту работу несколько лет, после чего заменяли его другим членом тех же самых семей. При каждой замене хозяин выплачивал дополнительно три-четыре *куачтли* и определенное количество маиса. Это был старинный обычай, называемый *уэуэлатлаколли* («старое рабство»); недостатком такой системы было то, что взамен единой выплаченной суммы и незначительной доплаты она обрекала на постоянную службу. Вот почему Несауальпилли отменил эту форму рабства во время большого голода 1505 года, и эта отмена распростра-

нилась в масштабе всей империи. В эпоху испанского завоевания еще бывало, что семья отдавала в рабство одного из своих членов для уплаты долга; если тот умирал, долг списывали. Поэтому с такими рабами обращались особенно хорошо.

При продаже раба также существовали многочисленные ограничения. В принципе, хозяин не продавал своих рабов. Если он испытывал нужду в средствах, то отправлял их торговать от своего имени между Мехико и какой-нибудь более или менее отдаленной деревушкой; рабы свободно перемещались, исполняя это поручение. Только ленивого и порочного раба можно было перепродать, и то еще ему следовало трижды торжественно прочитать нотацию при свидетелях, чтобы засвидетельствовать его непорядочность или нежелание работать. Если он не менялся к лучшему, хозяин был вправе надеть на него тяжелый деревянный ошейник и отвести на рынок для продажи.

Если от раба пришлось избавиться поочередно трем хозяевам, его ждала наихудшая участь: с этого момента его могли купить, чтобы принести в жертву. Этим пользовались *почтека* или ремесленники, которые не могли захватывать военнопленных. Саагун описывает унылые шествия рабов, флегматично идущих на смерть, совершив ритуальное омовение, в роскошных одеждах и украшениях, отупевших от «божественного» напитка *тео-октли*, которым их напоили, и заканчивающих свою жизнь на камне перед статуей Уицилопочтли. Однако они не пытались восстать против своей участи. Такая кончина казалась древним мексиканцам не только нормальной и неизбежной (поскольку знаки гадательного календаря предрекали такую смерть тем, кто родился в определенный день), но и почетной. Обреченные на гибель рабы в украшениях из перьев считались вещественным представлением богов; они сами были богами. Их жалкая жизнь изгоев заканчивалась апофеозом.

Но в целом у раба было мало шансов умереть таким образом. По всей вероятности, подавляющее большинство рабов либо освобождались (хотя бы после смерти хозяев), либо, во всяком случае, вели безопасное существование, не зная нищеты. В основном это были люди,

которые уклонились от ответственности, отказались от прав и обязанностей, даваемых свободой.

Никакой военной службы, никаких налогов, никаких принудительных работ, никаких обязательств перед государством или кварталом. С ними, я повторяю, хорошо обращались: их, кстати, считали «протеже» и «возлюбленными детьми» великого бога Тескатлипоки. В дни под знаком *се микицтли* («Один-Смерть»), который был посвящен этому богу, рабам дарили подарки, и никто не смел бросить им упрек из страха быть обращенным в рабство гневом Тескатлипоки. Саагун писал: «Хозяева рабов сурово приказывали всем своим домохозяевам не огорчать ни одного из рабов. Говорили, что если кто-нибудь отчитает раба в такие дни, то сам навлечет на себя бедность, болезнь и несчастье и сможет попасть в рабство за то, что плохо обошелся с возлюбленным сыном Тескатлипоки... и если случится, что раб освободится и начнет преуспевать, а рабовладелец станет в свою очередь рабом, говорили, что такова была воля Тескатлипоки, сжалившегося над рабом, потому что тот молил его об этом, и покаранный хозяина за суровость к своим слугам». Таким образом, верования, законы и нравы защищали раба, смягчали условия его жизни и увеличивали шансы обрести свободу.

В начале XVI века количество *тлатлакотин*, похоже, увеличивалось. Это можно объяснить развитием дальней торговли и взиманием дани, большой разницей между уровнями жизни. В сложном обществе, прежняя организация которого окончательно разрушилась, увеличение власти и богатства одних влекло за собой понижение других. Самые бедные и не приспособившиеся к новым условиям скатывались на дно — ниже падать было некуда. Но справедливости ради надо еще раз повторить, что даже туда проникал свет надежды.

Богатство и бедность: уровни жизни

В «Кодексе Теллериано-Ременсис» богатство символизирует плетеный сундук — *петлакалли*, наполненный зелеными камнями. В самом деле, материальные

блага все чаще представляли себе в удобной форме нефрита (жадеита), золота, тканей: движимое имущество, как мы бы сегодня сказали, подменяло собой недвижимость. Однако верно и то, что в XVI веке основой всякого богатства в глазах руководящего класса всё еще оставалась земля, плодородная почва. По мере того как сановник поднимался по служебной лестнице, он приобретал права на всё более обширные земельные владения.

В принципе, никто из ацтеков не был «владельцем» какого-либо земельного участка. Земли находились в коллективной собственности либо *кальпулли*, либо государственных учреждений типа храмов, либо самого города. Частной собственности на землю не было, была коллективная собственность с правом индивидуального использования. «Эти земли, — пишет Сурита, говоря о земельных владениях каждого квартала, — не принадлежат отдельно каждому члену общины, а совместно всему *кальпулли*, и тот, кто ими владеет, не может их продавать, но пользуется ими на протяжении своей жизни и может оставить их своим сыновьям и наследникам». То есть речь идет о передаваемом праве пользования.

Глава *кальпулли* составлял реестр земель и их распределения. Вместе со старейшинами он следил за тем, чтобы у каждой семьи был необходимый ей надел. Если кто-то не возделывал свой участок два года подряд, ему делали строгий выговор; если тот не оказывал воздействия, год спустя человека лишали его права, а переданная ему земля возвращалась в общественный фонд. То же самое происходило, если какая-нибудь семья покидала квартал или чей-то род пресекался за неимением потомства. Собственность *кальпулли* простиралась на все земли, даже не возделываемые, находившиеся в пределах его границ: не было никаких «ничейных» территорий. Глава и его совет могли сдавать земли в аренду земледельцам, не являющимся членами общины, однако арендная плата поступала в квартальную кассу, а не частному лицу.

Если собственность была коллективной, то право пользования ею — индивидуальным. Каждый женатый

мужчина имел неотъемлемое право получить земельный надел и обрабатывать его. К моменту вступления в брак его имя вносили в реестр, и если он не унаследовал от отца право обрабатывать земельный надел, земельный участок ему предоставлял *кальтулли*. Пока человек его обрабатывал, никто не мог его у него отнять; если данный надел его не устраивал, он мог попросить другой. Наконец, после смерти он передавал своим детям не землю, а право пользования ею.

Таково было основное правило мешиков, эгалитарного племени: каждый свободный человек получал земельный надел и был обязан на нем работать. Со временем и по мере увеличения различий в социальном положении из этого старого правила появились многочисленные исключения: сановники, чиновники, жрецы не работали в поле, на которое имели право; купцы и ремесленники были освобождены от сельхозработ. Впрочем, плодородные земли были крайне редки в Мехико, на островках озера; *масеуалтин* могли получить наделы только на твердой земле. Многие мешики вели исключительно городскую жизнь.

Все-таки складывается впечатление, что случаи, когда семью лишали надела, были относительно редки. Одно и то же маисовое поле, тот же огород оставались в руках одного и того же рода из поколения в поколение. Конечно, собственником его оставался *кальтулли*, но на практике гражданин, сменявший на этих землях своего отца и деда, чувствовал себя «на своей территории». В эпоху, непосредственно предшествовавшую испанскому завоеванию, законами уже предусматривались случаи продажи земель. На основе традиционной коллективной собственности понемногу возникала частная собственность.

Этот процесс становится еще заметнее, если рассмотреть не владения кварталов, а владения других общин и городов. Главными его факторами, тесно связанными между собой, являются расширение власти правителей и завоевания мешиков и их союзников; отсюда большое разнообразие земельных владений с разными статусами: *альтенетлалли* принадлежат городу, *текпантлалли* — дворцу, *тлатокамилли* — высшим чиновникам, *йаойотлалли* — военным.

Во всех этих случаях земли возделывали либо рабы, либо простолюдины из покоренного города, а урожай с них поступал «на нужды государства». Так, например, индейцы из долины Толуки обрабатывали для мексиканского правителя поле в 800 саженой длиной и 400 саженой шириной. Император и союзные правители обладали, таким образом, значительным фондом имений, доход с которых передавали либо чиновнику, судье, военачальнику в виде «жалованья», либо храму. В обществе, не знающем денег, вознаграждение заключалось в основном в доходах с земельного участка. Существует множество примеров, когда воинов награждали за подвиги поместьями.

В описываемую нами эпоху наметились важные перемены. Хотя теоретически собственность оставалась коллективной, на деле земли, отданные в пользование *текутли*, передавались ими по наследству. Они превращались в *тиллилли* — «земли *тилли*», то есть дети сановников, уже по праву рождения пользовавшиеся предпочтением при назначении на высокие посты, получали к тому же унаследованные доходы. За счет государственных владений возникали частные. Мы погрешили бы против истины, сказав, что император и сановники были крупными землевладельцами: на самом деле ощущение верховного права общины сохранялось. Но было бы также ошибкой утверждать, что только это право признавалось на практике.

Мексиканское общество переживало переходный период, и передача земли в частную собственность постоянно давала о себе знать; реальные нравы и обычаи все больше отдалялись от традиций. В то время как традиция ставила всех наравне в распределении общественных земель, неравенство в обладании недвижимостью стало правилом. Если *масеуалли* довольствовался своим небольшим наделом, то высшие чиновники обладали богатыми владениями в нескольких провинциях, по примеру императора, у которого были загородные дома и сады во многих местах.

Материальное неравенство было не менее ярко выражено и во всем, что касалось «движимого» имущества. Хотя денег не существовало, некоторые продукты,

товары или предметы обычно служили критериями ценности и платежными средствами. Это были *куачтли* — штука ткани, которые считали на «кипы», или «ноши» (20 штук), зерна какао — настоящая «мелочь», измерявшаяся в *шикитилли* (сумочка, в которой должно было помещаться восемь тысяч зерен), медные топорики в форме буквы Т*, стержни птичьих перьев, наполненные золотым порошком. Помимо этих меновых товаров, «казна» императора или частного лица состояла из огромного разнообразия сельскохозяйственных продуктов — маиса, фасоли, семян масличных растений, разноцветных перьев, драгоценных или полудрагоценных камней, украшений, одежды, драгоценностей и т. д. Эти богатства поступали из двух источников: дани или податей и торговли. Вот тут-то на сцену и выходили купцы.

Все жители города и империи платили налог, за исключением сановников, жрецов, *тилли*, детей, сирот и неимущих, а также, разумеется, рабов. Мексиканские *масауалтин* расплачивались с государством в основном своим трудом; торговцы и ремесленники поставляли продукты или предметы, соответствующие ремеслу каждого из них, и платили либо раз в двадцать дней, либо раз в восемьдесят дней. Дань, которой облагали каждый город или поселок, значительно варьировалась в зависимости от того, при каких условиях этот город или поселок был включен в империю, а также от возможностей местных жителей.

Изначально в представлении индейцев установление дани сопровождалось настоящим договором — договором о выкупе: поскольку побежденный находился в полной власти победителя, победивший город соглашался частично отказаться от своего права взамен на торжественное обязательство. По окончании сражений начинался ожесточенный торг: побежденные старались отделаться меньшей ценой, мешки грозили возобновить военные действия. В конечном счете сто-

* Жадные испанцы были сильно разочарованы, когда привезли на Кубу эти медные топорики, посчитав их золотыми, и увидели, как те покрываются патиной.

роны приходили к согласию, и победители непременно составляли протокол о согласии, вырванном у противоположной стороны. «Не укоряйте нас потом за чрезмерные запросы, поскольку сегодня вы дали согласие» — таков смысл слов, приводимых в рассказах туземцев.

Каждая провинция, а внутри провинции — каждый город или селение должны были поставлять один-два раза в год определенное количество товаров или продуктов. Списки, приводимые в «Кодексе Мендосы», показывают, насколько разнообразными были эти приношения. Одну из провинций «Холодных Земель», Шилотепек, ежегодно облагали данью в 800 нош женских одежд (то есть 16 тысяч штук), 816 нош мужских набедренных повязок, 800 нош покрытых вышивкой юбок, 3216 кип *куачтли*, два воинских облачения с головными уборами и щитами, четыре ямы маиса и другого зерна и, наконец, от одного до четырех живых орлов.

Провинция Точпан на берегу Мексиканского залива должна была присылать 6948 нош плащей разных фасонов, 800 нош набедренных повязок и столько же юбок, 800 нош перца-чили, 20 мешков перьев, два нефритовых ожерелья, одно ожерелье из бирюзы, два диска из бирюзовой мозаики, два парадных наряда для военачальников. Точтепек, штаб-квартира торговцев на границе южных и восточных земель, помимо многочисленных одежд, поставлял 16 тысяч каучуковых мячей, 24 тысячи букетов из перьев попугая, 80 пучков перьев кецаля, один щит, одну диадему, одну головную повязку и два золотых ожерелья, а также украшения из янтаря и хрусталя и зерна какао.

В списках дани перечисляются ткани из хлопка и волокна агавы, одежда всякого рода, маис, зерно, какао, мед, соль, перец-чили, табак; строительные материалы, мебель, посуда, золото из миштекских провинций, бирюза и нефрит с восточного побережья, кошениль, смола для курений, каучук, бумага из Куаунауака и Уаштепека, раковины из Сиуатлана, живые птицы из Шилотепека и Ошитипана. Только в *куачтли* ежегодный налог составлял более 100 тысяч нош, а мы видели, что на

одну ношу *куачтли* человек мог жить целый год. Значит, только в таком виде в Мехико поставляли 100 тысяч «годовых доходов», не говоря уже обо всех прочих продуктах, перечисленных выше. Например, в виде дани в столицу поступало 32 тысячи больших листов бумаги, 152 320 набедренных повязок, 30 884 пучка драгоценных перьев и т. д.

Вероятно, определенная часть этих богатств расходилась по кварталам столицы, которая, в принципе, получала только две пятых дани: еще две пятых предназначались Тескоко и одна пятая — Тлакопану. Но совершенно точно, что правитель и главные сановники забирали себе львиную долю: после падения Куэтлаштлана Мотекусума I, его наместник Тлакаэлельцин и командующий экспедицией присудили себе три четверти дани, взятой с этой провинции; только четверть отправили по кварталам, и неизвестно, что из этой четверти в конечном итоге досталось простолюдинам.

Созерцая такое количество нулей, естественно, думаешь о том, что население было задавлено налогами. Такое впечатление испытали испанцы сразу по прибытии, услышав горькие жалобы и стенания тотонаков. Но свидетельство этого племени, покоренного достаточно недавно и ненавидевшего мешиков, возможно, не следует принимать дословно. Нужно учитывать тот факт, что некоторые провинции были густо населены. Алонсо де Сурита, превосходный испанский чиновник и внимательный наблюдатель, пишет: «Во всем этом было много порядка, следили за тем, чтобы никто не был обременен больше другого. Каждый платил мало, и поскольку людей было много, (товары) удавалось собрать в большом количестве малым трудом и без всяких обид».

Города и поселки в долине Мехико обложили особой данью: они должны были по очереди заниматься ремонтом дворцов трех союзных правителей, выполнять там работы по хозяйству и снабжать их продуктами питания. Правитель Тескоко Несауалькойотль разделил окрестности своей столицы на восемь районов: каждый из них выполнял эту обязанность в определенное время в течение года под надзором *кальтишки*. По словам Иштлильшочитля, ежедневные поставки из

этих районов были весьма внушительны: в жилищах правителей потребляли не менее ста индюшек в день.

Совершенно точно, что все эти запасы, поступающие в Мехико и два союзных города в виде дани, позволяли скопить в руках правителей и их близких огромные материальные блага. Верно и то, что их расходы были не менее велики. Несауальпилли в Тескоко со своим огромным гаремом из сорока фавориток, только у одной из которых, дочери императора мешиков Ашайякатля, было больше двух тысяч слуг, и Мотекусомы II в Мехико, постоянно окруженный во дворце тремя тысячами человек, не считая орлов, змей и ягуаров, которых он держал в особых помещениях и которые поедали пятьсот индюшек в день, жили владыками посреди изобилия, которым пользовалась всё разрастающаяся свита. Поскольку, с другой стороны, не существовало никакой разницы между личным имуществом правителя и государственной казной, именно он раздавал пищу и питье всему населению в месяц *уэй текуильуитль*, когда запасы населения были истощены и едва можно было свести концы с концами; он же опустошал свои закрома во время голода и стихийных бедствий, брал на себя расходы на ведение войны, вооружение и пропитание солдат. Каждый сановник, соответственно рангу, тоже тратил средства не только на себя, но и на содержание своей свиты, оказывал прием путешественникам, кормил бедных. Богатство власть имущих не только перерастало в роскошь, но и в большой мере перераспределялось в связи с обязанностями, которые налагала на них их должность.

Иначе было с имуществом купцов. *Почтека*, как мы видели, не выставляли свои богатства напоказ, разве что по редким случаям, когда обычай и приличия требовали показать себя щедрыми хозяевами. Они не несли никаких обязанностей, не перераспределяли свое состояние. Богатством же своим они были обязаны не земледелию, не налогам, а торговле, которой занимались единовластно; оно скапливалось в их тщательно спрятанных складах в виде кип драгоценных перьев, сундуков, набитых нефритом (жадеитом) и янтарем, калebas с золотым песком.

В то время как правящая верхушка тратила щедрой рукой, *почтека*, ведя комфортабельную, но неброскую жизнь, удовлетворяя только собственные потребности, не оказывая помощи простолюдинам и беднякам, могли сколотить «капитал», как мы бы сегодня сказали. Сановники были, в общем, всего лишь высшими чиновниками, избавленными от уплаты налогов и получающими большое жалованье, но принужденными тратить большую его часть именно по долгу службы; торговцы же формировали первое ядро класса богатей, состояние которых принадлежало лично им.

В ацтекском обществе начала XVI века сосуществовали самые разные образы жизни: ослепительная роскошь правителя и, ступенями ниже, сановников; «буржуазный» комфорт купцов; скромное существование простолюдинов. В письменных источниках слишком часто заходит речь о «бедняках», чтобы не придавать им значения: счастливая умеренность, бывшая уделом всех мешиков двумя веками раньше, понемногу исчезала, по мере того как общинный поселок превращался в столицу империи и центр, в который стекались все богатства обширной страны. Городская жизнь, усложняющаяся система должностей, административные задачи, возникавшие в связи с расширением покоренных территорий, возникновение торговли неудержимо и безвозвратно меняли прежние условия. Конечно, *кальтулли* со своей уравнилельной организацией играл роль мощного стабилизатора, но весьма вероятно, что маленький клочок земли, которого было достаточно простому гражданину в XIV веке, казался жалким человеку XVI века. И здесь тоже намечались перемены, последствия которых мы можем вообразить только мысленно, поскольку они были резко оборваны вторжением европейцев.

Правитель, высшие сановники, совет

Стоя на вершине власти, правитель, одновременно военачальник и распределитель богатств, представитель привилегированного сословия и защитник про-

столюдинов, поддерживал главенство правящего класса, а купеческое сословие по необходимости то баловал, то притеснял. Он был окружен всеми внешними атрибутами монархической власти, и эти атрибуты соответствуют реальности: попытки некоторых современных авторов отрицать очевидное — пустая трата времени.

Конкистадоры, какими бы невеждами они ни являлись, смотрели в оба, и их описания совершенно ясны. Кстати, они согласуются с туземными источниками, тщательно воссоздающими генеалогию, хронологию восшествия на престол и смерти каждого правителя. То, что Мехико 1519 года был монархией, — непреложный факт. Остается узнать, монархией какого рода. Кем был правитель и каким образом он таковым становился?

Тот, кого мы называем «императором», в Мехико величали *тлатоани* — «говорящий», от глагола *тлатоа* — «говорить». Тот же корень встречается в словах, относящихся к слову, например, *тлатолли* («язык») и к власти, командованию, например, *тлатокайотль* («государство»); оба значения сливаются в слове *тлатокан* — «верховный совет», место, где говорят и откуда исходит власть. Правителя неслучайно называли *тлатоани*: в основе его власти было заложено искусство говорить, дебаты в совете, искусность и достоинство помпезных и образных речей, которые так ценили ацтеки. Другой его титул, *тлакатекутли* («глава воинов»), соответствовал одному очень важному аспекту его должности: верховному командованию армиями трех союзных городов.

Происхождение мешиканской династии неясно, и эта неясность еще усугубляется усилиями ацтекских историографов по облагораживанию рода властителей. Им было важно сделать так, чтобы эта новоявленная династия, состоящая, в общем-то, из «выскочек», происходила бы от великой легендарной монархии тольтеков. Этого можно было достичь, сделав крик через Колуакан — озерный город на юге, где сохранились обычаи и язык Тулы. Было *нужно*, чтобы первый ацтекский император, Акамапичтли, считался урожен-

цем этого города, то есть тольтеком. Отсюда многочисленные и сложные версии его прихода к власти. Одна из таких версий, интересная тем, что она возникла после испанского завоевания по приказу конкистадора Хуана Кано, женившегося на донье Исабель — дочери Мотекусомы II, наверняка является официальной.

В этом «Сообщении» ясно говорится, что правители Колуакана происходили от Кецалькоатля — «пернатого змея», правителя Тулы, а Акамапичтли представлен приемным сыном последнего законного правителя из этого рода. По другому источнику, Акамапичтли родился в Колуакане, хотя его мать была родом из мешиков. Но главную, хотя и не очень ясную роль в основании династии сыграла другая женщина: она предстает то приемной матерью молодого вождя, то его женой, но всегда — «сеньорой» благородных кровей из колуаканской династии. Существует несколько указаний на то, что в древние времена благородство и власть передавались по женской линии. Как бы то ни было, мешикское происхождение постарались крепко привязать к мифическому и славному прошлому.

После Акамапичтли бирюзовая диадема оставалась в непрерывном владении его семьи до самого конца: второй император, Уицилиуитль, был его сыном, третий, Чимальпопока, — внуком. Затем власть часто переходила от покойного правителя к его брату или племяннику. Различные документы не всегда согласуются в том, какие именно родственные узы связывали императоров, но в одном сомневаться не приходится: все они принадлежали к одному роду, одной династии.

Обычай в каждом городе могли быть свои: в Тескоко, например, власть регулярно передавалась от отца к сыну. При этом еще предстояло решить, какого сына сделать наследником, что для правителей-многоженцев было непросто. Считалось, что одна из жен правителя — «законная», и, в принципе, именно ее старший сын наследовал отцу. Но и здесь возникало много «но», поскольку, как пишет Сурита, «если ни один из ее сыновей или внуков не был способен к правлению, преемника не провозглашали, а выбирали на собрании главных вельмож». Поэтому Несауалькойотль перед смертью

позаботился о том, чтобы назначить преемником своего сына Несаульпилли, которому тогда было семь лет, и добился его признания вождем, точно так же как римские или византийские императоры соединяли своих сыновей с империей, чтобы обеспечить им корону.

В Мехико выборы были правилом. Акамапичтли, умирая, не назначил преемника, «но предоставил республике избрать того, кто покажется достойным... Этот обычай всегда сохранялся у мексиканцев. Сыновья властителей правили не по наследованию, а исключительно по избранию». Изначально правителя избирал весь народ (во всяком случае, главы семейств): город был еще мал, жителей немного. Их можно было собрать на главной площади и представить на их одобрение предложения, сформулированные несколькими влиятельными лицами.

По мере расширения города и империи коллегия выборщиков правителя сокращалась: Ауисотля выбрал уже не народ, а «сенат». В начале XVI века в коллегия, избиравшую императора, должны были входить около сотни человек, разделявшихся на пять категорий: тринадцать *текутлатоке* (высшие сановники); *ачкакау-тин* (чиновники второго плана, представлявшие фактически или номинально различные кварталы); два класса военных — в отставке и на действительной службе и, наконец, верховные жрецы — *тленамакацке*. Как мы видим, эта коллегия представляла лишь высший слой правящего сословия чиновников, жрецов и воинов; не только рабы, что само собой разумеется, не только простой народ, но и купцы, ремесленники и даже «благородные» (*тилли*) были от выборов отстранены. Избрание императора находилось в руках узкого круга олигархов.

Саагун уточняет, что голосования не было. Даже сегодня в поселках науа в современной Мексике выборы муниципального чиновника или главы общины происходят точно так же. «Выборщики» беседуют между собой, выдвигают предложения, приходят к согласию по чьей-нибудь кандидатуре. Никакого голосования в том смысле, какой мы вкладываем в это слово. После

провозглашения новому правителю приходилось пройти через долгие испытания церемониалом восшествия на трон, в ходе которых ему было нужно приносить покаяние перед богами, выслушивать длинные наставления и отвечать на них цветистыми речами. Наконец, он обращался к народу, в особенности призывал его почитать богов и избегать пьянства. Тогда он предстал во всем великолепии императорских одежд, в треугольном венце из золота и бирюзы, в сине-зеленом плаще и украшениях из нефрита (жадеита), держа в руке скипетр в виде змеи.

Речи, которыми обменивались новоизбранный правитель и вожди, а также его обращение к населению создают представление о том, как древние мексиканцы относились к достоинству правителя. Императора, конечно, избирали вельможи, но в соответствии с официальным религиозным каноном на самом деле он был отмечен богами — в частности, Тескатлипокой, который всё видит в своем волшебном зеркале. Так что первым делом правитель обращается к богам, благодаря их за то, что они выбрали его, и одновременно сетуя на то, что ему придется владеть столь тяжкое бремя — управление империей. Он клялся защищать храм Уицилопочтли и гарантировал божествам положенное им служение.

Другие его обязанности — перед народом. Император — «отец и мать» мексиканцев, согласно принятой формулировке. Он должен вершить правосудие и будет бороться с недородом, чтобы обеспечить подданным «изобилие плодов земных». Фундаментальные идеи ацтекской монархии, скрывающиеся под этими стереотипными формулировками официального красноречия, не лишены достоинства; в них есть забота о государственном благе, чувство истинной солидарности масс и руководства. Кстати, есть все основания полагать, что императоры всегда серьезно относились к своим обязанностям. Царствование за царствованием традиционные рассказы повествуют о том, что они не только рьяно расширяли империю и возводили храмы, но и не мешкая приходили на помощь нуждающемуся населению, как Мотекусома I, предоставлявший еду

или одежду неимущим, или Ауисотль, раздавший 200 тысяч нош маиса жертвам наводнений.

Вместе с государем правили состоявшие при нем высшие сановники, которые зачастую являлись его ближайшими родственниками. Главный среди них, настоящий «вице-император», носил примечательный титул «*сиуакоатль*» — «женщина-змея». Это имя великой богини, и вероятно, что изначально сиуакоатль был всего лишь верховным жрецом этого божества. Только начиная с правления Мотекусома I, титул сиуакоатля, уже существовавший в Мехико и других городах*, вдруг перешел к первому лицу в государстве после правителя. «Ты сможешь мне править мешикским государством», — сказал, как утверждает Тесосомок, Мотекусома I своему брату Тлакаэлельцину, получившему титул сиуакоатля.

У этого высшего сановника было множество обязанностей: верховный судья в военных и уголовных делах, он «должен был печься о делах правления и королевских финансах. Он рассматривал дела, которые ему подавали на апелляцию», — сообщает Торкемада, который называет его «председателем и главным судьей». Именно сиуакоатль отбирал воинов для награждения, организовывал военные походы и назначал командующих, созывал коллегия выборщиков после смерти правителя и исполнял обязанности главы государства в период междуцарствия. Когда император покидал Теночтитлан, чтобы лично возглавить союзные войска, сиуакоатль поселялся во дворце и заменял его во время отсутствия. Окружавшие его почести уступали лишь императорским; например, только он мог предстать перед правителем, не разувшись. Он получал внушительную часть дани, взимаемой с завоеванных городов. Он во всем «дублировал» *тлатоани*, и его черно-белый плащ появлялся сразу за сине-зеленым императорским.

Похоже, что Мотекусома I совершил просто гениальный ход, поставив рядом с собой брата Тлакаэлель-

* В «Кодексе Мендосы» Акамапичтли до своего избрания правителем изображен рядом с глифом, обозначающим богиню *Сиуакоатль*.

цина — сильную личность, которую хронисты всегда описывают с восхищением, например Чимальпаин, который называет его «уэй окичтли» — «прославленный муж». Все свидетельства сходятся в прославлении его воинской доблести, его мудрости в государственных делах, его верности императору. Он сумел придать своей должности столько блеска, что всех сменявших его сановников избирали из числа его прямых потомков — сыновей и внуков, вплоть до последнего, Тлакоцина, который дожил до того, что положил к ногам Кортеса акт о капитуляции Мехико 13 августа 1521 года и был крещен под именем дон Хуан Веласкес. Так что существовало два рода: императоров и сиуакоатлей, две династии, общим предком которых был Уицилиуитль, второй правитель Теночтитлана.

Ниже сиуакоатля стояли четыре высших военных чина, которые вместе с ним были главными советниками императора. Два из них, *тлакочкалькатль* и *тлакатеккатль*, зачастую являлись прямыми родственниками правителя, и именно из них выбирали его преемника. Например, Мотекусома II исполнял обязанности *тлакочкалькатля* в правление своего отца Ауисотля. Некоторые из этих сановников также вершили правосудие: *тлакатеккатль* ведал гражданскими и уголовными делами, и по поводу его решений можно было подать апелляцию сиуакоатлю.

Наконец, в индейских и испанских хрониках упоминается довольно большое количество других титулов, соответствующих должностям, которые по большей части невозможно определить точно с нашим объемом знаний. Например, мы знаем, что император Тисок в молодости носил звание *тлаишлотлак* — этот термин обозначал чужеземное племя и мог служить титулом, как у римлян — Германик или Парфик. *Мешикатль ачкаутли*, глава чиновников города Мехико, был из тех, на кого судьба возложила ужасную ответственность за капитуляцию перед испанцами. *Текутламакаски*, часто упоминаемый среди ближайших советников правителя, был, надо полагать, представителем жреческой иерархии перед государственной властью.

Петлакалькатль («отвечающий за сундук») стерег закрома и склады, куда свозили дань со всех провинций, а *уэй кальпишки* сочетал обязанности префекта столицы (именно он давал указания главам кварталов) с управлением сборщиками налогов по всей империи. Кстати, похоже, что совмещение должностей не было редкостью: так, *тлакочкалькатль* Ицкуауцин, находившийся на этом посту к моменту прибытия испанцев, одновременно исполнял должность «губернатора» Тлателолько.

За исключением *петлакалькатля* и *уэй кальпишки* (возможно, потому, что их должности были чисто «гражданскими»), высшие сановники обязательно входили в *Тлатокан* — верховный совет города. Этот совет собирался под председательством императора или, в его отсутствие, *сиуакоатля* для принятия всех важных решений: направления посольств, объявления войны и т. д. Он также составлял основное ядро коллегии выборщиков, которой предстояло утвердить правителя. При этом было бы нелепицей видеть в нем аналог законодательного собрания или даже совета «сахемов» какого-нибудь североамериканского племени.

Надо полагать, изначально он состоял из выборных делегатов от разных *кальтулли*. Но в интересующую нас эпоху, по меньшей мере, часть его членов назначал сам император, а остальные кооптировались. Тут тоже произошел переход от общинной демократии к олигархическому режиму, венцом и защитником которого выступал правитель. Но не надо забывать, что доступ к высшим должностям был открыт для простолюдинов: ревнивая к своим прерогативам аристократия могла усилиться и обновиться, вобрав в себя достойных людей, она еще не закоснела и не одряхлела. Заметим, что если простолюдин мог надеяться стать *текутли*, купцы были такой надежды лишены: торговцем родился — торговцем и останешься. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что аристократия уходила корнями в народ, а не в буржуазию*.

* Примечательно, что в Тескоко торговцы имели доступ к одному из четырех высших советов — финансовому, наряду с сановниками.

Город мешиков, сложный социополитический организм, преобразующийся под воздействием многочисленных сил, к XVI веку коренным образом отличался от стоянки кочевого племени, которое нашло в 1325 году прибежище на нескольких островах в зарослях тростника. Различие было не только в количестве (жителей, территорий, ресурсов), но и в качестве. Город был уже не просто разросшейся общиной, он превратился в государство, стремящееся к расширению, в общество, в котором шло расслоение и начинали проявляться антагонизмы, где изменялся характер собственности, а государственная служба и богатство исподволь вступали в борьбу. Но религия — живая, главенствующая, неоспоримая, — скрывая от глаз эти сложные процессы и с необычайной силой скрепляя различные элементы общества, навязывала всем общее мировоззрение и упорядочивала через ритуалы жизнь всех и каждого.

Именно благодаря ей город оставался общиной, а в разнообразии сохранялось единство. Именно она погружала этот город, удивительно современный во многих отношениях, в атмосферу Средневековья. Жизнь мексиканца в ее материальной и социальной среде можно прочувствовать, только если представить себе, как всемогущая идеология диктовала ему его обязанности, руководила его существованием, расцветивала небывалыми красками его мир и его собственную судьбу.

МИР, ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Ненадежный и опасный мир

Как и другие народы Мезоамерики, мешики полагали, что нашему миру предшествовали несколько сменивших друг друга миров, и каждый из них погиб в катастрофе, в ходе которой человечество было истреблено: это были «четыре солнца», а наше — пятое. Каждое из «солнц» обозначено на монументах типа ацтекского календаря, или «Солнечного камня», одной датой — датой его конца, которая одновременно напоминает о том, какое именно бедствие положило ему конец: например, четвертая эпоха, «солнце воды», датировано «науи атль» — «Четыре-Вода»: она завершилась наводнением, своего рода Всемирным потопом.

Наш мир постигнет та же участь; его судьба определена датой, которая, так сказать, отметила его с рождения, когда наше солнце пришло в движение, *науи оллин*. Иероглиф «оллин» в виде Андреевского креста, который сопровождает маску солнечного бога в центре ацтекского календаря, имеет двойное значение: «движение» и «землетрясение». Он символизирует одновременно первое движение звезды, в начале нашей эры, и катастрофы, которые уничтожат наш мир. Тогда бытие разорвется, как полог, и чудовища сумрака, *цицимиме*, дожидаящиеся рокового часа в глубине заката, выскочат и набросятся на тех, кто останется жив.

Прародителями всех этих существ и даже богов древние мексиканцы считали исконную чету — *Ометекутли* («господин Двойственности») и *Омесиуатль* («госпожа Двойственности»). Они живут на вершине мира, на тринадцатом небе, «там, где воздух студеной, чистый и ледяной». От этой вечно плодovитой пары родились все боги и рождаются все люди. В рассматриваемую нами эпоху два этих высших божества стали немного похожи на государей, которые царствуют, но не правят: их оттеснила на задний план мощная толпа молодых и деятельных богов. Но именно им по-прежнему принадлежала привилегия устанавливать дату рождения каждого существа и тем самым определять его судьбу.

Потомки высшего Двуетинства, боги, в свою очередь, создали мир. Самым важным актом творения стало, разумеется, рождение солнца, и это солнце родилось из жертвоприношения и крови. Говорят, что боги собрались во мраке в Теотиуакане, и один из них, малое прокаженное божество, покрытое язвами, пожертвовал собой и бросился в огромный костер, откуда появился вновь, превратившись в звезду. Но это новое солнце оставалось неподвижно: ему нужна была кровь, чтобы начать движение. Тогда другие боги принесли себя в жертву, и солнце, извлекая жизнь из их смерти, начало совершать свой путь по небу.

Так начинается космическая драма, в которую, вслед за богами, оказалось вовлеченным человечество. Чтобы солнце продолжало свой путь, чтобы мрак не сгустился над миром навеки, нужно каждый день давать ему пищу — «драгоценную влагу» (*чальчиуатль*), то есть человеческую кровь. Жертвоприношение — священный долг по отношению к солнцу и необходимость для блага самих людей. Без этого сама жизнь во Вселенной пресечется. Каждый раз, когда жрец на вершине пирамиды поднимает в руках окровавленное сердце жертвы и кладет его на *куаушикалли*^{*}, катастрофа, ежесекундно грозящая миру и человечеству, вновь

* От «куаутли» — «орел» и «шикалли» — «сосуд»: «сосуд орла», птицы, которая в мексиканской мифологии ассоциировалась с Солнцем.

оказывается отодвинута на более поздний срок. Человеческая жертва — это превращение, когда из смерти получают жизнь. И боги подали тому пример в первый день творения.

Что же до человека, то его главная обязанность и состоит как раз в том, чтобы давать пищу «интонан интота тлалтекутли тонатиу» — «нашей матери и нашему отцу, земле и солнцу». Уклониться от исполнения этого космического долга значит предать богов, а тем самым — остальных людей, ибо то, что верно для солнца, верно и для земли, дождя, растительности и всех сил природы. Всё рождается и существует лишь благодаря крови принесенных в жертву.

Великий бог-правитель тольтеков Кецалькоатль «никогда не соглашался (приносить человеческие жертвы), потому что сильно любил своих подданных, тольтеков, и приносил в жертву только змей, птиц и бабочек». Но Кецалькоатлю пришлось бежать из Тулы, откуда он был изгнан колдовством Тескатлипоки, поэтому Мексика оказалась в руках богов, жаждущих жертв. В самой распространенной форме этого обряда жертву укладывали спиной на слегка выпуклый камень, четыре жреца держали ее за руки и за ноги, а пятый вспарывал ей грудь кремневым ножом и вырывал сердце. Жертвоприношение часто происходило и в форме, которую испанские хронисты называют «gladiatorio»: пленник, привязанный к огромному каменному диску (*темалакатлю*) веревкой, оставлявшей ему свободу движений, и снабженный деревянным оружием, должен был поочередно сразиться с несколькими ацтекскими воинами с обычным вооружением. Если, паче чаяния, ему удавалось выстоять под их натиском, он мог сохранить себе жизнь. В большинстве случаев «гладиатор» падал израненным и через несколько мгновений испускал дух на камне: жрецы в черных одеждах и с распущенными волосами вспарывали ему грудь. Воинов, обреченных на такую смерть, наряжали в особые одежды и украшения; головы их увенчивали белыми перышками, символом первых проблесков зари — еще неверного часа, когда в сером свете утра души воскресших воинов улетают к отцу нашему Солнцу.

Но это были не единственные формы жертвоприношения: женщинам, обреченным на смерть в честь богинь земли, отрубали головы, пока они танцевали, будто бы не зная о том, что их ждет; детей, посвященных богу дождя Тлалоку, топили; жертв богу огня бросали в костер, одурманив *йаутли* (вид наркотика); людей, олицетворявших собой бога Шипетотека, привязывали к подобию козел и пронзали стрелами, после чего с них сдирали кожу, и в нее облачались жрецы. В большинстве случаев жертву наряжали, раскрашивали и украшали таким образом, чтобы она изображала бога, которому совершали служение. Таким образом, сам бог погибал перед собственным изображением и в своем собственном храме, как все боги согласились погибнуть в первые времена ради спасения мира. И когда, при некоторых обстоятельствах, имел место жертвенный каннибализм, верующий в кровавом причастии поглощал плоть самого бога.

Ни один другой аспект мексиканской цивилизации так не шокирует нас, как этот. С первого знакомства европейцев с индейцами ужас и отвращение, внушенные вновь прибывшим человеческими жертвами, помогли им убедиться в том, что религия туземцев исходит из ада, а их боги — демоны. С тех пор они пребывали в убеждении, что Уицилопочтли, Тлалок, Тескатлипока и все остальные мексиканские божества — на самом деле черти, и всё, что к ним относится прямо или косвенно, следует истребить навсегда. Практика человеческих жертвоприношений у ацтеков во многом способствовала тому, чтобы лишить всех точек соприкосновения две столкнувшиеся религии, а затем, когда между испанцами и мексиканцами разразилась война, придать ей ожесточенный и непримиримый характер, начиная с того момента, когда конкистадоры издали бессильно наблюдали за кончиной своих товарищей, а позже нашли их оскаленные черепа на *цомпантли*.

Нам, разумеется, трудно по-настоящему понять, что означала для ацтека XVI века человеческая жертва. Отметим все же, что в каждой культуре есть свое особое понятие того, что жестоко, и того, что таковым не является. В эпоху расцвета Римской империи на аренах

цирков проливалось для развлечения больше крови, чем ацтеки пролили перед своими идолами. Испанцы, столь искренне возмущенные жестокостью туземных жрецов, сами резали, жгли, увечили и пытали с невозмутимой добросовестностью. Например, Кортес велел отрубить ступни кормчему Гонсало де Умбрия, повесить двух испанцев и дать другим по двести ударов кнутом, а также приказывал отрубать руки пленным индейцам. Мы сами вздрагиваем, слушая о кровавых ритуалах в древней Мексике, но в наше время на наших глазах цивилизованные народы устраивают систематическое истребление миллионов живых существ и создают оружие, способное уничтожить за одну секунду в сто раз больше жертв, чем было умерщвлено за всю историю империи ацтеков.

Человеческие жертвоприношения у мексиканцев не вдохновлялись ни жестокостью, ни ненавистью. Это был их ответ (единственный ответ, который они могли себе представить) уязвимости мира, постоянно находившегося под угрозой. Чтобы спасти этот мир и человечество, нужна была кровь: приносимый в жертву — не враг, которого убивают, а гонец, которого отправляют к богам и который сам облечен богоравным достоинством. Все описания церемониалов, например, те, что продиктовали Саагуну его собеседники из ацтеков, создают впечатление, что между жертвами и жрецами не существовало ничего похожего ни на неприязнь, ни на жажду крови, но некое странное братство или, вернее (это следует из текстов), нечто вроде мистического родства. И такое впечатление возникает само собой.

«Когда человек завладевал пленником, он говорил: «Вот мой возлюбленный сын». И пленник отвечал: «Вот мой досточтимый отец»» («Флорентийский кодекс»). Воин, захвативший пленника и присутствовавший при его смерти перед алтарем, знал, что рано или поздно последует за ним в мир иной, умерев похожим образом. «Добро пожаловать, ты знаешь, каков исход войны: сегодня для тебя, завтра для меня», — сказал, если верить Тесосомоку, император одному пленному вождю. Что до самого пленника, прекрасно осведомленного о

том, что его ждет, и с детства подготовленного к тому, чтобы принять такой конец, то он стоически склонялся перед судьбой. Более того: он отказывался от помилования, противоречащего его судьбе и божественной воле, если ему его предлагали.

Вождь мешиков Тлакауэпан, плененный *чальками* в правление Мотекусомы I, так отличился своей доблестью, что захватившие его враги предложили ему и другим ацтекам, попавшим к ним в руки, часть своей территории. Он не только сохранил бы себе жизнь, но и стал бы господином этой части города; ему даже предложили командование войсками Чалько. Вместо ответа Тлакауэпан покончил с собой, воскликнув, обращаясь к товарищам по плену: «Мешики, я уйду и буду вас ждать!»

Не менее знаменита история одного вельможи из Тлашкалы, Тлауисоле, который был пленен мешиками: те настолько им восхищались, что вместо того чтобы принести его в жертву, доверили ему командование войсками в войне с Мичоаканом. Но вернувшись из похода, осыпанный почестями тлашкальтек не захотел больше скрываться от судьбы: он потребовал смерти на жертвенном камне и добился ее.

Таким же было отношение всех остальных приносимых в жертву — юноши, который целый год жил, окруженный княжеской роскошью, чтобы в конечном итоге погибнуть перед изображением Тескатлипоки, или женщин, которые флегматично танцевали и пели, тогда как позади них жрецы в темных одеждах выжидали момент, чтобы срубить им головы, точно кукурузные початки. Сформированная могучей многовековой традицией чувствительность индейцев не была похожа на чувствительность их современников-европейцев: бесстрастно взирая на кровавые сцены, разворачивавшиеся в их храмах, они ужасались, глядя на казни, которые принесли с собой испанцы из страны инквизиции (Кортес лично приказал сжечь живьем перед императорским дворцом сановника Куаупопоку и еще четырех вождей).

Вышеизложенные соображения позволяют понять, в чем заключался для древних мексиканцев смысл вой-

ны — той вечной войны, которую город питал всей своей энергией. Наверное, можно расценивать историю Теночтитлана с 1325 по 1519 год как историю империалистического государства, неустанно продолжающего расширяться путем завоеваний. Но это не всё. По мере того как власть мешиков простиралась на все большую территорию, сами их победы создавали вокруг них все более широкую усмиренную зону, до крайних пределов известного им мира. Где же тогда добыть необходимые жертвы, чтобы предоставить богам их пищу — *тлашкальтилистли*? Где взять драгоценную кровь, без которой солнце и вся машина мироздания обречены на небытие? Приходилось поддерживать войну. Отсюда эти странные «войны цветов» (*шочийаойотль*), которые приняли характер постоянного явления после ужасного голода, опустошившего Центральную Мексику в 1450 году.

По взаимному согласию правители Мехико, Тескоко и Тлакопана и руководство Тлашкалы, Уэшоцинко и Чолулы решили, за отсутствием собственно войн, устраивать сражения, чтобы приносить пленных в жертву богам: считалось, что бедствия 1450 года были вызваны недовольством богов, недостаточно снабжаемых жертвами. Сражались в основном для того, чтобы захватить пленных и принести их в жертву: на поле боя старались убивать как можно меньше народу. Война была не только инструментом политики, но прежде всего ритуалом — «священной войной».

Просто в глубине души древние мексиканцы не имели веры в будущее. Их мир был хрупким, ему постоянно грозила катастрофа. Помимо природных катаклизмов и голода, еще и чудовищные божества заката являлись на перекрестках в некоторые ночи; существовали колдуны, посланцы таинственного и сумеречного мира; и каждые пятьдесят два года на народы империи обрушивался страх, когда солнце заходило в конце последнего дня «века», и люди в тревоге спрашивали себя, появится ли оно вновь.

В городах и деревнях гасили все огни, и встревоженные толпы собирались у подножия и на склонах горы Уишачтекатль, в то время как на вершине жрецы на-

блюдали за созвездием Плеяд. Оно близилось к зениту: продолжится ли его движение? Или же оно застынет и сверху низринутся полчища уродливых чудовищ конца света? Жрец-звездочет делал знак; на камне растягивали пленника, кремневый нож с глухим звуком погружался в его грудь, и в разверстой ране быстро поворачивали *тлекуауитль* — «огненную палку». О чудо! Вспыхивал огонь, словно родившись из изуродованной груди, и под радостные восклицания гонцы зажигали факелы и отправлялись передать священный огонь во все концы центральной равнины. Мир в очередной раз избежал конца. Но какой тяжелой и кровавой задачей для жрецов, воинов, императоров было век за веком и день за днем отражать неустанный натиск небытия!

Небо и земля

Ацтеки были по преимуществу «народом Солнца». Их высший бог Уицилопочтли олицетворял собой солнце в зените, знойное полуденное светило. Его мать Коатликуэ («носящая юбку из змей»), богиня земли, прежде него породила бесчисленных звездных богов, которых называли «четыреста южан», и лунное божество Койольшауки — воплощение мрака ночи. По легенде, ее чудесным образом оплодотворил пучок перьев, упавший с неба, — душа принесенного в жертву, а ее сын, родившийся вооруженным «огненной змеей» (*шиукоатль*), прогнал братьев и сестер, как солнце разгоняет ночь и затмевает звезды.

Поначалу Уицилопочтли пришлось нелегко, поскольку он был всего лишь безвестным богом маленького кочевого племени, которого носили за плечами по пыльным северным степям. Тогда он был «простолудином, всего лишь человеком», но также *наоалли тецауитлем* («колдуном-призраком», то есть чудом). Он возвысился вместе с племенем, которое вел за собой; в XVI веке он властвовал над империей ацтеков, как солнце над миром. «Благодаря мне взошло солнце!» — восклицал он голосом своих жрецов.

Бог племени воинов и охотников с севера, Уицилопочтли принадлежал к кругу звездных и небесных божеств, которых тоже принесли с собой северные народы, наводнившие Мексику, — таких как Тескатлипока, бог Большой Медведицы и ночного неба, многоликий колдун, который всё видит в своем обсидиановом зеркале, «юноша» (*тельпочтли*), оберегающий молодых воинов, и Мишкоатль, бог Млечного Пути, покровитель охотников, национальное божество Тлашкалы под именем Камаштли.

Возможно, степные кочевники знали лишь малое число божеств, и их религия была в основном, если не исключительно, астральной. Оседлые племена с центрального плато, напротив, с седой древности поклонялись земледельческим богам растительности и дождя: в первую очередь Тлалоку с маской из змей, нагоняющему тучи на вершины гор (где живут малые божества дождя — *Тлалоки*) и дарующему по своему усмотрению благотворный дождь или разрушительный ураган, а также насылающему губительную засуху. «О господин мой, государь-колдун, только тебе принадлежит маис!» — говорили ему.

Тлалок был верховным богом крестьян, как Уицилопочтли — верховным богом воинов. Поэтому, как мы видели, он помещался на вершине главного *теокалли* столицы, рядом с Уицилопочтли и наравне с ним; его верховный жрец был равен верховному жрецу солнечного бога. Солнце и дождь, две великие силы, правящие миром, объединились на вершине города, основанного воинственными кочевниками, ставшими оседлыми. Рядом с Тлалокком обычно ставили его супругу Чальчитликуэ («носящая бирюзовую юбку»), богиню пресных вод, и Уиштгосиуатль («соляная женщина») — богиню соленых вод и моря, цеховое божество солеваров.

Землю символизировало чудовище с широко раскрытыми челюстями, которое заглатывает заходящее солнце, останки умерших, кровь принесенных в жертву. Его постоянно уподобляли «старому богу», богу-отцу, соединенному с богиней-матерью, то есть богу огня Шиутекутли, «господину бирюзы», которого порой называют Отонтекутли — «господином отоми»; это древ-

нее племя с центрального плато действительно поклонялось божественной чете. Кроме того, существовало огромное количество земных божеств: «мать богов», «наша почитаемая мать», «наша бабушка», «женщина-змея», «обсидиановая бабочка», прекрасные и грозные богини, источники жизни и смерти. В изображающих их ацтекских скульптурах потрясающе гармонично уживаются реализм в деталях и самый эзотерический символизм в верованиях: получеловеческие, полуживотные черты и мрачные украшения.

В гимнах этих богинь сравнивают с белыми и желтыми цветами, распускающимися после дождя, или показывают их на «божественном маисовом поле» (*сентлатеомилько*) звонящими в волшебные бубенчики, заставляя пробиваться из земли растение, дающее пропитание. Это великие матери произвели на свет юных богов: маиса — Сентеотля, музыки, танца и цветов — Шочипилли и Макуильшочитля. Они объединяют в себе два аспекта мира и жизни, благодатный и страшный.

Им близка Тласольтеотль, богиня плотской любви, греха и покаяния. Ее часто изображают с аналогичными атрибутами, но возможно, у нее иное происхождение: похоже, ее культ был принесен из страны уастеков, с северо-востока от Мехико. Ей можно было признаться в своих проступках через посредство жреца, но в отличие от христианской исповеди — только один раз в жизни. Ее называли *тлаэлькуани* — «поедательница отбросов», то есть грехов.

В представлении древних мексиканцев, как и других многочисленных земледельческих народов, растительная жизнь была тесно связана с луной — Мецтли, за фазами и затмениями которой бдительно следили индейские звездочеты, начиная с эпохи майя*. Земные богини были также и лунными. С другой стороны, существовало бесчисленное множество местных божков,

* Астрономы в Мезоамерике существовали уже во II тысячелетии до н. э. и даже раньше. Майя довели астрономию до удивительных высот. Ацтеки во многом утратили научные знания своих предшественников, сохранив лишь то, что имело прикладное значение.

якобы оберегавших урожай и дававших изобилие. Каждый из них чаще всего носил имя города или поселка, где отправляли его культ, например, Тепостекатль, «из Тепостлана», и у них было общее наименование: «четыреста кроликов-агути». Кролик представлял собой луну, ибо мексиканцам (как и китайцам) казалось, что темные пятна на лунном диске составляют очертания этого животного*. Этих крестьянских богов чествовали в конце жатвы, устраивая пиры, на которых рекой тек *октли* (пьянящий напиток из агавы), поэтому они превратились в богов пьянства.

Если Тласольтеотль прибыл с северо-востока, то культ ужасного Шипетотека принесли, вероятно, с юга, с побережья Тихого океана. «Наш владыка со снятой кожей» был покровителем ювелиров, а также божеством весеннего дождя, обновления природы и растений. Жертв, посвящаемых ему в месяц *тлакашинеуалистли*, пронзали стрелами, чтобы их кровь текла на землю, точно дождь, а затем с них сдирали кожу. Жрецы окрашивали ее в желтый цвет, точно сусальное золото, и надевали на себя; этот колдовской обряд, символизирующий обновление земли в начале сезона дождей, должен был заставить ее покрыться растительностью. Шипетотека называли «пьющим по ночам», потому что оплодотворяющий дождь идет ночью. К нему патетически зывали, говоря: «О мой бог, почему ты заставляешь себя упрашивать? Надень свои золотые одежды!» — и горячо благодарили: «Мой бог, снизошла твоя влага из драгоценного камня!»

Это был один из аспектов драмы, извечно повторяющейся каждый год: возрождение растительных сил после их явной смерти в засушливый сезон. Вся мысль древних мексиканцев, всё их мировоззрение выстраивались вокруг этой основной идеи, шла ли речь о человеке или о природе.

* Дело в том, что видимое положение Луны меняется в зависимости от близости к экватору — и потому пятна на ней вблизи южного тропика (и в Америке, и в Азии, и в Африке) дают отчетливую картинку зайца с длинными ушами. Для наших широт этот заяц оказывается опрокинутым на спину.

Смерть и возрождение

Маис и растения рождаются на западе, в западном саду Тамоанчан, где живут земные богини, источники жизни. Потом они совершают долгий путь под землей (прорастают), умоляя богов дождя направлять их в дороге; наконец они выходят на свет на востоке, в краю восходящего солнца, юности и изобилия, — в «красном краю» зари, где раздается песнь птицы *кецалькош-коштли*.

Венера, утренняя звезда, рождается на востоке, потом исчезает и появляется уже звездой вечера на западе. Она пересекла весь мир, словно челнок основу ткани: она — символ смерти и возрождения. Ее божественное имя — Кецалькоатль, «кецаль-змей», или «пернатый змей». Это имя также можно истолковать как «драгоценный близнец», поскольку два явления планеты похожи на две парные звезды. Кецалькоатль принес себя в жертву, взойдя на костер, и из пламени появилась сияющая звезда. Под именем Шолотля, бога с головой собаки, он спустился под землю, в преисподнюю Миктлана, чтобы искать там бранные останки давних мертвецов и превращать их в живых людей.

А разве Уцилопочтли, всепобеждающее солнце, не был реинкарнацией погибшего воина? Его рождение, как мы видели, было чудесным, и его мать-землю оплодотворила душа погибшего в бою или принесенного в жертву. Его имя — «колибри (*уцилиш*) слева (*опочтли*)» означает «воскресший воин с юга», ибо юг находится по левую сторону мира, а воины воскресают в маленьком и ярком теле колибри.

Таким образом, природа и человек не обречены на смерть. На них действуют силы воскрешения: солнце появляется каждое утро, проведя ночь «под божественной равниной» — *теотлалли иитик*, то есть в преисподней. Венера умирает и возрождается; маис умирает и возрождается; вся растительность, пораженная смертью в засушливый сезон, возвращается еще краше и моложе с каждым сезоном дождей, как луна постепенно уходит с неба и возвращается в ритме своих фаз.

Смерть и жизнь — всего лишь две стороны одной реальности: с древнейших времен мастера из Тлатилько вылепливали из глины двойной лик — наполовину живой, наполовину скелетоподобный, и эта двойственность очень часто находит свое воплощение в изображениях и упоминается в текстах. Возможно, ни один древний народ не был столь одержим, как мексиканцы, неотступной мыслью о постоянном присутствии смерти; но в их представлении из смерти пробивалась жизнь, точно юный росток из семени, разложившегося в земле.

Что же касается самого человека, то наши сведения о его будущем после смерти не совсем полны. Несомненно одно: определенные формы бессмертия были предусмотрены, но без всякой идеи о нравственном воздаянии, вознаграждении или каре. Воин, погибший на поле битвы или на жертвенном камне, становился «спутником орла» (*жуаутекатль*), то есть спутником солнца. Каждый день он вместе с себе подобными составлял блестящий и радостный кортеж, окружавший светило с момента его восхода на востоке и до зенита; эти вечные солдаты проводили свои светлые часы, распевая военные песни и устраивая тренировочные сражения. Спустя четыре года они возрождались в виде колибри, перелетавших в теплом воздухе от цветка к цветку.

Как только солнце минует зенит, оно входит в западную часть мира, на «женскую половину» — *сиуатлампа*, потому что запад — обиталище богинь-матерей, а также женщин, которые умерли, дав жизнь ребенку, и тоже стали богинями — *сиуатетео*. И теперь они, в свою очередь, сопровождают солнце от зенита до заката. *Почтека*, умершие в пути, разделяли блаженную судьбу воинов и тоже становились спутниками солнца.

Для умерших иной смертью судьба готовила совсем иную вечность: отличенных Тлалокком (утонувших, пораженных молнией или умерших от водянки) этот крестьянский бог принимал в своем раю — Тлалокане. Это был тропический край на востоке, что вечно зеленеет и цветет под теплым дождем, в саду изобилия и покоя, где блаженные познают бесконечную тихую радость.

Таким образом накладывались друг на друга два типа духовных представлений, привнесенные двумя стихиями, создавшими мексиканский народ: кочевников. Это охотники и воины, приверженцы солнечного культа, и оседлые земледельцы, поклонявшиеся богу дождей. Одним — сияющая славная дорога от востока до зенита, а затем беззаботная вечность колибри; другим — тихое счастье изобилия без труда и забот, в зеленом и влажном тропическом раю.

А остальные? Что случится с теми, кого не отметили ни Уицилопочтли, ни Тлалок? Перед «обычными» мертвецами открывались мрачные перспективы, ибо им для жительства оставался только Миктлан — преисподняя под широкими северными степями, в краю мрака и холода. Там царили Миктлантекутли — мексиканский Плутон с лицом, покрытым маской-черепом, окруженный неясностями и пауками, и его жена Миктекасиуатль. При этом умерший не без труда достигал места последнего упокоения. В сопровождении пса, «проводника в загробный мир», которого сжигали вместе с ним, он должен был четыре года блуждать по мрачному подземному миру, страдая от порывов яростного ледяного ветра («обсидианового ветра»), спастись от прожорливых чудовищ и, наконец, преодолеть Девять Рек, за которыми открывалась преисподняя. И там, растворившись в небытии, он исчезал совершенно и навсегда.

Вероятно, наши источники не сообщают нам всего: например, обречены ли императоры и сановники сгинуть в Миктлане, даже если они «умерли в своей постели»? Что будет со жрецами, удел которых не подпадает ни под одну из известных категорий? Трудно допустить, что для них не было предусмотрено никакой дальнейшей жизни. Если Уицилопочтли выступает гарантом воскрешения для воинов, а Тлалок — для избранных им самим, возможно, и Кецалькоатль, прообраз жреца, уготовил представителям сословия священнослужителей загробное будущее?

Как бы то ни было, вечность, как и земная жизнь каждого человека, была непреодолимо связана с судьбой, предназначенной ему с рождения высшим реше-

нием четы творцов. Все зависело от знака, под которым родился человек. И вера в знаки, знаменья судьбы сильнее всего довлекла над существованием каждого мексиканца.

Судьбы и знаменья

Со времен майя, которые, можно сказать, были заморожены величественным протеканием времени, все цивилизованные народы Мезоамерики использовали сложные хронологические системы с двойной целью: с одной стороны — найти ориентиры, чтобы понять и предвидеть чередование явлений природы, движение небесных тел, смену времен года и приспособить к ним обряды, необходимые для их регулярного свершения; с другой — определить судьбу каждого человека, шансы на удачу каждого дела при помощи знаменья, которые составляли замкнутую систему, такую же «рациональную» для этих народов, каким для нас может быть научное объяснение мира.

Солнечный год (*шуйитль*) из 365 дней разделялся на 18 месяцев по 20 дней, к которым добавляли пять «лишних» дней, считавшихся крайне неблагоприятными. Каждый месяц имел название, связанное либо с природным явлением, либо — и чаще всего — с обрядами, которые предстояло совершить в этот период. Сам год обозначали по названию его первого дня по гадательному календарю, которое уже заключало в себе хорошее и плохое, что могло произойти в этот год.

Поскольку число дней в году за вычетом «лишних», то есть 360, кратно двадцати, ясно, что если год начинался, допустим, под знаком «акатль», то первый из прибавляемых дней имел тот же знак. Но поскольку было еще четыре прибавляемых дня, первый день следующего года отставал на пять позиций по отношению к первому дню предыдущего года. Двадцать, поделенное на пять, равняется четырем, поэтому год мог начинаться лишь с одного из четырех знаков. В эпоху ацтеков этими знаками были *акатль*, *текпатль*, *калли* и *точтли*. Тринадцать основных чисел гадательного ка-

лендаря сочетались с четырьмя знаками, позволяя получить 52 начала года ($13 \times 4 = 52$). Только в конце этого периода повторялись то же число и тот же знак; тогда «связывали годы», зажигая новый огонь. Этот период в 52 года, который иногда называют мексиканским «веком», изображали в виде связки стеблей.

Ацтеки научились, вероятно, у своих соседей из районов Пуэбла и Миштека, наблюдать за видимым периодом обращения планеты Венера. Пять лет Венеры равнялись восьми солнечным годам. Эти годы считали по знакам гадательного календаря. Оба счета — венерианских и солнечных лет — совпадали только после 65 первых, соответствующих 104 последних, то есть через два земных «века». Это был самый долгий период мексиканской хронологии; его называли «*се уэуэтилистли*» — «старость».

Что же до самого гадательного календаря (*тональпоуалли*)*, то у ацтеков, как и у всех других мексиканских народов, он зиждился на сочетании тринадцати чисел (от 1 до 13) и двадцати имен:

Синактли — крокодил или водяное чудовище;

Зекатль — ветер;

Калли — дом;

Куэцпалли — ящерица;

Коатль — змея;

Микистли — смерть;

Масатль — олень;

Точтли — кролик;

Атль — вода;

Ицкуинтли — собака;

Осоматли — обезьяна;

Малиналли — сено;

Акатль — тростник;

Оселотль — ягуар;

Куаутли — орел;

Коскаквуаутли — ястреб;

Олли — движение или землетрясение;

* «Тональпоуалли» буквально означает «счет дней»; «тоналаматль» — «книга дней», манускрипт, которым пользовались гадатели.

Текпатль — кремень;
Киауитль — дождь;
Шочитль — цветок.

Каждое название дня изображалось знаком. Сочетание тринадцати чисел и двадцати знаков давало серию из 260 дней — продолжительность гадательного года, который, начинаясь с 1 *сипактли*, заканчивался в день 13 *шочитль* без всякого перерыва, причем один и тот же знак никогда не сочетался дважды с одной и той же цифрой. Последовательная смена дат гадательного календаря и дат солнечного календаря не оказывали влияния друг на друга: каждый день можно было обозначить в соответствии с обеими системами, например: 8 *сипактли* 3 *тошкатль*, то есть восьмой день «чертовой дюжины», начинающейся с 1 *оселотль*, и третий день пятого месяца *тошкатль*.

Гадательный год из 260 дней, естественно, подразделялся на 20 «чертовых дюжин», каждая из которых начиналась с цифры 1 с разным знаком: 1 *сипактли*, 1 *оселотль*, 1 *масатль* и т. д. до последнего — 1 *точтли*. Каждую из этих серий рассматривали в целом как благоприятную, неблагоприятную или нейтральную, в зависимости от значения ее первого дня; но каждый день мог быть хорошим, дурным или «никаким», смотря по тому, какое число и какой знак его обозначали. Дни с числами 7, 10, 11, 12 и 13 считались в целом благоприятными, дни с числом 9 — в целом неблагоприятными. Но влияние чисел сочеталось с влиянием знаков, и гадательный календарь состоял в основном из перечисления 260 особых случаев.

Кроме того, каждая «чертова дюжина» была отписана одному или двум богам: тринадцать дней с 1 *микистли* — солнцу и луне, тринадцать дней с 1 *киауитль* — Патекатлю (богу выпивки и пьянства), тринадцать дней с 1 *коатль* — планете Венера и богу мертвых и т. д. Наконец, девять божеств, «владыки ночи», образовывали серию, параллельную серии знаков, и беспрерывно сменяли друг друга наряду со знаками; их собственное влияние конечно же учитывалось гадателем в оценке каждого дня.

С другой стороны, следовало учитывать влияние самого года, а также влияние на знаки сторон света. В самом деле, мексиканцы представляли себе мир в виде «мальтийского креста»: сверху — восток, справа — север, снизу — запад, слева — юг. Двадцать знаков дней разделяли на четыре серии по пять знаков, каждая серия находилась под влиянием одного из пространственных направлений: знаки *сипактли* и *акатль*, например, относились к востоку, *оселотль* и *текпатль* — к северу, *масатль* и *калли* — к западу, *шочитль* и *точтли* — к югу.

Следовательно, каждое основное направление последовательно преобладало в один из дней в порядке восток—север—запад—юг, а также в один год в порядке *акатль* (восток), *текпатль* (север), *калли* (запад), *точтли* (юг). Поэтому день или год вбирал в себя особенности, приписываемые каждой из сторон света: плодородие и изобилие востока, зной и засушливость севера, упадок, старость и смерть запада (заход солнца), безучастность юга. Что до «чертовых дюжин», они тоже и в том же порядке испытывали влияние сторон света, поскольку первая из них относилась к востоку, вторая — к северу, третья — к западу, четвертая — к югу и так далее без перерыва.

Таким образом, «импульсы» пространств, главенствующих над временами, вкладывались один в другой на манер матрешек; вернее, мексиканская мысль не знала абстрактного пространства и времени, однородных и отдельных элементов, а только конкретные комплексы пространства и времени, мест и событий, разнородных и единичных. Особенности, присущие каждому из таких «мест-моментов», выраженные знаком, обозначающим дни в *тональпоуалли*, сменяют друг друга резко и полностью, подстраиваясь под определенный ритм в циклической манере, сообразно с извечным порядком.

Когда человек рождается или «спускается в мир»* по решению верховного Двуетинства, он автоматически оказывается включен в этот порядок, захвачен этой

* Понятие нисхождения связано с представлениями о реинкарнации. Души умерших сначала уносились в небо, а затем, пройдя «большой путь» и «очистившись», возвращались в виде падающих звезд. Это называлось «спуститься» в мир или возродиться.

всемогущей машиной. Знак дня его рождения будет тяготеть над ним вплоть до смерти: он определит саму его смерть, а следовательно, и загробное существование в зависимости от того, будет ли он избран, чтобы умереть на алтаре (и тогда примкнет к сияющей свите солнца), чтобы утонуть (тогда он познает бесконечные наслаждения Тлалокана), или же будет обречен на небытие в мрачном потустороннем мире Миктлана. Вся его судьба предначертана строгим предопределением.

Конечно, судьбу пытались подправить. Если ребенок рождался под неблагоприятным знаком, выжидали несколько дней, прежде чем дать ему имя, вплоть до благоприятного знака. Допускалось также, что покаянием, лишениями и самообладанием человек может избежать дурного влияния, которое подталкивало его, например, к пьянству, игре, разврату. Но непохоже, чтобы существовала большая надежда вырваться из неумолимой машины знаков. Личные судьбы и судьбы общины — все вытекало из них, даже сами боги были несвободны: именно потому, что в судьбе Кецалькоатля главенствовал знак 1 *акатль*, он должен был явиться на востоке в виде утренней звезды*.

Поэтому жизнь мексиканцев была размерена предзнаменованиями *тоналамаатля*. Купцы дожидались дня 1 *коатль*, чтобы выступить в дорогу к дальним южным землям, поскольку этот знак сулил им успех и богатство. Родившиеся в «чертову дюжину» 1 *оселотль* должны были умереть как военнопленные. Художники и писцы, а также ткачи особо почитали знак 7 *шочитль*, который был для них благоприятным.

Тот, кто родится под знаком 2 *точтли*, будет пьяницей, а тот, кто появится на свет в 4 *ицкуинтли*, — успешным и богатым, даже если ничего не будет делать. Знак 1 *микистли* был благоприятен для рабов, знак 4 *экатль* — для колдунов и черной магии, 1 *калли* — для врачей и повитух. В день 4 *оллин* сановники приноси-

* Мехико пал к ногам Кортеса 13 августа 1521 года, в день 1 *коатль*, обычно считающийся благоприятным, но в год *калли*, знак которого подразумевает упадок, закат солнца, распад, смерть. Последнего мексиканского императора звали Куаутемоцин — «спускающийся орел», то есть «заходящее солнце».

ли птиц в жертву солнцу; в день 1 *акатль* они преподносили в дар Кецалькоатлю цветы, ладан и табак. Можно сказать, что ни один ацтек, каково бы ни было его положение или род занятий, не мог уклониться от служения богам или что-либо предпринять, не сверившись со знаками.

Люди, над которыми судьба довлела всей своей тяжестью, должны были быть чрезвычайно внимательны к предзнаменованиям. И не важно, шла ли речь о мелких происшествиях повседневной жизни или же об исключительных событиях. Непривычный шум в горах, крик совы, кролик, ворвавшийся в дом, койот, перебежавший дорогу, предвещали несчастье.

Ночь, способствующая появлению привидений, была населена фантастическими чудовищами — карлицами с распущенными волосами, черепами, преследующими прохожих, существами без ног и головы, которые стонали, катаясь по земле, «и те, кто их видел, понимали или проникались уверенностью, что умрут на войне или вскоре скончаются от болезни, или что еще какое несчастье на них обрушится».

Другие знамения возвещали войны или поражения, необыкновенные события типа тех, что римляне называли *portenta*, а ацтеки — «*тецауитль*». Так, однажды собака заговорила, чтобы сообщить своему хозяину, старцу из Тлателолько, о несчастьях, которые скоро обрушатся на его город, накануне столкновения, закончившегося победой мешиков. Когда раздраженный старик убил собаку, заговорил *уэшолотль* (индюк), ходивший по двору, распустив хвост. «Ты что, драчун, тоже решил стать знамением?!» — вскричал разъяренный житель Тлателолько и отрубил птице голову. Тогда маска для обрядового танца, висевшая у него дома на стене, тоже обрела дар речи. Старик, потрясенный этими тремя чудесами, отправился поведать о них правителю Мокиуиштли. «Не пьян ли ты, уважаемый?» — спросил его тот. Но в скором времени он был сражен на лестнице своего храма солдатами Ашайкатля*.

* Согласно Тесосомоку, в Тлателолько произошло и другое чудо, когда жена правителя во время купания вдруг заговорила своими половыми органами.

Другая история гласит о том, как ловцы водяных птиц с озера Тескоко однажды принесли Мотекусоме II только что пойманную странную птицу. «На голове у этой птицы было круглое зеркало, в котором были видны небо и звезды... Когда Мотекусоме заглянул в это зеркало, то увидел в нем множество вооруженных людей верхом на лошадях. Он послал за своими гадалками и спросил у них: «Знаете ли вы, что я видел? Надвигается большая армия». Но прежде чем гадалки успели ответить, птица исчезла», — рассказывает Саагун.

В «Кодексе Теллериано-Ременсис» описан появившийся в году 4 калли (1509) огромный столб пламени, взметнувшийся из земли к самым звездам. Это явление (возможно, зодиакальный свет) впоследствии рассматривалось как возвешение о прибытии конкистадоров. «В течение нескольких ночей, — пишет Иштлильшочитль, — появлялось большое сияние, зарождавшееся на восточном горизонте и восходившее до небес, пирамидальной формы и с языками пламени... Правитель Тескоко, весьма сведущий во всех науках, которые знали древние, и особенно в астрологии... понял, что его правлению и власти пришел конец, и сразу же отдал приказ военачальникам и полководцам окончить войны, которые они вели с тлашкльтеками, уэшоцинками и атлишками».

Кометы и землетрясения, тщательно записываемые каждый год в иероглифических рукописях, всегда считались вестниками несчастья. То же самое относилось к молнии, ударившей в храм, волнению на озере в безветренную погоду или (как это случилось незадолго до нашествия) к возникавшим вдруг в воздухе женскому плачу и стенаниям.

В целом, в мексиканской картине мира остается мало места для человека. Им помывает всемогущая судьба, ни земная, ни загробная его жизнь ему не принадлежит, его краткое пребывание на земле предопределено на всех этапах. Он придавлен гнетом богов и связан по рукам и ногам всемогуществом знамений. Да и сам мир, в котором он краткое время сражается за жизнь, — нечто эфемерное, очередной набросок, столь же непостоянный, как и все предыдущие, обреченный на поги-

бель, как и они. Его осаждают ужасные чудовища, призраки и знамения возвещают ему несчастье.

Моральный климат в древней Мексике несет печать пессимизма. Неотступная мысль о смерти и уничтожении звучит в стихах великого правителя Несауалькойотля; даже когда другие поэты воспевали красоту тропической природы, чувствовалось, что эта мысль по-прежнему здесь, и от нее у певцов «перехватывает горло посреди цветов». Религия, искусство, выражающее ее в скульптуре, рукописи, таящие в иероглифах мудрость древних, — всё говорит о тяготеющей над человеком суровой судьбе, не подвластной его воле.

Но величие этого народа в том, что он принял мир таким, каким его представлял. Его пессимизм — деятельный. Он выражается не в унынии и безволии, а в страсти священной войны, в служении богам, в сооружении городов, в расширении империй. Сталкиваясь с безжалостным миром, мексиканец не строил иллюзий, но действовал с неукротимой энергией, обустроивая потом и кровью хрупкую жизнь, которую на время даровали ему боги.

Имперская религия

Еще молодая и полная сил ацтекская цивилизация только-только начала вырабатывать и формировать свою религиозную мысль, когда вторжение европейцев переломило ей хребет. В том виде, в каком эта мысль предстает перед нами накануне катастрофы, она кажется нам сложной и противоречивой, составленной из различных влияний, которые еще не были осмыслены и оформлены в связную систему.

Мексиканская религия была открыта для нововведений. Победители-ацтеки стремились присоединить к империи не только провинции, но и богов, которым там поклонялись. За ограду большого *теокалли* впускали всех чужеземных божеств, и жрецы Теночтитлана, любознательные и интересующиеся ритуалами, охотно усваивали легенды и обычаи дальних земель, которые приносили с собой армии. В этом основа великого

непонимания, противопоставившего мексиканцев испанцам: одни поклонялись множеству богов и были готовы принять и тех, кого принесли с собой вновь прибывшие; другие были приверженцами единственной религии и могли возводить свои церкви только на развалинах старых храмов.

Сложность мексиканской религии объясняется сложностью устройства общества и государства. Хотя она отражает мир и дает ему объяснение, необходимо понимать, что она прежде всего является отражением общества, устройство которого не менее сложно. С другой стороны, она стала религией уже не одного города, а широкой и разнообразной конфедерации. Мы очень плохо знаем, какие формы принимали верования крестьян и простолюдинов. Вера в божественную пару прародителей солнце-земля (отец и мать) засвидетельствована у древних земледельческих народов типа отоми, встречается она и у мексиканцев *науа* в форме изначальной пары — господина и госпожи Двойственности, равно как и в молитвах, неизменно обращенных к солнцу-отцу и земле-матери.

Мы также знаем, что существовали божества отдельных кварталов и корпораций, такие как Йиакатектли, бог купцов, Койотлинауаль, бог торговцев перьями, Уиштосиуатль, богиня солеваров, Атлауа, бог ловцов водяных птиц на озере. Звездные божества кочевников с севера перемешались с богами дождя и земледелия, которым еще до наступления христианской эры поклонялись оседлые племена. Наконец, с течением времени в их круг вошли боги уастеков, например Тласольтеотль, или йопи, наподобие Шипетотека, а также все мелкие божества урожая и выпивки, известные под именем *Сенцон Тоточтин* («четыреста кроликов»).

В этом пестром пантеоне перемежаются верования и чаяния разных социальных классов и народов. Мистический солнечный цикл — прежде всего религия воинов, преданных битвам и жертвоприношению. Кецалькоатль — идеал жрецов, стремящихся к святости. Тлалок — великий бог крестьян. При этом все они поклоняются Мишкоатлю — богу северных народов, Ши-

петотеку — «властелину побережья», пернатому змею тольтеков, богине плотской любви людей с востока.

Для каждой ступени социальной иерархии, для каждой области расселения или ниши труда, для каждого поселка или города есть свой бог или боги. Это имперская религия большого складывающегося государства, которое пока еще представляет собой лишь союз многочисленных мелких, своеобразных государств, каждое со своей историей, своими традициями и зачастую своим особым языком.

Точно так же, как на вершине общества политические институты стремились усилиться и обрести структуру, необходимую для имперского государства, размышления жрецов стремились привести порядок в теологический хаос. Отсюда — синкретизм, который, к несчастью, предстает перед нами лишь обрывками, через малопонятные рассказы поздних авторов.

Некоторые боги возвышались над общей массой, и, наделяя этих великих богов многочисленными атрибутами, объявляя имена некоторых из них синонимами, выдумывая генеалогические древа, чтобы связать одних с другими, мексиканские мыслители пытались произвести необходимый им религиозный синтез. Так, организационным началом божественного мира постепенно становился Тескатлипока.

Согласно одной из традиций чета прародителей произвела на свет четырех сыновей, которые породили остальных богов и весь мир: красного Тескатлипоку, отождествляемого с Шипетотеком, Камаштли или Мишкоатлем; черного Тескатлипоку — он и есть Тескатлипока, которому обычно поклоняются под этим именем; синего Тескатлипоку, который есть не кто иной, как Уицилопочтли, и, наконец, Кецалькоатля. Таким образом, в рамках четырех главных пространственных направлений разместилась целая серия божеств, которых можно свести к двум: Тескатлипока и Кецалькоатль, туда же можно включить Уицилопочтли — новоявленного бога, «выбывшегося в люди» вместе со своим народом, и Шипетотека, чужеземное божество.

Попытки обобщения по тому же принципу содержатся в рукописных кодексах Борджиа или Коспи, со-

зданных, по всей видимости, в районах Пуэбла, Тепеака, Теуакан и Тлашкала. Некоторые уже забытые города славились мудростью и суждениями своих жрецов, например Теотитлан на границе Оахаки.

Кецалькоатль, которому особенно поклонялись в Чолуле, в том же самом районе Пуэбла, был из тех, кто возвышался в полный рост над массой других богов. Мы видели, что традиция ставит его в один ряд с Тескатлипокой. Он был тольтекским богом, богом оседлых цивилизованных племен с высокогорья, изобретателем искусств, письменности и календаря, выражением всего, что было в жизни красивого и приятного, а заодно планеты Венера и идеи о воскрешении: было только справедливо противопоставить ему мрачного северного бога ночного неба, войны и колдовства. Разве в легенде о Туле не сказано, что колдун Тескатлипока изгнал из города благодетельного правителя-бога и обрек Пернатого Змея на изгнание?

Таким образом, по крайней мере, в определенных кругах, в *кальмекаках*, где прилежные жрецы склонялись над многоцветными манускриптами или наблюдали по ночам за движением звезд, удавалось воссоздать картину божественного мира, возглавляемого небольшим числом мифических персонажей со многими обличьями.

Некоторые шли еще дальше. Благочестивый правитель Несауалькойотль воздвиг храм, посвященный «неведомому богу, творцу всего сущего», которого называли Тлоке-Науаке («тот, кто содержит всё в себе») или Ипальнемоуани («тот, благодаря кому мы все живем»). На вершине храма возвышалась башня из девяти этажей, символизировавших девять небес, а десятый, венчавший собой эти девять, был снаружи выкрашен черной краской и усыпан звездами, а внутри украшен золотом, драгоценными камнями и перьями. И этого бога, которого «никто до сих пор не видел и не знал», не изображала никакая статуя или фигура. Этот культ нисколько не мешал Несауалькойотлю одновременно поклоняться множеству других богов: так что здесь речь идет не о монотеизме, но о вере в высшего бога, стоящего над всеми прочими, без имени (поскольку

обозначающие его слова — всего лишь эпитеты), без мифической истории и без физического воплощения.

Весьма вероятно, что такие философские и богословские размышления были ограничены узким кругом лиц, стоявших на вершине государства или жречества. Поселяне с высокогорья или из тропических краев, наверное, даже не допускали, что их местные божества могут стоять ниже того или иного великого бога, а жители столичных кварталов наверняка предпочитали абстрактным божествам жрецов богов из своих небольших храмов, близких к ним и связанных с ними традицией.

Во всяком случае, с уверенностью можно сказать, что эта религия со своим тщательно разработанным и требовательным ритуалом, с избытком мифов пронизывала насквозь повседневную жизнь людей во всех ее проявлениях. Она создавала картину мира и задавала правила поведения. Она придавала форму существованию мексиканского народа — целиком и в любой момент.

Общественная и частная жизнь, основные вехи от рождения и до смерти, ритм времени, искусства и даже игры — ничто не ускользало от ее власти. Точно несущая конструкция, она держала на себе всё здание мексиканской цивилизации, поэтому неудивительно, что, как только этот костяк был сломлен рукой завоевателей, все здание обратилось в руины.

ДЕНЬ МЕКСИКАНЦА

Дом, обстановка, сады

Вот небо над вулканами побелело. Утренняя звезда сияет самоцветом; приветствуя ее, на вершине храмов бьют деревянные барабаны, гудят морские раковины. Полотно тумана еще стелется над озерами в ледяном воздухе высокогорья, но потом тает под первыми лучами солнца. Начинается день. В домах, больших и малых, от края до края города, а также в озерных поселках и отдельно стоящих хижинах просыпаются люди.

Женщины машут плетеными веерами, раздувая огонь, дремавший меж камнями очага, а затем, встав на колени перед *метлатлем* из вулканического камня, начинают растирать маисовые зерна. С глухого чирканья зернотерки начинается повседневный труд: так продолжается тысячелетия подряд. Чуть позже послышатся ритмичные шлепки: женщины будут разминать в ладонях маисовое тесто, чтобы сделать лепешки — *тлашкалли*.

В садах и во дворах прогуливаются индюки, склевывая корм и квохча. Грунтовые дороги топчут ноги — босые или в сандалиях, по воде каналов ударяют весла. Каждый спешит заняться дневным трудом. Очень скоро мужчины уходят в город или в поля, положив в котомку завтрак (*итакатль*), а женщины остаются дома.

В таком городе, как Мехико, разумеется, существует большое различие между типами жилищ, согласно

рангу, достатку, профессии жителей. Две противоположности — дворцы правителя и сановников (обширные постройки, одновременно частные и государственные, с многочисленными комнатами) и крестьянские хижины в пригородах, слепленные из веток и адобов — сырцовых блоков, с крышами из травы.

Большинство домов строится из кирпича, высушенного на солнце; в самых скромных — всего одна главная комната (кухня могла находиться во дворе, в маленькой отдельной пристройке). С ростом семейного благосостояния увеличивалось и количество комнат. «Средний» дом состоял из кухни, спальни, где спала вся семья, небольшой домашней молельни. Баню (*темаскалли*) всегда строили отдельно. Если была возможность, количество комнат увеличивали, стараясь отвести женщинам одну или несколько отдельных спален.

У ремесленников были свои мастерские, у купцов — лабазы. Участок земли, на котором был выстроен дом, редко целиком занимали под постройки, оставляя место для внутреннего двора и сада, где вечно весеннем климате Теночтитлана дети могли резвиться, а женщины — прясть и ткать. Большинство таких участков хотя бы одной стороной выходило на канал; возле каждого дома был причал: именно так купцы могли приезжать по ночам, никем не замеченные, чтобы запереть под замок свой товар.

Дома, роскошные или простые, практически не отличались друг от друга в плане обстановки. Как и на востоке, она сводилась к минимуму, который нам показался бы убогим. Ложа были не чем иным, как циновками — более или менее многочисленными, более или менее изящными; над ними могли прикреплять что-то вроде полога, как над постелями, отведенными испанцам во дворце Ашайякатля. «Ни у кого, каким бы большим вельможей он ни был, нет иного ложа, кроме этих», — замечает Берналь Диас. А это был дворец правителя. Простые люди обходились обычной подстилкой, на которой еще и сидели в течение дня.

По сути, именно циновка (*нетлатль*), положенная на земляное или деревянное возвышение для пущей торжественности, служила сиденьем не только в част-

ных домах, но и, например, в судах. Словом «*петлатль*» даже обозначали здание суда или административный центр. Однако существовали и усовершенствованные сиденья — *икпалли* со спинкой, плетеные и деревянные, на которых в манускриптах часто изображают правителей и сановников.

Это была низкая мебель, без ножек; подушка, на которую садились, скрестив ноги, лежала прямо на полу. Спинка, слегка отклонявшаяся назад, поднималась чуть выше головы сидевшего на *икпалли*. Их изготовляли, в частности, в Куаутитлане, который должен был поставлять четыре тысячи *икпалли* в год (и столько же циновок) в виде дани. Мебель, предназначенную для императора, покрывали тканями или шкурами, а также золотыми украшениями.

Одежду, ткани, семейные драгоценности хранили в плетеных сундуках — *петлакалли*, название которых также означало государственную «сокровищницу». Оно встречается и в титуле чиновника, *петлакатля*, ведавшего имперскими финансами. Ни эти хлипкие лари, простые корзинки с крышкой, ни двери без замков не могли стать серьезной преградой для воров; отсюда крайняя суровость законов, карающих за воровство. Чтобы защитить свое имущество, нужно было спрятать его за ложной стенкой в доме, как поступил Мотекусома, чтобы скрыть сокровища Ашайякатля*.

Плетеные циновки, сундуки, сиденья — вот и вся обстановка ацтекских домов, богатых и бедных. В жилище императора и, наверное, у сановников к этому следует добавить несколько низких столиков и деревянные, богато украшенные ширмы или перегородки, предназначенные для защиты от жара очага или для отгораживания на какое-то время части комнаты. «Если было холодно, — пишет Диас, — для него (Мотекусома) разводили большой огонь из коры дерева, не дающей дыма и обладающей весьма приятным запахом; а

* Тайная комната, где находились эти сокровища, в конечном счете была обнаружена испанцами, бывшими тогда гостями Мотекусома. В ней хранились такие огромные богатства, в частности золото, что Диас был «совершенно уверен, что во всем мире не найдется ничего подобного».

чтобы уголья не давали больше жара, чем ему было нужно, перед очагом ставили особую доску (*sic*), изукрашенную золотом и с изображениями идолов... и когда он принимался за еду, перед ним ставили деревянную дверь, сплошь изукрашенную золотом, дабы не видно было, как он ест».

Отметим попутно замешательство простодушного Диаса, который явно никогда не видел ширм у себя в Испании. Это описание также говорит нам о том, что даже в домах вельмож не было «столовой»: пищу могли принимать где угодно.

Меблированные таким образом, вернее, практически лишенные мебели дома, с земляным или плиточным полом, с выбеленными известью стенами, наверное, казались холодными и голыми. Вероятно, в богатых домах стены были украшены фресками, а разноцветные ткани или шкуры животных служили драпировками. Когда принимали гостя, внутренность дома украшали ветками деревьев и цветами. Чтобы согреться, жгли дрова (важность дров подчеркивается частотой, с какой этот предмет упоминается в письменных источниках) и использовали жаровни: малоэффективное средство, и хотя климат всегда оберегал жителей Мехико от суровых холодов, иными зимними ночами, когда температура резко падала, они, должно быть, дрожали на своих циновках. Ацтекам повезло больше римлян, у которых были не лучшие способы обогрева: по меньшей мере, они были уверены, что с наступлением дня смогут погреться на солнышке, поскольку зима в Мехико — это еще и сезон засухи. Что касается освещения, оно тоже было примитивным: внутри домов использовали факелы из смолистой сосновой древесины (*окотль*); снаружи общественное освещение обеспечивали те же факелы и огромные жаровни, набитые дровами, когда того требовали обстоятельства, например исполнение религиозного обряда.

Центром любого дома, особенно самого бедного, был очаг — образ и воплощение «Старого Бога» — бога огня. Поэтому три камня, между которыми горели поленья и на которые ставили сосуды, были священны. В них заключалась таинственная сила бога. Тот, кто ос-

корблял огонь, наступив на камни очага, был обречен на скорую смерть. Купцы особенно почитали огонь; в ночь перед отправлением каравана они собирались в доме у одного из своих товарищей и, стоя перед очагом, приносили в жертву птиц, жгли ладан и бросали в огонь магические фигурки, вырезанные из бумаги. Вернувшись, они преподносили огню его часть пищи, прежде чем начать пир в честь счастливого завершения путешествия. (Впрочем, прижимистые купцы отдавали богу огня только головы птиц, которых предстояло съесть на пиру.)

Роскошь господских домов заключалась не в мебелировке, простоту которой мы уже описали, и не в удобствах, ничем не превосходивших оснащение самых простых жилищ, а в размерах и количестве комнат, а еще больше — в разнообразии и великолепии садов.

Дворец Несауалькойотля в Тескоко имел форму четырехугольника со сторонами примерно 1 километр на 800 метров. Часть этого пространства занимали общественные помещения — залы советов, суды, «кабинеты», оружейные склады — и частные: апартаменты правителя, гарем, покои, отведенные для правителей Мехико и Тлакопана, в целом более трехсот комнат. Остальное было занято под сады «с многочисленными фонтанами, прудами и каналами со множеством рыб и птиц, там было высажено более двух тысяч сосен... и в этих садах были многочисленные лабиринты, в том месте, где король совершал омовение и где человек, войдя, не мог найти выход... и далее, рядом с храмами, был дом птиц, где король держал всякого рода птиц, зверей, рептилий и змей, которых ему привозили со всех краев Новой Испании, тех же, кого не удавалось раздобыть, изображали в золоте или из драгоценных камней. И то же с рыбами — как с теми, что обитают в море, так и с речными и жительницами озер. Поэтому во всей стране не было такой птицы, рыбы или зверя, каких не сыскалось бы в этом месте — либо живьем, либо в виде изображения из золота и драгоценных камней».

Помимо дворца в Тескоко тот же правитель велел устроить роскошные сады в других местах, в частнос-

ти в Тецкоцинко. «Эти парки и сады были украшены богатыми, роскошно отделанными *алькасарами*; там были фонтаны, оросительные канавки, каналы, водоемы и купальни, а также восхитительные лабиринты, где он велел высадить множество цветов и деревьев всякого рода, привезенных из дальних краев... Вода для фонтанов, бассейнов и канавок для орошения цветов и деревьев этого парка поступала из своего источника: чтобы ее провести, потребовалось возвести крепкие и высокие стены из цемента, от одной горы к другой, и невероятных размеров, и акведуки на вершине доходил до самой высокой части парка». Вода сначала накапливалась в бассейне, украшенном барельефами на исторические темы, «которые первый епископ Мехико, брат Хуан де Сумаррага, велел разбить на части, думая, что это идола». Оттуда она вытекала по двум главным каналам: по одному — на север, по другому — на юг, пересекая сады и наполняя бассейны, в которых отражались резные стелы. Выходя из одного из этих бассейнов, вода «извергалась, разбиваясь в пыль об утесы, и падала на сад из благоуханных цветов, привезенных из теплых краев, и над садом этим словно шел дождь, так сильно и быстро вода билась о камни. За садом открывались купальни, высеченные прямо в скале... а затем замок, который был у короля в этом парке, в котором снова начинались многочисленные залы и покои, в том числе очень большой зал с двором перед ним, — там он принимал королей Мехико и Тлакопана и других вельмож, приходивших развлечься вместе с ним: на этом дворе устраивали танцы и другие представления для развлечения и увеселения... Весь остальной парк был засажен, как я уже сказал, всякого рода деревьями и благоуханными цветами, и были там всякие птицы помимо тех, которых король велел привезти в клетках из разных краев; все эти птицы пели так ладно, что нельзя было слышать друг друга. После садов, за стеной, начиналось поле, изобилующее оленями, кроликами и агутти».

* Иштгильшочитль использует здесь арабское слово «алькасар», под которым, вероятно, следует понимать летний домик, павильон.

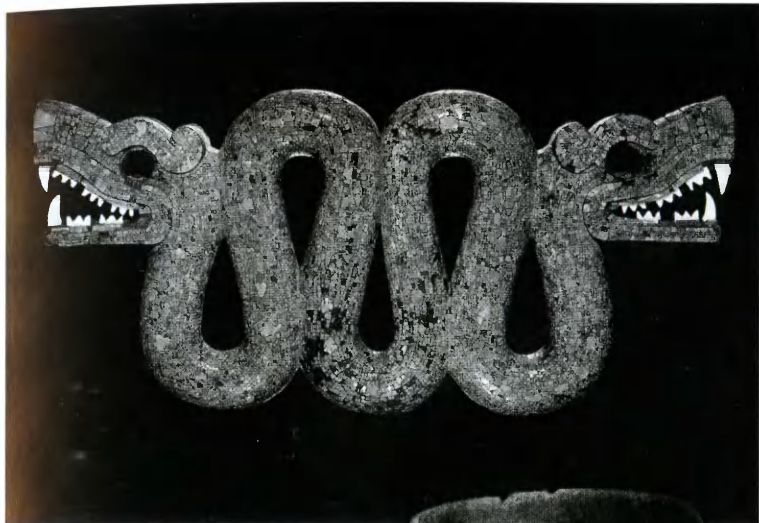
Портрет Несуальпилли, правителя города Тескоко. Он одет в типичный костюм знатного ацтека — украшенный узорами передник (маштлатль), плащ (тиматли) и головной убор из перьев. В руках у правителя опахало и букет цветов.

Этот головной убор был подарен Мотекусомой императору Карлу V. Он составлен из зеленых перьев кецаля, синих перьев котинга и золотых пластин.

Украшенный перьями щит со стилизованным изображением койота выдавался воинам, отличившимся в бою.

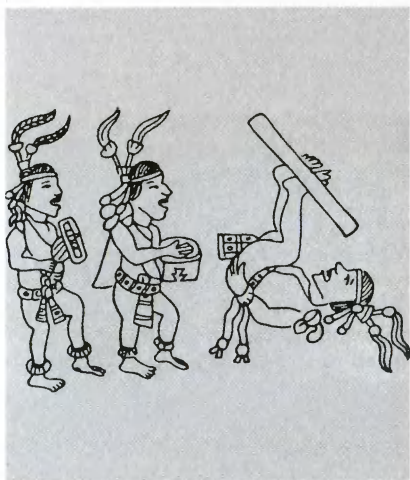

Нагрудное украшение жреца,
выполненное в виде
двухголового змея
и покрытое чешуйками бирюзы.

Деревянный барабан
тепонастли,
издававший два звука.

Сценки городской жизни. Слева — бродячие музыканты и акробаты, справа — семейство рабов.

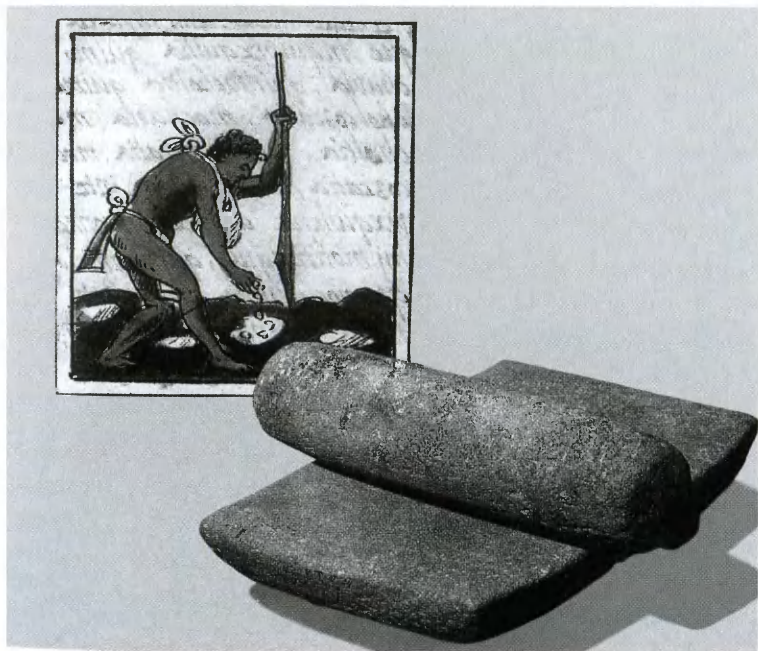
Женщины складывают в кувшины сушеный маис, который мог храниться долгие месяцы.

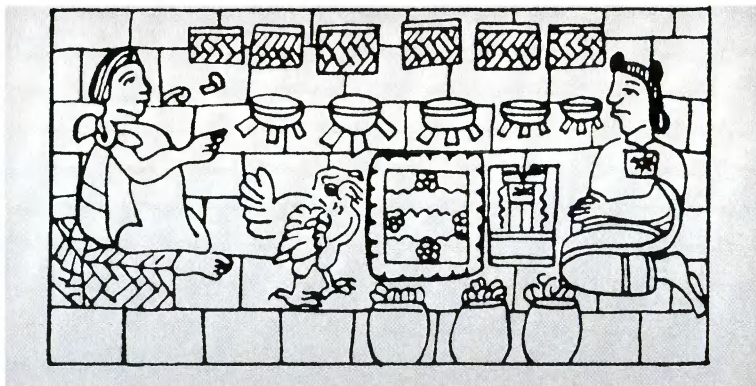

Ацтекская семья за обедом. На столе — вареная черепаха и тушеные бобы с перечным соусом. Для праздничной трапезы ацтеки откармливали маленьких бесшерстных собачек (ицкуинтли).

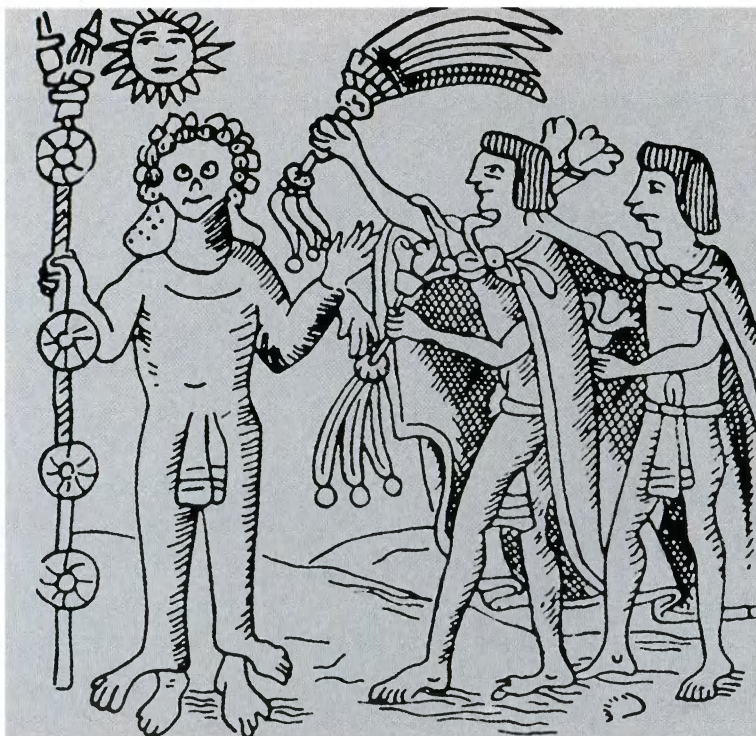
Крестьянин, сеющий маис. Ниже — каменная зернотерка.

Торговец продает свой товар. Завитки, выходящие изо рта, обозначают на ацтекских рисунках человеческую речь.

Участники праздника приветствуют жреца, облаченного в плащ из содранной кожи жертвы.

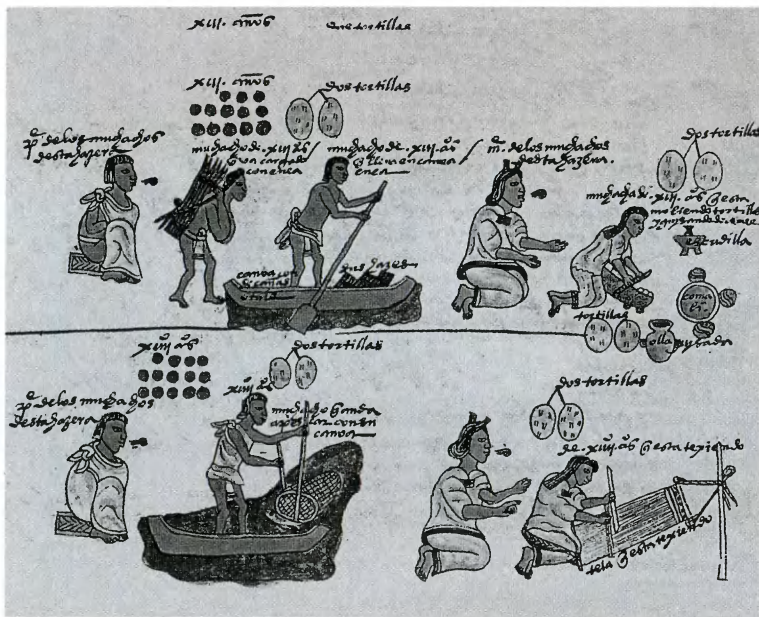
Богиня греха Тласольтеотль («Пожирательница грязи»), которой каждый ацтек мог раз в жизни исповедаться и получить прощение.

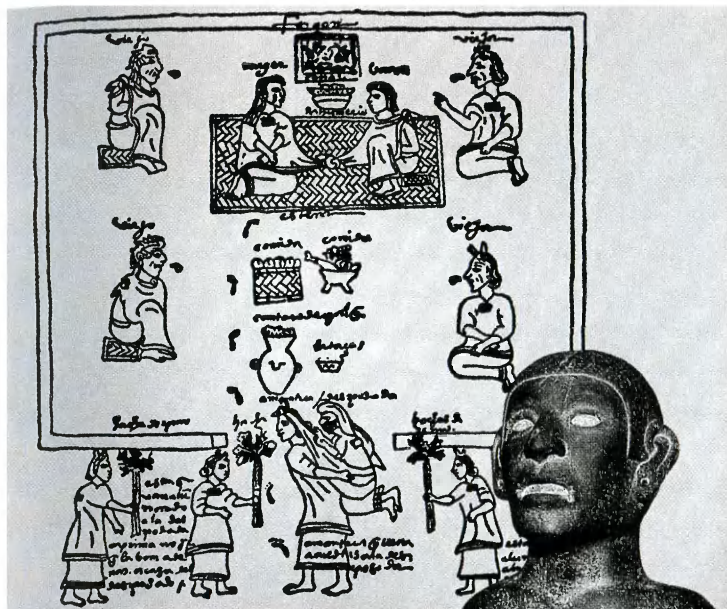
Фреска Диего Риверы «Великий Теночтитлан» детально воспроизводит повседневную жизнь ацтекской столицы.

В «Кодексе Мендоса» изображается трудовое воспитание ацтекских детей. Мальчики носят дрова для очага и ловят рыбу, девочки заняты ткачеством и приготовлением пищи.

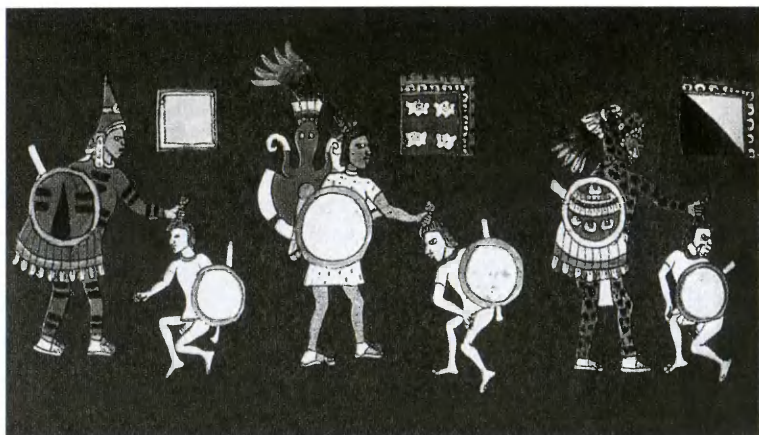
Ацтекская школа (кальмекак).

Ацтекский свадебный обряд.
 В верхней части рисунка
 из «Кодекса Мендоса» изображены
 молодожены, связавшие
 свои одежды в знак союза.
 Два старика и две старухи
 обращаются к ним с речами.
 В центре рисунка —
 праздничное угощение.
 Внизу — мать жениха вносит невесту
 в свой дом, а четыре девушки
 держат в руках свадебные факелы.

Простолюдин.
 Каменная статуэтка.

Ацтекские воины берут в плен врагов, которые позже будут принесены в жертву.

Воин ордена Орла в шлеме, имитирующем птичью голову. Эта глиняная статуя в человеческий рост когда-то стояла в храме.

Воины из орденов
Орла и Ягуара
пляшут
под аккомпанемент
двузвучных
барабанов.

Глиняная свистулька
в виде черепахи.

Женщина и старик.
Глиняные статуэтки.

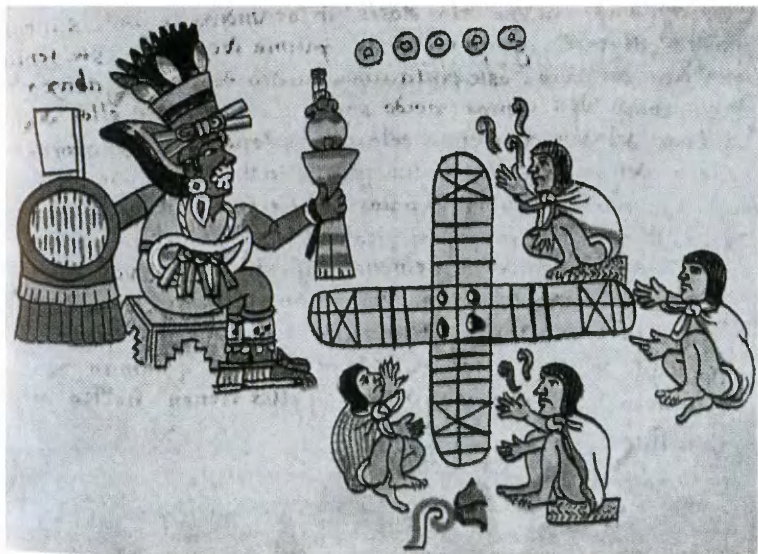
На иллюстрации из «Флорентийского кодекса» изображены принесение пленника в жертву и ритуальное поедание его тела.

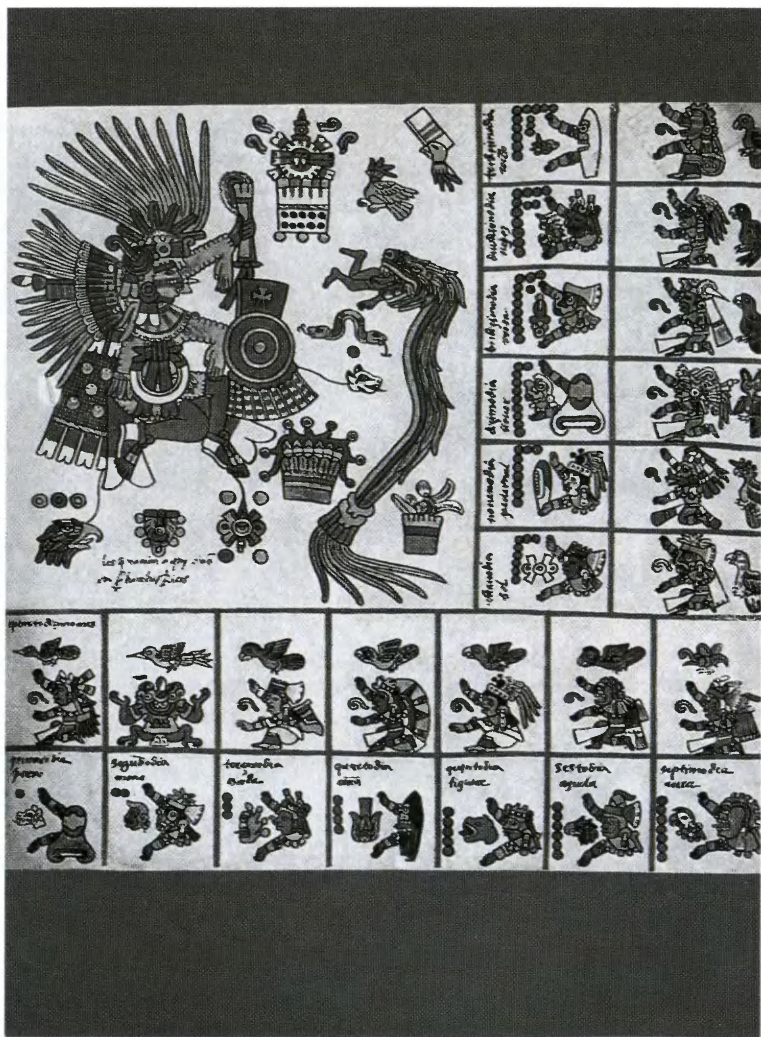

Площадка для тлachtли (игры в мяч), раскопанная археологами в Тенанго, к юго-западу от Мехико.

Бог азартных игр Макуильшочитль наблюдает за игрой в патолли.
Рисунок из «Кодекса Мальябекки».

Страница из «Бурбонского кодекса» с символическими изображениями 18 месяцев ацтекского календаря. Вверху — бог Уицилопочтли с пернатым змеем, глотающим грешников.

А может, эти описания — всего лишь взыгравшая династическая гордость обыспанившегося Иштлильшочитля, индейского хрониста и потомка Несауалькойотля? Увы, то, что осталось сегодня от садов Тецкоцинко, лишь слабо напоминает о их былой роскоши, подтверждая, однако, в целом утверждения историка. Водопады, водные глади, цветочные клумбы исчезли, но в скале еще видны пересохшие бассейны, сохранились и древний акведук, лестницы и террасы.

Впрочем, завоеватели увидели похожие чудеса сразу по прибытии в долину Мехико. В ночь перед вступлением в столицу они прошли через Иштапалапу, стоящую на берегу озера; Диас восторгается дворцом, где их разместили, — «большим и хорошо выстроенным из первосортного камня, кедра и другой ароматной древесины, с большими комнатами и *патио*, покрытыми навесами из хлопчатобумажной ткани, — зрелище, достойное, чтобы его увидели. Осмотрев все это, мы очутились в саду, настоящей усадьбе для глаз, ибо, прогуливаясь в нем, я без усталости любовался разнообразием растений и их ароматов, цветочными клумбами, множеством плодовых деревьев и местными розовыми кустами (*sic*), и бассейном с пресной водой. Еще одна вещь, достойная упоминания: большие суда могли зайти с озера прямо в этот сад по специальному каналу, и все было побелено известью, сияло блеском, украшено камнями и росписями и достойно всяческого восхваления».

И старый испанский солдат, писавший свои мемуары много лет спустя, с грустью добавляет: «Теперь всё это разрушено, погублено, больше ничего не сохранилось».

Однако это всего лишь дворец *текутли*. Что же говорить о загородных домах и местах отдыха самого императора? Кортес писал Карлу V: «У него (Мотекусомы) есть в самом городе и вне его несколько домов для отдыха... В одном из них имеется великолепный сад, над которым возвышаются площадки для обозрения из мрамора, облицованные яшмой великолепной работы... Там у него десять водоемов, где держат водяных птиц всякого рода, живущих в этих краях, они много-

численны и непохожи друг на друга... Для птиц, живущих на берегу моря, есть водоемы с морской водой, а для речных — с пресной. Время от времени из них сливают воду, чтобы почистить, и снова наполняют благодаря каналам; каждый вид птиц получает свойственную ему пищу, которой питается в природе. Так что тем, кто ест рыбу, дают рыбу, тем, кто ест червей, — червей, тем, кто клюет маис, — маис... и ручаюсь Вашему Величеству, что только птицам, поедающим рыбу, каждый день раздают ее по десять *арроб* (примерно 120 килограммов. — Ж. С.). Триста человек заботятся об этих птицах и не занимаются больше ничем иным; другие заняты исключительно уходом за больными птицами. Над каждым из этих водоемов были коридоры и места для наблюдения, где стоял Мотекусوما, чтобы развлечься, глядя на них». И это всё? Нет, ибо, продолжает конкистадор, мексиканский император держал также «диговинки», в частности, альбиносов — «белых от рождения лицом, телом, волосами, ресницами и бровями»; карликов, горбунов и других уродцев; хищных птиц, выращенных в клетках, одна часть которых была закрыта, чтобы уберечь их от дождя, а другая пропускала воздух и солнечные лучи; пум, ягуаров, койотов, лис, диких кошек. И сотни слуг занимались каждой из категорий людей или зверей, населявших этот сад-кунсткамеру.

Свидетельство Кортеса нельзя ставить под сомнение, поскольку его спутники подтверждают эти слова. Андрес де Тапиа почти в тех же выражениях перечисляет многочисленных птиц разных видов, хищных зверей и «диговинки», которых Мотекусوما содержал для своего развлечения. «В этом доме, — добавляет он, — держали в большом количестве ужей и гадюк в больших кувшинах и горшках. И все это — единственно ради величия». Эту деталь подтверждает Берналь Диас, который говорит о «многочисленных гадюках и ядовитых ужах, на хвосте у которых была своего рода погремушка: такие гадюки опаснее всех. Их держали в кувшинах и больших горшках, набитых перьями, там они откладывали яйца и выводили своих змеенышей... и когда ягуары и пумы рычали, койоты и лисы выли, а змеи шипели, это было так ужасно, что казалось, будто ты в аду».

Не будем задерживаться на впечатлениях хрониста, который, в общем-то, прибыл из глухой провинции и впервые очутился в зоологическом саду — характерной особенности большого цивилизованного города. Отметим лишь ту заботу, с какой мексиканские правители окружали себя представителями всех видов флоры и фауны своей страны. Ацтеки питали настоящую страсть к цветам: вся их лирическая поэзия — настоящий гимн цветам, «опьяняющим» своей красотой и благоуханием.

Первый Мотекусома, завоевав Оастепек в теплых землях западных предгорий, решил устроить там сад, где росли бы все виды тропических растений. Императорские гонцы отправились в провинции за цветущими кустарниками, которые выкапывали из земли, стараясь не повредить корни, и оборачивали их циновками. В Оастепеке поселили сорок семей индейцев, уроженцев земель, где добыли эти растения, и правитель лично открыл свой сад в торжественной обстановке.

Любовь к садам разделяли все мексиканцы — разумеется, на более скромном уровне. Жители Мехико выращивали цветы во дворах, на террасах, а «цветочное поле» в озерном пригороде Шочимилько напоминало современный питомник, снабжавший цветами всю долину. У каждой семьи были и свои домашние животные: индюк — птица, которую Мексика подарила всему миру, — несколько прирученных кроликов, агути, собаки (по крайней мере, некоторые из них были съедобными и откармливались для этой цели), иногда пчелы и очень часто — попугаи. В доме жили мало, большую часть времени проводили снаружи, под открытым небом, где ярко светило солнце. В городе, еще не оторвавшемся от своих корней, ослепительную белизну зданий и храмов оттеняли бесчисленные пятна зелени и изящная мозаика цветов.

Пробуждение, утренний туалет и одевание

Лежа на циновке, завернувшись в плащ или, если они были, в одеяла, мексиканец спал без ночной рубашки, почти голый, если не считать набедренной по-

вязки. С наступлением дня ему оставалось только просунуть ноги в сандалии, завязать плащ на плече, и он был готов отправляться на работу. По крайней мере, это относилось к «простолюдинам», ибо достоинство чиновников требовало более долгих сборов. Все вставали очень рано: суды, например, открывались на рассвете, и судьи начинали заседать с первыми лучами солнца.

Как бы то ни было, забота о чистоте, похоже, была распространена среди всего населения. Конечно, члены правящей верхушки тратили на нее больше времени и соблюдали ее тщательнее, чем простые граждане: Мотекусوما «омывал свое тело дважды в день», — замечает не без восхищения конкистадор Андрес де Тапиа. Но и все остальные «купались часто и помногу каждый день» в реках, озерах или бассейнах.

Эту привычку молодежи прививали с детства; часто подросткам приходилось вставать по ночам, чтобы искупаться в холодной воде озера или источника. Ацтеки не умели делать мыло, но его заменяли два растительных продукта — плод копальшокотля, который испанцы называли «мыльным деревом» (*saponaria americana*), и его же корень. И то и другое дает пену, которую можно использовать не только для туалета, но и для стирки белья. Тот факт, что привычка к гигиене была крепко укоренившейся, можно доказать от противного: в некоторых случаях, в виде исключения, люди отказывались от мытья головы с мылом и купания; например, купцы, отправляясь в опасную и далекую экспедицию, приносили обет искупаться только по возвращении, принося тем самым настоящую жертву. В месяц *атемоцтли* совершали покаяние, отказываясь от мытья с мылом.

Купание было не только гигиенической мерой, но и во множестве случаев ритуальным омовением. Пленников, уготованных в жертву Уицилопочтли во время праздников в месяц *панкецалистли*, подвергали ритуальному омовению: «Старожилы *кальтулли* добывали воду из Уицилопочко, в пещере, где бил источник под названием Уицилатль», и жертвы носили имя *тлааль-тильтин* — «те, которых омыли». Купание жрецов в во-

дах озера в месяц *эцалькуалистли* явно носит церемониальный характер.

То же самое в некоторой мере можно сказать о типично мексиканской паровой бане — *темаскалли*. Этот характерный обычай, сохранившийся и в наши дни в деревнях индейцев науа, был настолько распространен в доиспанские времена, что большинство домов были снабжены пристройкой в виде полусферы из камней, скрепленных цементом, где можно было попариться.

У очага, сооруженного вне собственно *темаскалли*, была с ней общая перегородка, сложенная из пористых камней, которые раскаляли, сжигая дрова. После этого индеец, желавший помыться, пробирался в *темаскалли* через низенькую дверь и плескал водой на нагретую стенку. Его тотчас окутывал пар, и он начинал энергично растираться травами. Зачастую его сопровождал другой человек, особенно если первый был болен, и растирал его, после чего парящийся растягивался на циновке, чтобы баня возымела свое действие. От бани, в самом деле, ожидали двойного действия: с одной стороны, лечебно-гигиенического, с другой — очистительного. Роженицы посещали *темаскалли*, прежде чем вернуться к активной жизни, и этот обычай сохранился до наших дней. В «Кодексе 1576 года» говорится, что в год *се акатль* (1363) «жены мексиканцев рожали в Сокиапане и мылись в Темаскальтитлане (место паровых бань)».

Природа, наделившая индейцев жиденькой бородкой, избавила их от проблем и неудобств, мучивших греко-римлян и знакомых европейцам. Они практически не брились. Подбородки стариков, в конце концов, украшались бородкой, довольно похожей на те, какими дальневосточная скульптура и живопись наделяют китайских мудрецов, и тоже служившей признаком мудрости. Волосы в принципе обрезали на лбу и отпускали вокруг головы, но различные стрижки соответствовали определенным чинам или профессиям: жрецы выбривали лоб и виски, но оставляли волосы на макушке, а молодые воины носили на затылке длинную прядь волос, которую срезали только тогда, когда совершали свой первый подвиг.

Женскую красоту в Мехико поддерживали с помощью целого арсенала средств, сравнимого с тем, какой использовался в нашем Старом Свете: зеркала из обсидиана или тщательно отполированного пирита, мази и притирания, духи. Женщины, кожа которых от природы была бронзово-коричневой, старались придать ей светло-желтый оттенок, с каким их часто изображают в иллюстрированных манускриптах, в отличие от мужчин. Этого они добивались с помощью мази под названием *ашин* или желтой глины, *текосауитль*, которая пользовалась таким спросом, что некоторые провинции поставляли ее в виде дани.

У астеков и отоми был распространен обычай красить зубы в черный или темно-красный цвет, и некоторые женщины Мехико его переняли. Что касается волос, то в эпоху завоевания было модно накручивать их на голове так, чтобы надо лбом получились две «ракушки», похожие на маленькие рожки, — это, в частности, показано в «Кодексе Аскатитлан».

Женская мода в Мехико давала отпор варварскому пристрастию к украшательству, царившему у соседних народов. Например, женщины из племени отоми, не довольствуясь тем, что красились и чернили зубы, покрывали себе грудь и руки татуировкой «бледно-голубого цвета, наносимой на тело маленькими ножиками». В Теночтитлане женщине из правящего класса полагалось подчеркивать свою красоту только чистотой. Поутру «умой лицо, вымой руки, прополощи рот, — говорит отец дочери. — Слушай, дочь моя, да не случится тебе никогда красить и румянить лицо или губы, чтобы казаться красивой; краской и румянами пользуются только женщины легкого поведения, утратившие стыд. Если хочешь, чтобы муж любил тебя, одевайся со тщанием, держи в чистоте себя и свою одежду».

Подобными рецептами красоты пользовались *ауанниме* — куртизанки, жившие с молодыми воинами. Куртизанка «ухаживает за собой и одевается с таким тщанием, что кажется цветком, как только она готова. А чтобы приготовиться, она сначала смотрится в зеркало, купается, моется и освежается, чтобы нравиться. Она красится желтой мазью, называемой *ашин*, кото-

рая придает ей цветущий вид, и иногда разукрашивает лицо румянами, будучи доступной и падшей женщиной. Она также имеет привычку красить себе зубы кошенилью (в красный цвет) и распускать волосы для пущей красоты... Она душится благоухающим кадиллом и прохаживается, жуя *циктли** и стуча зубами, словно кастаньетами», — пишет Саагун.

Главным предметом мужской одежды, в котором и спали, была набедренная повязка — *маштлатль*, обернутая вокруг талии, пропущенная между ног и завязанная спереди, причем спереди и сзади спускались два конца, зачастую украшенные вышивками и бахромой. Набедренная повязка, как в простейшем виде (полоса ткани без украшений), так и с более тщательной отделкой, с древнейших времен использовалась ольмеками и майя. К XVI веку ее носили все цивилизованные народы Мексики, за исключением тарасков на западе и уастеков на северо-востоке**, что несколько шокировало мексиканцев с центрального плато.

Простолюдин, работавший на своей земле или переносивший грузы, не имел другой одежды. Но использование плаща — *тильматли* — тоже стало повсеместным: простонародье носило плащи из волокон агавы, остальные — из хлопка, а иногда из кроличьей шерсти или подбитые перьями на зиму. Это было простое полотно из ткани прямоугольной формы, которое завязывали на правом плече или на груди: ацтеки не знали ни пуговиц, ни застежек или булавок. Садясь, плащ спускали таким образом, чтобы он весь оказался спереди, закрывая тело и ноги.

Толпа на улицах Мехико должна была напоминать в своих плащах толпу афинян. Индеец драпировался в плащ, как наши античные предки. Но полотно, которым он прикрывался, белое и без украшений у простых

* Ацтекское слово «циктли» означает жвачку, получаемую из свернувшегося сока дерева *чикосапоте*, растущего в тропиках. Это сырье для жевательной резинки.

** Саагун пишет: «Мужчины (уастеки) не носят маштлатль, прикрывающий причинное место». В «Кодексе Теллериано-Ременсис» есть изображение воина из Шикипилько (долина Толуки) в маштлатле, сражающегося с тараском, одетым в короткую белую тунику.

граждан, у сановников, напротив, было необычайно богато красками и рисунками. Искусство ткачих (ибо эти роскошные одежды изготавливали женщины) пришло как будто с востока, из теплых краев, где растет хлопок и где ткани как будто копируют переливающееся оперение тропических птиц.

В эпоху ацтеков еще допускалось, чтобы самые красивые ткани и самые яркие вышивки доставлялись из земель тотонаков и уастеков. В виде подати в Мехико тысячами «нош» поступали роскошные плащи, набедренные повязки и юбки, сотканые в восточных провинциях — Точпане, Куауточко, Куэтластлане, Точтепеке. В самой столице ткачихи, как считалось, пользовались покровительством Шочикецаль — богини цветов, юности и любви; говорили, что женщины, родившиеся под знаком *се шочитль* («Один-Цветок»), станут умелыми ткачихами и одновременно щедрыми на ласки.

В «Кодексе Мальябекки» воспроизведены многочисленные «модели» *тильматли* с орнаментами, в которых самая очаровательная фантазия сочетается с полным достоинства, выверенным стилем. Наиболее распространенные орнаменты — солнце, стилизованные раковины, украшения, рыбы, абстрактные геометрические формы, кактусы, перья, тигровые и змеиные шкуры, кролики, бабочки.

В различных рукописных кодексах можно встретить и другие «модели». Саагун их перечисляет и описывает несколько типов: например, модель, которую называли *коашайакайо тильматли* (буквально — «плащ с фигурами змей»): «Весь плащ был рыжеватого цвета и имел изображение головы чудовища или демона в серебристом круге на красном фоне. Он был полностью покрыт этими кругами и этими головами и обрамлен бахромой». Другой плащ «был соткан из рисунков, изображающих морские раковины, из кроличьей шерсти, выкрашенной в красный цвет, на фоне голубых завитков воды. Эти рисунки были обрамлены синим цветом: половина светло-голубым, половина темно-синим, а затем еще каймой из белых перьев. Бахрома была из кроличьей шерсти красного цвета». Еще

одни «были рыжеватого цвета, и на этом фоне рассыпаны бабочки, сотканые из белых перьев». Можно себе представить фантастический эффект, который производили такие красочные одежды, когда под слепящим солнцем Мехико знать и воины толпой окружали императора!

Тильматли жрецов был черного или темно-зеленого цвета и зачастую расшит черепаами и человеческими костями. Плащ правителя (он один имел право носить этот эквивалент римского пурпура) позаимствовал свой зелено-голубой оттенок у бирюзы; его называли *ишутильматли* — «бирюзовый плащ».

Маитлатль и *тильматли* составляли основу мужского костюма. Среди многочисленных изображений, содержащихся в кодексах (и всех деталей, которые можно почерпнуть из изучения скульптур), можно отметить те, что хранятся в Национальной библиотеке в Париже и приписываются Иштлильшочитлю; на них изображены благородные индейцы, в частности, есть очаровательный портрет молодого правителя Тескоко Несауальпилли, в набедренной повязке и великолепном плаще (оба с геометрическим орнаментом), с букетом цветов в левой руке и веером или опахалом из перьев в правой. Можно только восхищаться изяществом, достоинством и роскошью этих одежд, таких простых по своей сути.

Тем не менее из текстов и иконографии следует, что в ходу были и другие предметы одежды. Набедренная повязка могла преобразоваться в своего рода треугольный фартук, прикрывающий верхнюю часть бедер. Это изображение можно наблюдать уже в Туле на воинах-кариатидах из этого древнего тольтекского города. В таком одеянии предстает император Тисок на барельефах посвященного ему памятника. Жрецы и воины иногда надевали под плащ или вместо плаща тунику с очень короткими рукавами — *ишколли*: ее запахивали спереди и завязывали лентами. В одном из вариантов *ишколли* была закрытой, и ее приходилось надевать через голову, как рубашку или женскую кофту (*утилли*). Эта туника либо покрывала торс, как куртка или жилет, либо спускалась до колен поверх набедренной повязки.

Наконец, следует отметить еще две особенности: во-первых, существовал обычай надевать два-три плаща один поверх другого (если была такая возможность), а во-вторых, если обычно мексиканец носил свободную одежду, то на войне, напротив, плотно подогнанную. Например, «мундир» воинов-ягуаров полностью облегал тело на манер комбинезона механика или летчика: куртка завершалась шлемом, надевавшимся на голову, а штаны спускались до щиколоток. Классические доспехи ацтекского воина (*ичкауитилли*, или «хлопковая сорочка») представляли собой безрукавку с плотной подкладкой, защищавшей от стрел. Таким образом, древние мексиканцы одновременно использовали две основные категории одежды, из которых разные народы мира обычно выбирали что-нибудь одно: свободную и облегающую.

Главным предметом одежды мексиканской женщины, соответствующим *маитлатлю* мужчины, была юбка (*жуэитль*), сделанная из отреза ткани, обернутого вокруг нижней части тела, закрепленного на талии расшитым поясом и спускающегося ниже икр. Женщины из простонародья и крестьянки зачастую оставляли грудь неприкрытой, но в городе «мещанки» и «благородные» носили *уитилли* — сорочку, спускающуюся поверх юбки, с воротом, украшенным вышивкой. Если обычная одежда была простой, белого цвета, то в церемониальных или праздничных костюмах царило буйство красок и большое разнообразие декоративных орнаментов.

Все очевидцы подчеркивают яркость и роскошь сорочек и юбок, которые носили благородные женщины или участницы ритуальных танцев. Во время праздников месяца *уэй текуильуитль* женщины (в частности, *ауаниме*) танцевали с воинами. «И все были хорошо одеты и украшены, на всех были красивые юбки, красивые сорочки. У одних юбки были украшены рисунками, изображавшими сердца, у других — плетеным орнаментом, напоминающим брюшко птицы, у третьих — как одеяла, у четвертых — спиралями или листьями, прочие были из простой ткани; у всех была кайма, бахромы, расшитый подол. Что до сорочек, то некоторые

были украшены текучим коричневым орнаментом, другие — (орнаментом в виде) дыма, третьи — черными лентами, четвертые — домиками, пятые — рыбками... У всех был широкий ворот и расшитые его края тоже были широки и просторны», — сказано во «Флорентийском кодексе». Обе фаворитки государя Уицилиуитля изображены в белой сорочке с вышивкой по вороту и на талии и в белой юбке с широкой расшитой каймой.

Искусство разноцветной вышивки и мода на нее тоже пришли с востока, и роскошные ткани быстро полюбились народам высокогорья. Восточные богини, например Тласольтеотль, всегда предстают на раскрашенных страницах манускриптов в хлопчатобумажной повязке на голове, в которую воткнуты шпильки. В племенах уастеков и тотонаков со склона Сьерра-Мадре и у древних народов, таких как отоми, долгое время поддерживавших контакт со своими восточными соседями, женщины стремились быть эффектными и яркими. «Их (уастеков) одежды очень изысканны и опрятны, ибо именно в их стране делают плащи, которые называют *сенцонтильматли* или *сенцонжуачтли*, что означает “плащи тысячи цветов”, — сообщает Саагун. — Именно отсюда приносят плащи, украшенные головами чудовищ, раскрашенные, с водяными спиральями, и ткачихи (уастеков) превосходят сами себя в изготовлении таких тканей и многих им подобных... Женщины следят за собой, одеваются очень хорошо и носят богатые уборы».

Женщины тотонаков «глядятся в зеркало. Они носят юбки и сорочки с тканым узором и умеют хорошо одеваться. Поэтому их юбки называют *интлатлаталькуэ* — “разноцветные юбки”... так великолепно были украшены благородные женщины, а женщины из народа носили синие юбки. Все вплетали перья в волосы и красили их в разные цвета и прогуливались по рынкам, изящно украсив себя цветами». Точно так же у людей с побережья залива «женщины — превосходные ткачихи, очень умело обрабатывающие свои ткани, и это совершенно естественно, поскольку они живут в столь доброй и богатой стране». Что же касается женщин

отоми, то они охотно заимствовали у соседних племен все моды, которые приходились им по нраву, и «всё, что ни видели из одежды, надевали на себя».

Наверное, именно благодаря им в Центральную Мексику пришел обычай носить типично восточную женскую одежду *кешкемитль* — изящную пелерину в форме ромба, богато изукрашенную и покрытую вышивкой. В докортесовскую эпоху пестрый *кешкемитль* был одеждой тотонакских женщин, однако существуют ацтекские статуи некоторых богинь, грудь которых покрыта такой пелериной с бахромой. В наши дни индианки из разных племен восточного склона и высокогорья (тотонаки, науа, отоми) продолжают ткать для себя эту традиционную одежду.

Теночтитланская мода делала упор на простоте в противовес пестроте, дорогой сердцу провинциалов, однако кортеж женщин, направлявшихся в храм или на праздник, являл собой красочное и пестрое зрелище. Хотя покроем сорочек и юбок был одинаков, бронзоволицые индианки с загорелыми руками в разноцветных тканях, в бесконечном разнообразии уборов, в блеске драгоценностей и перьев представляли изящными созданиями, похожими на чудесных тропических птиц.

Эта тенденция к роскоши в одежде, хотя и сдерживаемая приверженностью к традиционному аскетизму, была неразрывно связана с техническим прогрессом, в частности с развитием ткачества. Племена северных кочевников и уж конечно сами ацтеки в начале своей истории одевались в звериные шкуры; оседлые племена с высокогорья делали ткань из волокон агавы (*шитль*).

В рассматриваемую нами эпоху набедренная повязка и *тильматли* простолоюдина все еще были сделаны из этой ткани, считавшейся подходящей для черни; впрочем, существовали способы получать очень тонкое волокно агавы и ткать из него очень мягкую ткань, какую и сегодня изготавливают еще некоторые индейцы. Для изготовления одежды использовали также кору некоторых растений, из которой делали бумагу. Но хлопок, выращиваемый в Теплых Землях востока и запада, быстро стал предметом вожделения ацтеков и основой

текстиля — «незаменимым хлопком»: *иничкатль интетечмонекки*.

Когда император Уицилуитль в конце XIV века пожелал жениться на дочери правителя Куаунауака (ныне Куэрнавака, городок в зоне полутропического климата), им, похоже, руководило в первую очередь стремление раздобыть хлопок для своего города. «Государь Уицилуитль попросил руки принцессы из Куаунауака по имени Миауашиуитль, дочери Осомацина, правившего в Куаунауаке. И старики говорят, что государь Осомацин держал в своей власти всех крестьян Куаутуака и те приносили ему незаменимый хлопок и все плоды, что там произрастают; и ничто из этого не поступало в Мехико, этот хлопок не доходил до мешков, и потому они были очень несчастны», — сказано в «Хронике Мешикайотль». Именно в поисках хлопка купцы, а затем и воины с высокогорья устремились в богатые земли тропиков. Благодаря торговле и дани в Мехико потекли рекой как хлопок-сырец, так и готовые ткани.

Мексиканцы, мужчины и женщины, часто ходили босыми, особенно простой люд, но как только человек начинал восхождение по общественной лестнице, он мог обуваться в *кактли* — сандалии* с подошвой из волокна или кожи, прикрепляемые к ноге переплетенными ремешками, и с закрытой пяткой. В более совершенных моделях ремешки обхватывали также икры, поднимаясь до колен и образуя ножные щитки (*косеуатль*), — это была характерная обувь воинов.

Сандалии Мотекусомы были обильно украшены золотом. На изображениях — от барельефов майя до ацтекских скульптур, включая рисуночные кодексы, — показано, что форма и украшения сандалий были чрезвычайно разнообразны. Традиционная сандалия не исчезла и теперь, продолжая свое существование в виде *гуараче* современных мексиканских индейцев. В древности для изготовления обуви использовали драгоцен-

* В Мексике до сих пор существует презрительная характеристика для людей, только что выбившихся из нищеты или приехавших из деревни: «Он начал носить первую пару обуви» или «Он вчера начал ходить обутым».

ные металлы и камни, шкуры диких животных (ягуаров), перья тропических птиц.

Если одежда и обувь древних мексиканцев были относительно простыми, то непостижимое разнообразие и причудливое богатство их украшений и головных уборов просто не с чем сравнить. Женщины носили ушные вставки, ожерелья, браслеты на руках и на щиколотках. Мужчины использовали такие же украшения, но, кроме того, прокалывали себе носовую перегородку, чтобы вставить туда украшения из драгоценных камней или металлов, протыкали кожу под нижней губой, чтобы носить там украшения из хрусталя, раковин, янтаря, бирюзы или золота, и, наконец, прикрепляли к голове или спине огромные и роскошные сооружения из перьев.

Выставление напоказ этих знаков отличия и роскоши было строго расписано в соответствии с властной иерархией. Только император мог вставлять в нос украшения из бирюзы (ему торжественно протыкали носовую перегородку после его избрания), только воины определенного ранга имели право на то или иное украшение, характер и форма которого были четко определены. «Эмблемы» или украшения из перьев, красочные головные уборы, золотисто-зеленые султаны из перьев кецаля, огромные бабочки, конусы из перьев и золота, знамена из ткани и перьевой мозаики, прикрепленные к плечам военачальников, щиты с гербами были прерогативой тех, кто своими подвигами заслужил право пользоваться ими; любого, кто посмел бы присвоить себе такие символы почета, карали смертью.

С самых древних времен (что видно, например, по фрескам майя из Бонампака) индейцы из Мексики и Центральной Америки в буквальном смысле слова боготворили перья — длинные и роскошные зеленые перья кецаля, красные и желтые перья попугаев. В ацтекской империи это была одна из важнейших статей в списке податей, которыми облагались тропические города. Огромные украшения из перьев в сочетании с золотом и бирюзой ставили воина, сановника, императора выше обычных людей. Мексиканский костюм, с одной стороны, близок по простоте рисунка одеяни-

ям античных народов Средиземноморья классической эпохи, драпировавшихся в белое, а с другой — убранным «краснокожих» коренных американцев. Однако только мексиканскому костюму свойственна утонченность, какой не знали суровые охотники из прерий.

Барельефы и манускрипты позволяют нам создать точное представление об этих роскошных украшениях, превращавших человека в нечто большее, чем просто человек, делавших его полубожеством, величественным и ослепительным. Когда под утробные звуки раковин и отрывистые удары барабанов, под хриплое гудение труб перед толпами, скопившимися на центральной площади, вдруг появлялся император в блеске золотых украшений, в тяжелом венце из золота и бирюзы, окруженный сиянием зеленых перьев, а вокруг него распускались многоцветным букетом доспехи, значки, знамена сановников, кто бы не увидел в нем избранника Тескатлипоки, «властителя мира», «отца и мать народа»? В этом четко стратифицированном обществе украшения и драгоценности, золото и перья были символами могущества и средствами управления.

Дела, труды, церемонии

Одетые, обутые, причесанные и украшенные, как подобает, жители Теночтитлана принимались за работу, причем, как мы уже знаем, с самого рассвета. Многие из них (к несчастью, у нас нет возможности определить, какая именно часть), хоть и жили в городе, остались селянами по роду своих занятий. Они либо выращивали маис, овощи, цветы в своих садах и огородах на островках или на суше, либо отправлялись ловить водяных птиц или рыбачить на озеро. Их орудия и вооружение просты: у земледельцев — палка-копалка, расширяющаяся в виде заступа, у охотников и рыбаков — сеть, лук со стрелами, копьеметалка, плетеная сумка на длинном ремне.

Отец благородного семейства говорил своим сыновьям (в изложении Саагуна): «Не забывайте, что вы про-

исходите от благородных родителей; не забывайте, что вы не потомки садовников или дровосеков. Кем вы станете? Хотите вы быть купцами, которые идут с посохом в руке, таща на спине груз? Хотите вы быть земледельцами или землекопами? Хотите вы быть садовниками или дровосеками?

Я скажу вам, что вы должны делать. Выслушайте мои слова и сохраните их в своей памяти. Прежде всего прилежно обучайтесь танцам, игре на барабане и бубенчиках, пению... (затем) постарайтесь выучиться почтенному ремеслу, например изготовлять вещи из перьев, или другому ремеслу, поскольку оно даст вам пропитание в нужде, а главное — занимайтесь сельским хозяйством, ибо питает нас земля... Ваши предки умели всё это делать, ибо, будучи знатными и потомками славного рода, они всегда следили за тем, чтобы их земли и наделы возделывались: ведь если думать только о своем происхождении и знатности, как ты сможешь прокормить семью? На что будешь жить ты сам? Нигде не было видано, чтобы кто-нибудь прожил единственно своей знатностью».

Этот урок полон заземленного реализма, сквозь который четко проступает иерархия занятий в представлении знатного жителя Теночтитлана. Прежде всего — ритуалы, ибо именно об этом идет речь, когда говорят о пении и музыке: сам отец семейства это подтверждает, говоря: «Занимаясь этим, вы будете угодны господу нашему богу, который вездесущ (Тескатлипока), и запустите руку в его сокровища»; затем — почтенные ремесла: художественные изделия из перьев, ювелирное дело, обработка драгоценных камней, а превыше всего — сельское хозяйство. Но, естественно, и речи быть не может о том, чтобы знатный мешик обрабатывал землю, точно «землекоп или садовник»; предлагаемый ему идеал — руководить возделыванием полей.

Сословный предрассудок, который здесь присутствует, несмотря на исполненное трезвомыслия предупреждение: «Нигде не было видано, чтобы кто-нибудь прожил единственно своей знатностью», — не устанавливает таких же разграничительных линий, как, например, в европейском феодальном обществе. Знат-

ный человек может заниматься ручным трудом, но ему запрещено быть простым земледельцем, не может он стать и торговцем.

Как мы знаем, члены правящего класса располагали многочисленными и обширными землями, зачастую довольно далеко, а порой и очень далеко от Мехико. Хотя теоретически эти владения принадлежали государству, на деле знать получала с них доход, всё более напомилавший доход со своей собственности. Таким образом, они тратили значительную часть своего времени на то, чтобы добраться до своих земель и распорядиться их использованием. Но их могли заменить управляющие — *кальпишки*; некоторые из них были достойными доверия рабами, которым удавалось обогатиться и зачастую стать свободными.

Надо понимать, что «дом» ацтекского вельможи с землями и лесами, озерами и реками, домашними мастерскими, где множество женщин пряли и ткали, ремесленниками, состоящими при особе хозяина, образовывал важную и частично автономную экономическую единицу, производившую пищу и одежду. С другой стороны, нет сомнений в том, что нескончаемые войны и увеличивающееся бремя административных обязанностей позволяли высшим чиновникам осуществлять лишь общий надзор за управлением делами. Помещик все больше превращался в чиновника, судью, придворного, государственного деятеля, а основную работу по ведению дел в имении выполняли управляющие.

В самом деле, правящий класс был всё более поглощен государственными делами, «руководством» — *тлатокайотль*. В первую очередь — войной, к которой с самого детства готовились все юноши, желающие подняться рангом выше и стать *текиуаке*, а по возможности достичь и высших чинов. Затем шли многочисленные государственные должности, большие и маленькие, требовавшие от исполнявших их расторопности, неподкупности и серьезного отношения к делу: *ачжакаутин* — полиция, которая должна была приводить в исполнение решения судов; судьи, заседавшие с рассвета вплоть до двух предзакатных ча-

сов, прерываясь лишь на легкий обед и непродолжительный отдых, и рисковавшие жизнью в случае уличения во взяточничестве; сборщики налогов, вынужденные совершать утомительные и опасные путешествия — их карали смертью в случае присвоения части дани; послы, отправлявшиеся в дальние города, чтобы передать ультиматум императора, и зачастую с большим трудом остававшиеся в живых. Все они и многие другие, например наставники, руководившие воспитанием юношей в квартальных школах, отдавали государственной службе всё свое время и все свои силы.

Мексиканцы высоко ставили государственную службу и сопряженную с ней власть: разве самый большой вельможа не должен подчиниться приказаниям простого гонца, сообщившего постановление суда? В то же время нравы и законы были страшно суровыми: горе пьющему или снисходительному судье, горе бесчестному чиновнику! Всегда приводили в пример решение правителя Тескоко, который, узнав, что один из его судей несправедливо решил дело в пользу знатного человека в ущерб *масеуалли*, велел повесить несправедливого магистрата. Велика была власть чиновников, но не менее велик груз их обязанностей.

Чем выше человек поднимался по социальной лестнице, тем в меньшей степени он располагал своим временем. Конкистадоры рассказывают о том, что во дворце Мотекусомы беспрестанно кишела толпа чиновников и воинов, проводивших там целый день. И что сказать об общих заседаниях, которые называли *натпуальтлатолли* («речь восьмидесяти дней»), в течение которых, раз в четыре месяца по индейскому календарю, в течение нескольких дней, заседа с рассвета до ночи, «закрывали» все нерешенные дела, как политические, так и судебные?

Что сказать о советах (*Тлатокан* в Мехико или четыре больших совета в Тескоко) — настоящем испытании на выносливость, судя по сохранившимся рассказам, — на которых следовали одна за другой бесчисленные речи, составленные в вычурных выражениях, изобилующие традиционными метафорами? Общественная жизнь, которой по определению

посвящала себя мексиканская элита, накладывала на нее тяжелые обязанности и поглощала львиную долю ее деятельности.

Что касается жрецов, которые вместе с гражданскими и военными чиновниками составляли немалую часть этой элиты, то они вообще себе не принадлежали, поскольку их служение богам не прекращалось ни днем ни ночью, и они подвергали себя жесточайшей каре, если не исполняли своих обетов. Десятое распоряжение Несуалькойотля устанавливало смертную казнь для жреца-сластолюбца или пьяницы. Заметим попутно, что наказание было тем суровее, чем более высокий пост занимал провинившийся: простолюдина, застигнутого пьяным в общественном месте, только сурово отчитывали и обривали наголо, чтобы покрыть его позором; знатного человека карали смертью. Такое же наказание грозило знатному человеку, обокравшему своего отца, тогда как *масеуалли*, повинный в том же преступлении, «отдельвался» рабством. Обязанности, ответственность и риск увеличивались по мере возрастания могущества и богатства.

Мы уже неоднократно упоминали о судьях и судах. Дело в том, что правосудие и тяжбы занимали большое место в повседневной жизни. Индейцы, склонные к сутяжничеству, не оставляли судей без дела. В провинциальных городах или селениях заседали суды первой инстанции, которые выносили решения по маловажным делам. Выше них стояли судьи из Мехико и Тескоко, рассматривавшие дела из регионов, уроженцами которых они являлись.

Двенадцать судей составляли апелляционный суд (дела со всей империи поступали на апелляцию в Тескоко), они собирались каждые двенадцать дней под председательством правителя Тескоко, чтобы разрешить самые сложные дела. Наконец, ни один процесс не мог длиться более восьмидесяти дней, ибо целью общих заседаний было покончить со всеми нерешенными делами.

Чрезвычайно оперативная система! Во время всех судебных процессов судебные приставы составляли «дела», записывая пиктограммами все свидетельские

показания и приговоры, которые подлежали немедленному исполнению. Заметим попутно, что в средневековой Мексике не проводили допросов «с пристрастием», а в Европе пытки отменили только в XVIII веке.

Члены правящего класса с головой уходили в работу, поэтому просто становишься в тупик, пытаясь определить, сколько времени им приходилось уделять проведению обрядов и церемоний. Наверное, все в Мехико участвовали в бесчисленных праздниках и сложных ритуалах, которые были с ними связаны, но и тут сановники оказывались впереди.

Жертвоприношения, танцы, песнопения, процессии и шествия не только по городу, но и вокруг всего озера в большинстве случаев требовали их присутствия. Солнечный год подразделялся на 18 месяцев по 20 дней в каждом (плюс пять дополнительных неблагоприятных дней, во время которых всю деятельность сводили к минимуму), и каждому из этих месяцев соответствовала очередная серия церемониальных мероприятий. Некоторые из них требовали огромных усилий от множества людей, проведения большой организационной работы, потребления внушительного количества материальных благ.

Жрецы не совершали обряды в одиночку — наоборот, в зависимости от месяца в них была занята та или иная часть населения: юноши, девушки, воины, сановники, некоторые цехи, например, *почтека* или ювелиры, а зачастую и весь народ, принимавший в них активное участие.

В первые семь дней месяца, называемого «большой праздник вельмож», император кормил и поил всё население, «дабы явить свою благосклонность к простым людям (*масауальцинтли*)». Каждый вечер с заходом солнца начинались песни и пляски в свете факелов и курильниц, «и иногда сам Мотекусома выходил и шел танцевать». Долгими часами женщины и воины, держась за руки, ходили взад-вперед между рядами курильниц и факельщиков; танцы и ритмичные песнопения заканчивались лишь поздно ночью.

На десятый день начиналась серия патетических и жестоких церемониалов, главную роль в которых иг-

рала женщина, обряженная и украшенная как богиня молодого маиса Шилонен: ее лицо было раскрашено желтой и красной краской, на голове — убор из перьев кецаля, на шее — ожерелье из бирюзы, с которого свисал золотой диск, она была облачена в покрытые вышивкой одежды и красные сандалии. В руке она держала щит и волшебную трещотку — *чикауацтли*. В ночь перед жертвоприношением «все бодрствовали, никто не спал, женщины пели гимны Шилонен». А на рассвете дня начинались танцы.

«Все мужчины — военачальники, юноши, молодые воины, чиновники — держали в руках маисовые стебли, которые назывались *топантли* (“птичьи знамена”); женщины тоже танцевали, сопровождая Шилонен». Танцующая и поющая процессия направлялась сначала в сероватом, а потом розовом свете утра к храму Маиса — Синтеопану. Жрицы били в двузвучные барабаны, а жрецы дудели в рога и раковины. Кортёж окружал и нес навстречу судьбе ту, которая несколько часов олицетворяла собой богиню: едва она оказывалась в Синтеопане, как к ней подходил жрец, державший в руке кремневый нож с золотой рукояткой, и обезглавленная Шилонен, умирая, становилась богиней. «Тогда в первый раз ели лепешки из молодого маиса», женщины танцевали, так же как и «юные девушки, еще ни разу не взглянувшие ни на одного мужчину». Каждый наполнял начинкой лепешки из маиса и преподносил их богам.

Пятнадцатый месяц, *панкецалистли*, начинался с песен и плясок, проходивших каждую ночь с захода солнца до полуночи. За девять дней до великого праздника Уицилопочтли начиналась подготовка пленников, уготованных в жертву; совершалось их ритуальное омовение, и все, как пленники, так и те, кто их захватил, танцевали вместе «танец змеи», продолжавшийся до середины ночи.

На двадцатый день пленники прощались со своими хозяевами: пели, «точно их голос сейчас оборвется, точно они охрипли», и, окунув руки в голубую краску или охру, оставляли отпечатки на перекрытиях и косяках дверей. После этого они обряжались в приготов-

ленные для них украшения. На рассвете начиналась большая процессия Пайналя — бога-посланца, предтечи Уицилопочтли. Она следовала от центра столицы до Тлателолько, а оттуда — к прибрежным поселкам Попотлан, Чапультепек и вплоть до окраин Койоакана. Время от времени процессия останавливалась, и пленников приносили в жертву. Когда Пайналь, совершив такой долгий путь, вновь появлялся в Теночтитлане и входил за священную ограду, звучали трубы и пленников по одному приносили в жертву на камне перед входом в храм Уицилопочтли.

Другие обычаи напоминали наши народные развлечения во время карнавала. В первые дни месяца *атемостли* юные жрецы и молодые воины собирались в противоборствующие отряды и устраивали сражения, орудуя ветками и стеблями тростника. Если воины захватывали в плен жреца, «они натирали его листьями агавы, что вызывало у него зуд и жжение, а если в плен попадал молодой воин, жрецы шипом царапали ему уши, руки, грудь и ноги, пока не закричит. Таким образом жрецам удавалось загнать юношей прямо во дворец, после чего они его грабили, унося все циновки, канатные ковры, сиденья со спинками, постели, табуреты. Если находили трещотки или барабаны, то уносили с собой, они забирали всё. А если молодые воины преследовали жрецов до самого их монастыря (*кальмекак*), то тоже грабили их и уносили циновки, раковины и сиденья».

Сходное противоборство, допускавшее поступки, которые в другие времена были бы строго наказаны, позволялось лишь в определенные дни в месяц *тититль*: на сей раз юноши, вооружившись мешками, набитыми бумагой или листьями, нападали на женщин и девушек, которые оборонялись палками или ветками. Но мальчишки старались застигнуть их врасплох, пряча свои мешки до того самого момента, пока вдруг не окружали ничего не подозревавшую женщину и не осыпали ее ударами, крича: «Вот мешок, госпожа!» — после чего разбегались под взрывы хохота.

Такие праздники — ужасные или трогательные, страшные, как *тлакашипеуалистли*, заканчивавшийся пляской смерти жрецов, одетых в человеческую кожу,

или веселые, как *тлашочимако*, когда все храмы засыпались настоящими лавинами цветов, — поглощали значительную часть времени, труда и ресурсов общины. Они были одновременно очень частыми и очень затяжными, чрезвычайно тщательно подготовленными (каждая деталь была прописана «от и до») и тем более многочисленными и долгими потому, что Мехико, столица империи, праздновала сразу все культы и служила всем богам.

Кроме того, мексиканцы, даже по соседству, например в Тескоко, слыли столь благочестивыми, что даже трудно точно сказать, скольким богам они поклонялись. Но чтобы как следует понять, что могла означать в их собственных глазах такая непрерывная религиозная деятельность, нужно очистить слова «ритуал» или «церемония» от оттенка условности, который они приобрели в нашем обществе.

Для древних мексиканцев не было ничего более жизненно важного, чем эти телодвижения, песни, танцы, жертвоприношения, обрядовые действия, поскольку в их представлении таким образом обеспечивались регулярная смена времен года, возвращение дождей, прорастание питательных растений, возрождение солнца. Мексиканский народ, и в первую очередь его жрецы и сановники, день за днем оказывался вовлечен в постоянно возобновляемый обряд белой магии, в постоянные коллективные усилия, без которых сама природа погибла бы. Так что это дело было самым серьезным, эта обязанность — самой непреложной.

Однако напряженная церемониальная деятельность не мешала цехам и самому народу заниматься обычными делами. Пока ремесленники в своих мастерских плавил и чеканили золото, гранили драгоценные камни и аккуратно скрепляли перья, *почтека* готовили свои походы или сбывали товар, принесенный из дальних провинций. На рынках и улицах велась торговля во всех ее проявлениях. Многочисленные кустарные промыслы позволяли тем, кто ими занимался, раздобыть средства на пропитание семьи.

Женщины продавали прохожим лепешки, пирожки-*тамали*, маисовую кашу (*атолли*), готовый напи-

ток какао, блюда, приправленные перцем и томатами, тушеное мясо. Мужчины же предлагали маис, тыквенные семечки, мед, семена масличных растений, горшки, циновки. Наверное, и те и другие старались привлечь покупателей, расхваливая свой товар и крича на все лады. Их оклики оживляли улицу.

Сутяга, торопящийся в суд, чиновник, отправляющийся на службу, крестьянин, явившийся на один день в город, чтобы продать там свои продукты, перекусывали на ходу, прежде чем продолжить путь. Семена ногами и отдуваясь, спускались с гор тяжело нагруженные дровосеки; носильщики сменяли друг друга, чтобы не рухнуть под тяжестью балок и бревен. Поодаль бригада рабочих, назначенных квартальными властями, чинила акведук под руководством чиновника.

Общественные работы исполнялись благодаря системе *текитля* — необходимой отработки для простолюдинов. Таким образом, власти могли располагать внушительной рабочей силой; именно так во времена императора Мотекусомы I согнанными из разных мест работниками была возведена большая дамба, известная под названием «старой водяной стены» (*уэуэ атенамитль*). Точно так же в правление Ауисотля индейцы, прибывшие из Тескоко, Аскапоцалько, Тлакопана, Кой-оакана, Шочимилько и еще четырех поселений, построили канал, чтобы провести в Мехико воду из источника. «Настоящий муравейник», — говорит хронист, и в самом деле, эта упорядоченная деятельность, дававшая мало шума и много отдачи, заполнявшая собой хлопотливые дневные часы, напоминала именно муравейник.

Еда

В прошлом мексиканцы были весьма нетребовательны в еде, как, кстати, и сегодня. По большей части они ограничивались скудной пищей, лишенной разнообразия и состоявшей в основном из маиса в виде лепешек, каши-атолли, *тамалей*, а также фасоли и семян *уаутли* (амаранта) и *чиана* (шалфея). Однако, справедливости ради, надо признать, что пища простолю-

дина доколумбовской эпохи была, несмотря ни на что, гораздо разнообразнее, чем у его собрата в наше время, поскольку она включала определенное количество либо культурных растений, например *уаутли*, либо диких растений, насекомых и земноводных, использование которых в пищу сегодня гораздо менее распространено, а то и совсем прекратилось. Высшие сословия могли наслаждаться более утонченной кухней.

После подъема на рассвете никакая еда не предполагалась и не готовилась. Только после нескольких часов работы, около десяти часов утра, ацтеки в первый раз за день принимали пищу: почти всегда — миску *атолли*, более или менее густой маисовой каши, подслащенной медом или сдобренной перцем. Богатые люди и сановники могли выпить какао — предмет роскоши, привозимый из тропических районов, — приправленное медом с ванилью или смешанное с зеленым маисом, *октли* (перебродивший сок агавы) и острым перцем-чили.

Главную трапезу все устраивали в полдень, когда стоит самая сильная жара; после обеда по возможности старались немного вздремнуть. Простые люди расправлялись с едой быстро: маисовые лепешки, фасоль, соус из перца-чили и помидоров, иногда *тамали* и редко мясо: дичь, мелкая или крупная, или домашняя птица (индюк). Запивали все это водой. Сидя на циновках вокруг очага, подобрав под себя ноги, семья быстро заканчивала скудный обед. Когда мужчину время обеда застигало за работой вдали от дома, он доставал из мешочка *итакатль*, который жена приготовила ему утром перед уходом.

Но у вельмож на обед подавали многочисленные и разнообразные кушанья. Для Мотекусомы каждый день готовили больше трехсот блюд и еще тысячу — для его царедворцев. Прежде чем приступить к трапезе, император выбирал, что ему нравится, из числа дневных блюд: индеек, фазанов, куропаток, ворон, домашних или диких уток, оленя, кабана-хабали, голубей, зайцев, кроликов. Потом садился один на *икпалли*, и перед ним ставили низкий столик со скатертью и белыми салфетками.

«Четыре очень красивые и очень опрятные женщины подавали ему воду для омовения рук в глубоких чашах, которые называют *шикалес* (калебасы); под его руками держали другие сосуды в форме блюд и подавали ему полотенца, потом две другие женщины приносили лепешки», — вспоминает Берналь Диас. Время от времени государь мог отличить одного из сановников из своей свиты, предложив ему одно из блюд на его выбор. После первого и главного блюда ему приносили фрукты «всякого рода, которые только растут в этой стране, но он ел их очень мало и лишь временами».

После этого он пил какао и мыл руки, как и перед едой. Шуты, карлики или горбуны кривлялись и дурачились перед ним; Мотекусوما брал одну из раскрашенных и вызолоченных трубок, которые клали рядом с ним, курил какое-то время и засыпал.

В доме правителя Мехико (и наверняка в домах правителей союзных городов и провинциальных князьков) готовили достаточно пищи для его ближайшего окружения, чиновников, жрецов и т. д. «Поев, властитель приказывал своим пажам или слугам накормить всех господ и послов, прибывших из разных городов, а также тех, кто охранял дворец; давали еду воспитателям юношей, коих называют *тепучтлатоке*, а также жрецам идолов, потом певцам и прислуге и всем, кто был во дворце, а также рабочим, ювелирам, мастерам, работающим с богатыми перьями и камнями, и тем, кто делает мозаики, тем, кто изготавливает роскошную обувь для сановников, и цирюльникам, которые их стригут». Им также раздавали какао, приготовленное разными способами: Саагун перечисляет с десятков различных рецептов.

Мастерство ацтекских кулинаров проявлялось в не меньшем разнообразии кушаний. Тот же хронист перечисляет семь видов маисовых лепешек, шесть — *тамалей*, многочисленные блюда из жареного или тушеного мяса, около двадцати блюд из птицы, рыбы, земноводных или насекомых, бесконечное разнообразие блюд из овощей, семян, сладкого картофеля, перца чили и томатов.

Среди излюбленных яств высшего руководства можно назвать *тамали* с мясной начинкой, улиток и

фрукты (последние подавали с бульоном из птицы); лягушек под соусом из перца-чили; белую рыбу (*истак мичи*) с перцем и помидорами; *ашолотль* — вид тритонов, встречающийся только в Мексике и считавшийся особо утонченной пищей, приправленной желтым перцем; рыбу, подаваемую под соусом из измельченных тыквенных семечек; рыбу с кислыми ягодами, напоминающими вишню; крылатых муравьев; агавовых червей (*моэжуилин*); кашу-атолли из маиса и *уаутли*, подсоленные или подслащенные, с перцем или с медом, стручковую фасоль (*эшотль*), различные корнеплоды, в том числе *камотли* — сладкий картофель.

У древних мексиканцев не было ни животного, ни растительного масла, их кухня была незнакома с жарением во фритюре. Всё либо поджаривали на огне, либо, чаще всего, тушили, сильно сдабривая пряностями и перцем. Поскольку скота тоже не было, единственной мясной составляющей их рациона были исключительно дичь и два вида домашних животных: индюк и собака.

Центральная Мексика в те времена была очень богата дичью: кролики, зайцы, олени, дикие свиньи (пекари), птицы — фазаны, вороны, горлицы, а главное — бесчисленные виды водяных птиц, кишевших в озерах. Поначалу эти богатства озер и болот стали удачной компенсацией бедности ацтеков; в XVI веке они продолжали питаться по большей части этими птицами, которые в определенные моменты прилетали и тучами садились на воду, устраивая гнезда в камышах и тростнике.

С другой стороны (и в этом, наверное, состоит пережиток трудных времен, когда племя с трудом выживало в болотах), мексиканцы потребляли самую разную водяную пищу: лягушек, *ашолотлей*, головастиков (*атепокатль*), пресноводных креветок (*акосильтин*), водяных мушек (*амойотль*), личинок (*аненестли*), белых червей (*окуилистак*) и даже *уаутли* — яйца, которые водяная муха (*ашайакатль*) в огромных количествах откладывала на воде и которые ели, как черную икру. Бедняки и крестьяне с берегов озера даже собирали с поверхности воды вещество, называемое *текуитлатль* («каменные испражнения»), чем-то на-

поминающее сыр, отжимали его и делали лепешки, а также ели ноздреватые гнезда личинок водяной мухи.

Это была бедняцкая пища, которая, должно быть, радовала племя, пока оно было маленьким и жалким, а теперь уже имела лишь подсобное значение для самых обездоленных. Но даже богачи и вельможи не брезговали амфибиями, некоторыми видами рептилий, например игуаной (*куакуэцпалин*), некоторыми муравьями и агавовыми червями, которые и сегодня еще считаются в Мексике деликатесом. С другой стороны, с тех пор как империя простерлась до обоих океанов, мешики научились готовить морскую рыбу, черепах, крабов, устриц.

Индейка (*тоталин*; самца называли *уэшилотль*) — птица родом из Мексики, где ее приручили в древнейшие времена. Испанцы часто называли ее «местной курицей». Она была главной домашней птицей, и в садике при каждом доме обязательно паслось несколько индюков. Простые люди ели их только по большим праздникам.

Что до собак, то речь идет об особом их виде — безволосых и коротколапых маленьких собачках, которых откармливали, чтобы употребить в пищу. Мясо собаки, несомненно, ценилось не столь высоко, как мясо индейки, ибо, сообщает нам Саагун, «в блюдах вниз клали мясо собаки, а сверху — мясо индейки, чтобы его казалось больше». Как бы то ни было, этих животных выращивали в большом количестве, и хронист Муньос Камарго заявляет, что у него самого было несколько таких собак даже спустя много лет после завоевания. Этот обычай был утрачен из-за появления европейского скота, а еще потому, что принесение собак в жертву было неразрывно связано с некоторыми языческими церемониями, и испанские власти вмешались, чтобы ему воспрепятствовать.

По аналогичным причинам испанские монахи и миссионеры боролись, причем с успехом (о котором следует пожалеть с точки зрения материального благополучия мексиканцев), с выращиванием амаранта (*уаутли*); это весьма плодovitое растение было, на их взгляд, чересчур тесно связано с туземными обрядами. Правда со-

стоит в том, что древние мексиканцы ставили почти наравне четыре питательных растения: маис (*сентли*), который почитали превыше всего, как главный источник жизни, фасоль (*этли*), амарант и шалфей*.

В «Кодексе Мендосы» показано, что города, обложенные данью, должны были каждый год предоставлять ацтекским сборщикам внушительные количества этих четырех продуктов. Из семян двух последних растений готовили каши, одновременно освежающие и питательные, — *цоалли* и *чианпинолли*; из последнего получали также масло, сродни льняному, которое использовали для живописи.

Для древних индейцев, как и для нынешних, живущих в глухих деревнях или на бесплодных землях, период засухи между двумя урожаями, июнь—июль**, был временем голода и тоски: «Тогда действительно голодали; зерновой маис стоил очень дорого, во всем была нехватка».

В Мехико правительство пыталось поправить дело, раздавая продовольствие населению во время месяца *уэй текуильуитль*. Император «являл свою благосклонность к простому народу», раздавая всем *тамали* и *атолли*. В других местах приходилось возвращаться к собирательству, к доземледельческим методам питания. Ацтеки укоряли отоми за то, что те едят поганых животных — змей, крыс и ящериц; сами же переходили на дикорастущие съедобные растения (*куилитль*): они умели распознавать и использовать невероятное их количество.

Саагун описывает множество видов таких растений, в том числе *уаукилитль* — дикий амарант, который ценили особенно высоко. Крестьянки продавали его на рынке: мать самого императора Иццоатля торговала *килит-*

* В Мезоамерике главными культурами считаются «три сестры»: кукуруза, фасоль и тыква. Только их совместное потребление обеспечивает полноценное питание и здоровый обмен веществ, восполняя даже недостаток животных белков.

** На самом деле период засухи заканчивается в мае—июне и накануне первого дождя начинается посев. Поэтому голодный период наступает, когда старые запасы съели, а новые, даже самые скороспелые, сорта еще не созрели.

лем на рынке Аскапоцалько. Несмотря на свое видимое изобилие, мексиканская природа сурова к человеку. Часто случался голод, ежегодно возникала угроза недорода, а методы ведения сельского хозяйства были слишком примитивны, чтобы противостоять чрезвычайным обстоятельствам, например налетам саранчи, набегам грызунов, особенно обильным дождям или снегопаду.

Одна из основных задач туземных правителей состояла в том, чтобы запастись в закромах достаточный резерв для борьбы с такими напастями: правители городов Тройственного союза раздали в 1450 году запасы зерна, копившиеся больше десяти лет. Несмотря на всё это, приходилось прибегать к другим источникам пропитания, животным или растительным, и в любой момент в оседлом земледельце мог проснуться бывший кочевник, занимавшийся охотой и собирательством. Недород каждый раз отбрасывал земледельческие народы Центрального плато на несколько веков назад.

Мы видели, что мексиканцы завтракали поздно утром и обедали в середине дня. Для большинства из них второй прием пищи был и последним, разве что перед сном они утоляли жажду и голод кашей из маиса, амаранта или шалфея. Но те, кто не спал, сановники или торговцы, устраивавшие праздники и пиры, ужинали обильно и зачастую всю ночь.

Для такого пира надо было заранее запастись провизией: маисом, фасолью, семенами, перцем, помидорами, приготовить 80—100 индеек, два десятка собак, 20 нош какао. Гости прибывали к полуночи. «Когда они все собирались, им давали воды, чтобы омыть руки, а затем подавали еду. Покончив с нею, они снова мыли руки и рот, потом им подавали какао и трубки. Наконец, им дарили плащи и цветы». Саагун описывает здесь пир богатых купцов. Ужин затягивался до зари, под танцы и песни, расставались поутру, выпив последнюю чашку душистого какао, отдающего ванилью и медом.

Табак, как мы видели, играл большую роль: по крайней мере, у руководящего класса и у торговцев было принято раздавать гостям после еды набитые трубки. Они были цилиндрической формы, без четко выделенной головки, из тростника (возможно, иногда из обожженной глины),

богато украшенные. Их набивали смесью табака с древесным углем и смолой ликвидамбара. Таким образом, получалось что-то вроде большой ароматической сигары, вкус которой, должно быть, сильно отличался от современной. Вне еды курили редко. Прогуливаться с трубкой в руке было признаком знатности и элегантности.

Табак широко применяли в медицине и обрядах. Его наделяли лечебными свойствами и религиозным смыслом: во время некоторых церемоний жрецы носили на спине калекану, наполненную табаком. «Светское» использование этого растения в докортесовскую эпоху не распространялось на простонародные слои.

В ходу были и другие наркотические или отравляющие средства, гораздо более эффективные: с их помощью искали либо утешения, либо пророческих видений. Хронисты, в частности, упоминают о *пейотле* — небольшом кактусе, растущем на севере Мексики, вызывающем красочные галлюцинации. «Вкушающих его, — говорит Саагун, — посещают ужасные или смешные видения, и такой дурман длится два-три дня, прежде чем рассеяться. Это растение служит пищей чичимекам, поддерживает их и придает им храбрости, чтобы не бояться ни сражений, ни жажды, ни голода, и они говорят, что оно оберегает их от всякой опасности».

Пейотль и в наши дни еще играет большую роль в обрядовой жизни индейцев с северо-запада Мексики и с юга Соединенных Штатов. Другие растения, действие которых еще предстоит изучить, тоже использовали как наркотики, например, *тланатль* (травянистое растение из семейства паслёновых) и семена *мишиитля*. Но чаще всего в литературе говорится о грибе *теонанакатль* («божественный гриб»)*, который подавали гостям в начале пиров: «Первое, что ели на этом пиру, был небольшой черный гриб, который одурманивает и вызывает видения, а также подталкивает к сладострастию. Они ели его перед рассветом... с медом, а когда разгорячились, принялись танцевать. Некоторые

* Речь идет о нескольких разновидностях галлюциногенных грибов, принадлежащих к видам *Psilocybe*, *Stropharia* и *Conocybe* и еще используемых в ритуальных целях масатеками из Оахаки.

пели, другие плакали, опьяненные этими грибами, третьи не пели, но сидели в комнатах в задумчивости. Некоторые видели, что скоро умрут, и плакали, другие представляли себя сожранными хищным зверем, третьи видели себя на поле боя, пленяющими врагов, или разбогатевшими, или хозяевами многочисленных рабов. Еще одни видели, что их уличат в прелюбодеянии и за это преступление разможат им голову, другие — что они совершат кражу и будут убиты, и еще многое другое. Когда опьянение, вызванное этими грибами, прошло, они говорили между собой о том, что видели».

Удивительнее всего в этих описаниях для нас, возможно, то, что в них никогда не говорится об алкогольных напитках. А ведь индейцы знали такой напиток — *октли*, получаемый путем брожения сока агавы и довольно похожий на сидр. Значение *октли* подтверждается важной ролью, какую играли в религии боги питья и опьянения, которых называли *Сенцон Тоточтин* («четыреста кроликов»), лунные и земные боги изобилия и урожая, а также богиня агавы-магея *Майягуэль*.

Но древние мексиканцы прекрасно осознавали опасность для самих себя и для своей цивилизации, которая заключается в алкогольном опьянении. Возможно, никогда в истории ни одной культуры перед этой опасностью не воздвигали более суровых барьеров. «Напиток, именуемый *октли*, — заявил император, обращаясь к народу после своего избрания, — есть корень и первопричина всякого зла и всякой гибели, ибо *октли* и пьянство суть причина всех раздоров и всех разногласий, бунтов и мятежей в городах и царствах. Это словно смерч, который всё разрушает и уничтожает. Это словно губительная буря, приносящая с собой все несчастья. Именно от пьянства начинаются прелюбодеяния, изнасилования, совращение юных девушек и кровосмешение, кражи, преступления, заклятия и ложные свидетельства, слухи, клевета, смута и драки. Все это вызвано *октли* и пьянством».

По мере изучения письменных источников возникает такое чувство, что индейцы, ясно осознавая собственную склонность к алкоголизму, совершенно сознательно решили бороться с этой напастью, с самими собой,

проводя невероятно суровую репрессивную политику. «Никто не пил вина (октли), только те, кто были уже стары, попивали его втайне, немного, не доходя до опьянения. Если человек показывался пьяным на людях, или если его застигали за выпивкой, или если он валялся на улице мертвецки пьян, или если ходил, распевая (песни) или в сопровождении других пьяниц, то если он был простолюдином, его наказывали, забивая до смерти, или душили на глазах у всех молодых людей (квартала) в наказание им и чтобы заставить их остерегаться пьянства. Если пьяница был знатным, его душили тайно».

Законы против публичного пьянства были жестоки: по распоряжению Несаяулькойотля, жреца, застигнутого пьяным, сановника, чиновника или посла, явившегося пьяным во дворец, наказывали смертью; сановника, напившегося «тихо», тем не менее наказывали, лишая должностей и титулов. Простолюдину, застигнутому подвыпившим, в первый раз обрывали голову на площади под шуточки толпы; во второй раз его ждала смерть, как и знатных граждан, застигнутых впервые. В данном случае мы видим крайне жестокую защитную реакцию общества на столь же непреодолимую тенденцию: время показало, что как только завоевание обрушило моральные и юридические устои мексиканской цивилизации, алкоголизм принял среди индейцев чудовищный размах.

Однако даже у такой карательной системы должен был быть «защитный клапан». *Октли* не находился под полным запретом. Старики и старухи могли его пить, в частности, по случаю некоторых праздников, и даже не было ничего страшного в том, что они опьянеют. Когда, например, праздновали «крещение» ребенка, «ночью старики и старухи собирались, чтобы выпить *октли* и опьянеть. Собираясь предаться пьянству, они ставили перед собой кувшин *октли* и виночерпий разливал его в калebasы и давал каждому по очереди... И когда видел, что гости еще не пьяны, то снова наливал им выпить в обратном порядке, начиная слева. Опьянев, они принимались петь... другие не пели, но переговаривались со смехом и отпускали остроты и громко хохотали, услышав шутку». Такое впечатление, что мексиканцы решили поступиться малым, предоставив на-

слаждаться выпивкой тем, кто уже отошел от активной жизни, и воздвигая при этом перед молодыми и зрелыми людьми преграду из жестоких наказаний.

Игры и развлечения

Заговорив о пирах, мы подошли к теме развлечений и игр. Наверное, большие официальные пиры всегда были связаны с каким-нибудь религиозным праздником или обрядом. Но были и такие, как наши свадьбы или рождественские ужины — хороший повод повеселиться среди родных и друзей. Те, у кого были средства, в первую очередь император, любили слушать за едой, или куря трубку и попивая какао на десерт, декламацию стихов или их чтение нараспев, под аккомпанемент флейт, барабанов и *тепонастли* (деревянный барабан, издававший два звука). После пира гости танцевали под ритмы этих инструментов.

Одним из излюбленных развлечений была охота. Если простые люди охотились, чтобы дополнить свой повседневный рацион или раздобыть дичи на продажу, знать охотилась просто для развлечения. В садах и парках или в полях, кишаших дичью, они стреляли птиц из духовых трубок-сарбаканов. «Мотекусома, желая развлечься, отправился с двадцатью пятью старшими мексиканцами во дворец, который был у него в Атлакуиу-айане (сегодня это Такубайа). Он один вошел в сад, чтобы позабавиться, убивая птиц из сарбакана», — пишет Тесосомок. Оружие, о котором идет речь, — сарбакан или духовая трубка с пульками из глины, с давних пор известно во всей Мексике и Мезоамерике: им пользовались полубоги майя-киче из священной книги *Пополь-Вух*. Это оружие изображено на сосуде с рельефным орнаментом из Теотиуакана.

Большие облавы обычно проходили в четырнадцатый месяц года — кечолли, посвященный богу войны Уицилопочтли и богу охоты Мишкоатлю. В десятый день этого месяца все воины Мехико и Тлателолько сходились на лесистых склонах горы Сакатепетль и проводили там ночь, укрывшись под ветвями. На следу-

ющий день на заре они выстраивались длинной цепью, «точно цельная веревка», и гнали оленей, койотов, кроликов и зайцев, а потом набрасывались на окруженных животных. Убившие оленя или койота получали подарок от императора, угощавшего всех едой и питьем. Вечером охотники возвращались в город, неся с собой трофеи в виде голов убитых животных.

Мексиканцы увлеченно предавались играм, а две игры настолько захватывали некоторых индейцев, что они проигрывали всё свое имущество и даже свободу, ибо им случалось продавать себя в рабство. Эти игры — *тлачтли* и *патолли*.

В *тлачтли* (игру в мяч) в Мексике играли с древнейших времен: поля для игры в мяч обнаружили в городах майя классической эпохи, в Эль-Тахине, Туле. Поле в Чичен-Ице на Юкатане — один из великолепнейших памятников всей Центральной Америки. В индейских кодексах часто изображались поля для игры в мяч в форме двойной буквы Т. Две команды становились по обе стороны от поперечной линии, а игра состояла в том, чтобы перебросить на поле противника тяжелый каучуковый мяч.

На боковых стенах закрепляли два резных каменных кольца, и если одной из команд удавалось забросить мяч в одно из этих колец, она тотчас становилась победителем. Совершить это удавалось крайне редко, поскольку сложность заключалась в том, что до мяча нельзя было дотрагиваться ни руками, ни ногами — только локтями, коленями и бедрами. Игроки бросались на землю, чтобы отбить мяч, или принимали на себя удар каучукового мяча, запущенного со всей силой; поэтому они, как современные регбисты или бейсболисты, надевали защиту из наколенников и кожаных фартуков, даже накладки на подбородок и полумаски, закрывавшие щеки. Руки, которые игроки в любой момент могли ободрать о землю, защищали кожаными перчатками. Несмотря на такие предосторожности, несчастные случаи были не редкостью: получив удар в верхнюю или нижнюю часть живота, некоторые игроки падали и больше уже не подымались; большинству приходилось после игры делать надрезы на бедрах, в местах кровоизлияний. Тем не

менее этой игрой увлекались необычайно страстно. Играть позволялось только представителям верхних слоев общества.

Тлачтли наверняка обладал мифологическим и религиозным значением. Считалось, что ограда игрового поля представляет собой мир, мяч — звезду, солнце или луну. Небо — это божественный *тлачтли*, где сверхъестественные существа играют в мяч со звездами. Но в повседневной и светской жизни на результаты игры заключали огромные пари, в результате чего множество одежды, перьев, золота и рабов меняло своих владельцев: эта господская забава для некоторых заканчивалась разорением и рабством.

Иштлильшочитль сообщает, что император Ашайкатль, игравший против правителя Шочимилько, даже поставил на кон рынок Мехико против сада, принадлежавшего этому вельможе. И проиграл! На следующий день мешиканские солдаты явились к чересчур удачливому игроку и, «приветствуя его и преподнося ему подарки, набросили на него цветочную гирлянду, в которой был спрятан шнурок», после чего задушили.

Патолли была игрой в кости, похожей на нашего «гуська». В «Кодексе Мальябекки» изображены четыре игрока, сидящие на земле или на циновках вокруг доски в виде креста, разделенной на клетки. Рядом с ними сидит бог Макуильшочитль — покровитель танца, музыки и игры.

В качестве костей игроки использовали фасолины, помеченные определенным количеством точек; в соответствии с числом, выпавшим при каждом броске, они могли передвигать по доске, с клетки на клетку, маленькие цветные камешки. Тот, кто первым вернется в исходную точку, выигрывал и забирал ставки.

Как и у *тлачтли*, у *патолли* было эзотерическое значение: на доске имелось пятьдесят две клетки — количество лет в гадательном и солнечном цикле. В *патолли* играют до сих пор; по меньшей мере, играли в 1925 году в некоторых общинах науа и тотонаков из Сьерра-де-Пуэбла. В противоположность аристократической игре в мяч, это была самая распространенная игра всех сословий. Страсть индейцев к азартным играм могла в ней проявиться в полную силу. Любопыт-

ная вещь: в то время как ацтекское пуританство сурово карало пьянство и призывало к воздержанию в сексуальной жизни, обуздать игру никто как будто не пытался. Гадательные книги ограничивались предупреждением тем, кто родился под определенными знаками, например *се калли* («Один-Дом»), что они станут завзятыми игроками и спустят всё свое имущество.

Ритм дня и ночи

Не имея ни хронометров, ни водяных часов, ни даже солнечных, мексиканцы не могли делить день на равные части. Однако напряженная обрядовая и общественная жизнь подразумевала существование каких-то ориентиров, которые Муньос Камарго называет «(установленными) часами и моментами для управления государством». Если верить этому хронисту, трубы и раковины звучали на вершинах храмов Глашкалы шесть раз в сутки: при восходе Венеры, в середине утра, в полдень, в середине дня, в начале ночи и в полночь. При этом такие понятия, как середина утра или дня, остаются расплывчатыми в отсутствие прибора для измерения времени; правда и то, что жрецы умели следить за движением небесных тел, ходом солнца и перемещением некоторых звезд. Так что они довольно точно могли определить промежуточные расстояния между восходом и зенитом, зенитом и закатом. По ночам они наблюдали за Венерой и созвездием Плеяд.

Согласно Саагуну, барабаны и раковины с храмов отмечали девять частей суток: четыре в дневное время, а именно восход солнца, середину утра, полдень и закат, и пять — в ночное: начало ночи (конец сумерек), час отхода ко сну, час, когда жрецы встают на молитву, «вскоре после полуночи» и «незадолго до зари». Некоторые из этих временных отрезков, таким образом, были достаточно большими, по три-четыре часа, а другие — очень короткими.

Понятия абстрактного времени, которое можно делить и высчитывать, у ацтеков не существовало. Но у дней и ночей был свой ритм, и этот ритм задавался с вершин храмов, с башен для поклонения богам и про-

ведения ритуалов. Высоты подчиняли себе пространство и организовывали жизнь людей. Хриплый звук раковин и мрачная дробь барабанов неожиданно врываются днем в шум оживленного города или в ночную тишину, отмечая собой продвижение солнца и небесных тел. На каждом из этих этапов жрецы преподносили курящийся копал солнцу или властелинам тьмы. Вероятно, такие ориентиры использовали, назначая встречи, созывая советы, открывая или закрывая судебные заседания. Храмовые музыкальные инструменты размеряли день так же, как звон колоколов в христианских общинах.

Вопреки тому, что можно было бы подумать о цивилизации, практически лишенной искусственного освещения, с наступлением ночи жизнь не замирала. Жрецы неоднократно вставали с постелей, чтобы молиться и петь, юношей из квартальных школ отправляли купаться в ледяной воде озера или источников, вельможи и купцы устраивали пиры, женщины и воины танцевали при свете факелов, торговцы украдкой скользили по озеру в своих лодках, нагруженных сокровищами, колдуны отправлялись на зловещие встречи. Полноценная ночная жизнь разворачивалась в городе, погруженном во тьму, которую то здесь, то там разрывали красноватые огоньки храмов и языки смолистых факелов.

Ночь, одновременно пугающая и манящая, была временем самых важных встреч, самых священных ритуалов, тайной любви воинов с куртизанками. Зачастую император вставал во мраке, чтобы отдать в дар богам свою кровь и помолиться. Зоркий и чуткий наблюдатель, который смог бы охватить взглядом с вершины какого-нибудь вулкана всю долину, увидел бы мерцающие там и сям огоньки и услышал бы музыку праздников, топот танцев, голоса певцов, а затем, время от времени, стук *тепонацтли* и завывания раковин. Так проходила ночь, и беспрестанно чей-нибудь взгляд был вперен в небесный свод в тревожном ожидании завтрашнего дня, который, может быть, и не наступит. Затем наступал рассвет: шум пробудившегося города перекрывал торжествующий звук жреческих инструментов, возносившийся к солнцу — «государю бирюзы, поднимающемуся орлу». Начинался новый день.

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО СМЕРТИ

Наречение имени

Когда в мексиканской семье появлялся на свет ребенок, повитуха, принимавшая роды, заменяла жреца и следила за исполнением обрядов. Именно она, обращаясь к ребенку, приветствовала его, называя «драгоценным камнем, пером кецалля», и одновременно предупреждала о превратностях и горестях жизни: «Ты явился на свет, где твои родители живут в трудах и заботах, где царят нестерпимый зной, стужа и ветер... Мы не знаем, долго ли ты проживешь среди нас... Мы не знаем, какая тебе уготована судьба». Все эти традиционные темы будут бесконечно повторяться во время последующих церемоний.

Повитуха обрезала пуповину младенца, обращаясь к нему с длинными речами. Если это был мальчик, она говорила ему: «Мой возлюбленный сын... знай же, что твой дом не здесь, где ты родился, ибо ты воин, ты птица *кечалли*, и этот дом, где ты только что появился на свет, всего лишь гнездо... Твое предназначение в том, чтобы напоить солнце кровью врагов и накормить землю Тлальтекутли их телами. Твоя страна, твое наследство, твой отец в доме солнца, на небесах». А девочке она говорила: «Ты должна быть в доме, точно сердце в теле, ты не должна выходить из дома... Ты должна быть, точно пепел в очаге». Таким образом, с первого мгновения жизни мужчина был предназначен стать воином, а женщина — Золушкой у очага.

Затем повитуха обмывала младенца, вознося молитвы богине воды Чальчиутликуэ: «Соблаговоли, богиня, чтобы его сердце и его жизнь очистились; пусть вода унесет всякую грязь, ибо это дитя вручает себя в твои руки, о Чальчиутликуэ, мать и сестра богов».

Как только о рождении ребенка узнавали в семье и квартале*, а в случае знатных семейств — даже в других городах, начинался сложный церемониал «приветствий». Старухи из числа родни торжественно благодарили повитуху, та отвечала им образной речью. Отборные ораторы, обычно старики, являлись приветствовать новорожденного, а другие старики, специально назначенные для этой цели, отвечали длинными сентенциями.

Любовь ацтеков к красноречию приходилось утолять нескончаемыми и помпезными рассуждениями о милости богов и непостижимости судьбы. Ребенка тысячи раз сравнивали с ожерельем, украшением из драгоценного камня, редкостным пером. Превозносили его мать, «уподобившуюся богине Сиуакоатль Киластли». Расхваливали славное прошлое семьи. Если отец был сановником или судьей, вспоминали о «его должностях, его большой важности и весе на судебном помосте и в управлении государством». «Господин, — говорили ему, — это вылитый ты, твой портрет: у тебя есть отпрыск, ты дал побег!» Время от времени (это была одна из фигур красноречия) оратор извинялся за то, что говорит слишком долго: «Боюсь наскучить вам и вызвать у вас головную боль и колики», после чего продолжал свою речь с новыми силами. Говорившие от лица семьи благодарили столь же велеречиво. Наконец явившиеся поприветствовать новорожденного преподносили подарки: до двадцати-сорока плащей или предметов одежды в высшем сословии или просто еду и питье у простолюдинов.

Пока шла торжественная часть, отец посылал за *тональпоуки* — гадателем, специалистом по священным книгам. Тот, получавший за свои услуги ткани, индюков

* Муньос Камарго утверждает, что родители непременно должны были сообщить о рождении ребенка своим родственникам и друзьям, иначе те обидятся.

и бесплатный обед, для начала справлялся о точном времени рождения ребенка, чтобы определить, под каким знаком он родился. Затем сверялся со своим *тонала-матлем*, чтобы найти в нем знак дня рождения и серии из тринадцати дней, к которой он относится.

Если знак дня рождения считался добрым и счастливым, гадатель мог сказать: «Ваш сын родился под добрым знаком. Он станет властителем или сановником, богатым, доблестным, воинственным, он будет смел и удачлив в бою и достигнет высоких чинов среди полководцев». Младенцу могли дать имя уже на следующий день. Но как быть, если знак дня рождения сулил беду? *Тональпоуки* тогда должен был пустить в ход всю свою изобретательность, чтобы найти в той же серии из тринадцати дней знак получше, по возможности — в один из четырех следующих дней. «Ребенок не родился под добрым знаком, — объявлял он, — но в этой серии есть приемлемый знак, который смягчит и подправит пагубное влияние главного знака». Обычно такое было возможно, поскольку знаки, сочетающиеся с числами больше десяти, всегда оказывались благоприятными, так же, как и те, что шли вместе с числом семь. В крайнем случае, дату наречения именем решались перенести на время после четырех дней, считавшихся допустимым пределом.

Церемонию «крещения» проводил не гадатель и не жрец, а повитуха. Обряд состоял из двух частей: ритуального омовения ребенка и наречения именем. Для начала готовили много пищи и питья для семейной трапезы, которая завершала крещение. Изготавливали также маленький щит, лук и четыре стрелы по числу сторон света — если младенец был мужского пола, или маленькие веретено, челнок, ларчик — если женского. Все родственники и друзья собирались в доме роженицы перед восходом солнца.

С рассветом посреди внутреннего двора или сада раскладывали символические предметы. Повитуха, держа в руках наполненный водой кувшин, обращалась к новорожденному, говоря: «О, орел, о, ягуар, храбрый воин, ты, внук мой! Вот ты и явился на свет, куда тебя прислали твои отец с матерью, великий владыка и

великая владычица. Ты был создан и порожден в твоём доме высшими божествами, великим богом и великой богиней, живущими над девятью небесами. Это Кецалькоатль вездесущий оказал тебе такую милость. А теперь соединишься с матерью твоей, богиней воды Чальчиутликуэ, Чальчиутлатонак». Смочив пальцы, она оставляла несколько капель воды на его ротике: «Пей, с этой водой ты будешь жить на земле, вырастешь и зазеленеешь; с ней мы получаем все, что нам нужно, чтобы жить на земле. Прими эту воду».

Затем она касалась мокрыми руками груди ребенка: «Вот небесная вода, вот чистейшая вода, омывающая и очищающая твоё сердце, смывающая всякую грязь. Прими её. Пусть она очистит твоё сердце». Затем она брызгала водой на голову младенца: «Пусть эта вода войдет в твоё тело, пусть живет в нём эта небесная, голубая вода!» Наконец она омывала все тело ребенка, произнося слова, отгоняющие несчастья: «Где бы ты ни был, тот, кто может навредить этому дитя, оставь его, сгинь, уйди от него, ибо теперь это дитя рождается снова, его снова слепила и породила мать наша Чальчиутликуэ».

После четырех водных обрядов повитуха четырежды представляла ребенка небу, зывая к солнцу и звездным божествам. Таким образом, структура обряда определялась священным числом. В последнюю очередь она зывала к земле, божественной супруге солнца. Взяв щит и стрелы, повитуха молила богов о том, чтобы мальчик стал храбрым воином, «чтобы он смог вступить в ваш чертог наслаждений, где отдыхают и радуются храбрецы, погибшие в бою».

Церемония «крещения» девочек походила на вышеописанную, однако ребенка не представляли солнцу, божеству мужчин и воинов; после ритуального омовения повитуха и родители совершали трогательный обряд, обращаясь к колыбели, где будет лежать девочка, и зывая к Йоальтиситль, «ночной целительнице». «Ты, мать моя, — говорили они, — прими её, о древняя богиня. Не делай ей зла, нежно опекай её».

По завершении этих обрядов ребенку выбирали имя и оглашали его.

У древних мексиканцев не было фамилий, однако некоторые имена часто передавались в семье от деда к внуку. Учитывалась и дата рождения: ребенок, родившийся в серию из тринадцати дней, определяемую знаком *се микистли*, находящимся в ведении Тескатлипоки, получал одно из прозвищ этого бога.

В некоторых племенах, в частности у миштеков, людей называли по дню рождения, зачастую добавляя к этому имени прозвище, например: «Семь-Цветок Орлиное Перо» или «Четыре-Кролик Цветочный Венок». Разнообразие мексиканских имен было очень велико. Изучая тексты, можно узнать об именах Акамапичтли (пучок тростника), Чимальпопока (дымящийся щит), Ицкоатль (обсидиановый змей), Шиукоцкатль (ожерелье из бирюзы), Куаукоатль (орел-змей), Ситлалькоатль (звездный змей), Тлакатеотль (божественный человек), Куаутлатоа (говорящий орел). Женщины часто получали изящные имена, например Матлальшочитль (зеленый цветок), Киаушочитль (дождевой цветок), Миауашиуитль (бирюза-цветок маиса), Атототль (водяная птица). Все эти имена, как и названия поселков, гор и так далее, можно было изобразить пиктограммами в рукописях.

Праздник заканчивался семейным пиром, после которого старики и старухи могли предаться выпивке и беседам.

Детство и юность, воспитание

В «Кодексе Мендосы», в серии изображений, разделенных на две колонки (слева — для мальчиков, справа — для девочек), воспроизводится картина ступенчатого воспитания мексиканских детей; оно было одной из главных забот взрослых, и к нему относились со всем вниманием и строгостью. В этой картине одновременно уточняется пищевой рацион ребенка: в три года — половина маисовой лепешки; в четыре-пять лет — целая лепешка; от шести до двенадцати лет — полторы лепешки; начиная с тринадцати лет — две лепешки. Такую «пайку» выдавали и мальчикам, и девочкам.

Как сообщается в рукописи, воспитанием мальчика от трех до пятнадцати лет занимался отец, а девочки — мать: весьма вероятно, что речь идет о семьях скромного достатка, ибо у судей или важных чиновников просто физически не было времени заниматься воспитанием детей; впрочем, мы увидим, что участие семьи в этом процессе обычно завершалось гораздо раньше.

На изображениях в «Кодексе Мендосы» показано, как детей одевали. Мальчик до тринадцати лет носил небольшой плащ, завязанный на плече, но без *машталля*: только с тринадцати лет, возмужав, он изображен в набедренной повязке. Девочка, напротив, с самого раннего возраста носила обычную сорочку и юбку — сначала короткую, а затем спускающуюся до щиколоток.

В первые годы родительское воспитание ограничивалось добрыми советами (речь изображается бирюзовым завитком перед их губами) и выполнением небольшой работы по дому. Мальчик учился носить воду, дрова, ходил с отцом на рынок и собирал зерна маиса, рассыпавшиеся по земле. Девочка смотрела, как мать прядет, но сама брала в руки веретено только в шестилетнем возрасте. С семи до четырнадцати лет мальчики учились ловить рыбу и направлять лодку по озеру, а девочки пряли хлопок, подметали дом, мололи маис на *метлатле* и, наконец, обучались работе на ткацком станке — в доколумбовой Мексике пользоваться им было не так-то просто.

Воспитание носило в основном практический характер и было очень суровым: ленивого ребенка родители беспрестанно наказывали, царапая его шипами агавы или заставляя дышать едким дымом от огня, в котором горел красный перец. Похоже, мексиканские воспитатели были сторонниками твердой руки.

Согласно «Кодексу Мендосы», в пятнадцать лет молодые люди могли поступить либо в *кальмекак* — храм или монастырь, где их поручали жрецам, либо в школу, называемую *тельпочкалли* — «дом юношей», которой заведовали учителя, избранные из числа закаленных воинов. Но в этом данный документ расходится с более надежными источниками. Похоже, чисто семейное

воспитание заканчивалось гораздо раньше. Некоторые отцы помещали своих детей в *кальмекак*, едва те научались ходить, и уж во всяком случае в школу дети поступали в шесть—девять лет.

Как мы видим, у семьи был выбор между *кальмекаком* и *тельпочкалли*. В принципе, *кальмекак* был предназначен для сыновей и дочерей сановников, но туда принимали и детей торговцев, а один из текстов Саагуна позволяет предположить, что и дети из семей простолюдинов могли туда поступить. Это предположение подтверждается тем фактом, что великих жрецов «избирали, не глядя на их происхождение, но только судя по их нравам, опыту, знанию учения и чистоте их жизни», а ведь жрецы должны были обязательно пройти обучение в *кальмекаке*.

В Мехико было несколько *кальмекаков*, каждый из которых состоял при определенном храме. Управление ими и воспитание находившихся в них юношей или девушек находились в ведении *Мешикатль Теоуацин* — «наместника» мексиканской «Церкви». Зато в каждом квартале было несколько *тельпочкалли*, которыми руководили *тельпочтлатоке* — «учителя юношей» или *ичпочтлатоке* — «учительницы девушек», светские чиновники.

В целом, «высшее» образование, получаемое в *кальмекаке*, готовило либо к жречеству, либо к исполнению высоких государственных должностей; оно было строгим и суровым. Из *тельпочкалли* выходили «средние» граждане, что, впрочем, не мешало некоторым из них достигать самых высоких чинов; в них ученики пользовались гораздо большей свободой, и обходились с ними далеко не так сурово, как в жреческой школе.

Воспитанники *кальмекака* не могли беспорядно спать всю ночь. Они вставали в темноте и отправлялись, каждый сам по себе, в горы — преподносить богам ладан и свою кровь, извлеченную из ушей и ног шипами агавы. Их заставляли соблюдать частые и строгие посты. Они должны были работать не покладая рук на храмовых землях, и за малейшую провинность их ждало суровое наказание.

В таком воспитании упор делался на самопожертвование и самоотверженности. «Послушай, сын мой, —

говорил отец мальчику, собиравшемуся поступить в жрецкую школу, — тебя не ждут почет, послушание, уважение. Ты будешь смиренным, презренным и униженным. Каждый день ты будешь срезать шипы агавы для совершения покаяния, добывать кровь из твоего тела этими шипами, купаться по ночам, даже в сильный холод... Закаляй свое тело, а когда настанет время поста, не нарушай его, стойко переноси пост и покаяние». Это была прежде всего школа самообладания, суровости к самому себе. Там также учились «хорошо говорить, приветствовать и кланяться», наконец, жрецы «обучали молодых людей всем божественным песнопениям, которые были записаны в их книгах посредством их знаков, а также индейской астрологии, толкованию снов и счету лет».

Девочек отдавали в храм с самого юного возраста — либо на определенное количество лет, либо до вступления в брак. Под руководством пожилых жриц, своих наставниц, они жили в целомудрии, учились изготавливать красивые расшитые ткани, участвовали в обрядах и несколько раз за ночь преподносили божествам ладан. Они носили звание жриц.

Совсем иной и гораздо менее суровой была жизнь других молодых людей. Мальчик, поступавший в *тельпочкалли*, конечно же выполнял тяжелую и незавидную работу, например подметал общий дом. Вместе с другими, в компании, он отправлялся рубить дрова для школы или участвовал в общественных работах: восстановлении рвов и каналов, возделывании общинных земель. Но на закате «все молодые люди отправлялись петь и танцевать в дом, называемый *куикакалько* (дом пения), и мальчик плясал с другими подростками... за полночь, те же, у кого были возлюбленные, отправлялись спать подле них».

В их воспитании уделялось мало внимания религиозным обрядам, постам и покаянию, занимавшим столь большое место в жизни воспитанников *кальмекака*. Делалось все возможное, чтобы подготовить их к войне; они с самого юного возраста общались только с закаленными воинами, восхищались их подвигами, мечтая уподобиться им. До вступления в брак они вели коллектив-

ную жизнь, оживляемую пляской и пением, а также обществом молодых женщин, *ауианиме*, которым официально разрешалось вступать с ними в любовную связь.

Эти две системы воспитания настолько различны, что в некоторых отношениях кажутся противоположными и антагонистичными. Саагун, говорящий от лица знати, бывших воспитанников *кальмекаков*, заявляет, что юноши из *тельпочкалли* «не вели добродетельную жизнь, ибо у них были любовницы, они позволяли себе легкомысленные и ироничные высказывания и говорили надменно и дерзко». Этот антагонизм проявлялся и выплескивался наружу, благодаря терпимости общественного мнения, при определенных обстоятельствах: например в месяц атемоцтли, когда юноши из *кальмекаков* и *тельпочкалли* сходились стенка на стенку в «потешных» боях.

В основе этого противостояния находится противостояние богов, ведавших каждой из систем воспитания. Богом *кальмекаков*, а также жрецов, был Кецалькоатль — божество самопожертвования и покаяния, книг, календаря и искусств, символ самоотверженности и образованности. Богом юношей был Тескатлипока, именуемый также Тельпочтли («юноша») и Йаотль («воин»), давний враг Кецалькоатля, которого он в свое время изгнал своим колдовством из земного рая — Тулы.

Отдать ребенка в *кальмекак* значило посвятить его Кецалькоатлю; поместить его в *тельпочкалли* — предназначить Тескатлипоке. Под масками этих божеств сталкивались две жизненные концепции: с одной стороны — жреческий идеал самоотречения, изучения небесных тел и знаков, созерцательной науки, целомудрия; с другой — идеал воинов, в котором упор намеренно делался на действие, сражение, коллективную жизнь, на преходящие наслаждения юности. Это одна из любопытнейших черт ацтекской цивилизации: общество, столь пылко жаждущее войны, для образования своей элиты прибегло к учению Кецалькоатля, а учение Тескатлипоки оставило более многочисленному, но менее почтенному сословию.

Углубленное исследование этого общества, несомненно, выявило бы глубокие противоречия, объясня-

ющиеся, в свою очередь, внутренними проблемами, от которых оно избавлялось от случая к случаю в обрядовой форме. А истоки этих противоречий следует искать в наложении и смешении различных культур — тольтекской, переданной оседлыми племенами с равнины, культуры кочевых племен, к которым принадлежали ацтеки, — способствовавших формированию мексиканского общества в таком виде, какой оно приняло к моменту «открытия» Америки. Дуализм, господствовавший над мышлением индейцев и в данном случае выражавшийся в противостоянии Кецалькоатля и Тескатлипоки, проявился и в самом воспитании.

Как бы то ни было, такая воспитательная система играла свою роль. Она готовила вождей, жрецов, воинов, женщин, знакомых со своими будущими обязанностями. Собственно образованию сравнительно большое место отводилось только в *кальмекаке*, где преподавали все научные знания, известные в ту эпоху в этой стране: чтение и написание пиктографических знаков, гадание, календарь, поэзия и ораторское искусство.

Нужно учитывать и тот факт, что в песнях, заученных на память, часто рассказывалось о прошлом городов, о прежних царствованиях, о войнах, и таким образом молодые люди узнавали об истории своей страны. В *тельпочкалли* песни, пляски, музыка снабжали будущих воинов довольно скудным багажом знаний. В остальном целью мексиканского воспитания в обоих случаях было сформировать железную волю, сильное тело, преданность общему делу. Стоицизм, который ацтеки проявляли в страшнейших испытаниях, доказывает, что такое воспитание достигало своей цели.

Наконец, хотя вся система подразделялась на две явно отличные друг от друга ветви, следует заметить, что такое разделение не возводило непреодолимых преград перед бедными или худородными молодыми людьми, поскольку простолюдины, окончившие народную школу, могли добиться самых высоких должностей, например стать *тлакочкалькатлем*. А сыновья таких простолюдинов, ставших сановниками, получили доступ в элитные школы.

Примечательно, что в ту эпоху у индейцев данной части Америки было принято всеобщее образование: любой мексиканский ребенок в XVI веке, каково бы ни было его социальное происхождение, обязательно ходил в школу. Достаточно сравнить эту ситуацию с классической античностью или Средневековьем, чтобы увидеть, с каким тщанием мексиканская цивилизация, несмотря на свои ограничения, подходила к обучению молодежи и воспитанию граждан.

Вступление в брак и семейная жизнь

Юноша мог жениться, достигнув двадцатилетнего возраста, и большинство мексиканцев вступали в брак в двадцать-двадцать два года. Только высшие сановники и правители, как, например, правитель Тескоко Несауалькойотль, могли долгие годы жить с наложницами, прежде чем жениться официально. Вступление в брак считалось прежде всего делом обеих семей, а не личностей; по меньшей мере, таковы были традиционные представления. Однако вероятно, что молодые люди могли как минимум высказать своим родителям собственные соображения по этому поводу.

Чтобы перейти от холостяцкой жизни к положению женатого, то есть по-настоящему взрослого человека, первым делом надо было отучиться в *кальмекаке* или *тельпочкалли* и получить разрешение учителей, под началом которых юноша провел столько лет. Семья была обязана устроить пир, чтобы испросить и получить такое разрешение.

Тельпочтлатоке приглашали на ужин — настолько роскошный, насколько только позволяли средства семьи. Готовили *тамалес*, разнообразные рагу, какао. Учителя наслаждались едой, потом курили предложенные им трубки. Затем, воспользовавшись благодушным настроением гостей после хорошего ужина, отец молодого человека, старики по отцовской линии и квартальные советники торжественно приносили топор из отшлифованного камня и, обращаясь к учителям, держали такую речь: «Господа, присутствующие здесь учи-

теля юношей, не огорчайтесь, если ваш брат, наш сын, пожелает покинуть ваше общество. Он хочет теперь взять себе жену. Вот топор: это знак того, что сей юноша хочет расстаться с вами по нашему мексиканскому обычаю. Возьмите его и отпустите нашего сына». На это один *тельпочтлато* отвечал: «Мы все слышали, так же, как и юноши, с которыми воспитывался ваш сын, что вы решили его женить и что отныне он покидает нас навсегда; да будет так, как вы хотите». Учителя брали топор (этот символический жест означал, что молодого человека забирают из школы) и церемонно покидали дом, как рассказывает Саагун.

Само собой, всё это было предусмотрено заранее: ужин, просьба и ответ, но это был лишний повод проявить индейский формализм, пристрастие к установленным обычаям поступкам и словам. По словам Мотольиньи, *тельпочтлато* не расставался со своими учениками, не прочитав им нотацию, в которой «призывал их вести себя, как добрые слуги богов, не забывать о том, чему они научились в школе, и, поскольку они собирались жениться и основать семью, работать, как подобает мужчинам, чтобы прокормить и содержать свое семейство... Он говорил им также, что в военное время они должны поступать как храбрые и доблестные воины». Что же до девочек, «их тоже не оставляли без советов и наставлений; напротив, к ним обращались с длинными увещеваниями, особенно к дочерям господ и сановников». В своей жизни, говорили им, они должны следовать трем главным заветам: служить богам; хранить свою честь; любить, уважать своего мужа и угождать ему. «Хоть мексиканцы и были неверными, — добавляет миссионер, — у них всё же были хорошие обычаи».

После того как родители молодого человека выбирали ему будущую супругу (предварительно посоветовавшись с гадалками о предзнаменованиях, заключенных в знаках, под которыми родились жених и невеста), на сцену выходили *сиуатланке* — старухи, служившие посредницами между двумя семьями. Ничего не предпринималось напрямую. Эти матроны должны были навестить родителей девушки и «велеречиво,

в цветистых выражениях» изложить цель своего посещения. Обычай требовал, чтобы в первый раз им ответили вежливым отказом и смиренными извинениями: девушка, мол, еще слишком молода, чтобы выйти замуж, она недостойна соискателя.

Однако все прекрасно знали, как это понимать: старухи спокойно являлись снова на следующий день или несколько дней спустя, и в конце концов родители говорили: «Уж не знаем, как этот юноша может настолько заблуждаться, ведь наша дочь никуда не годна, да и дурочка. Но раз уж вы так настаиваете, нам нужно будет поговорить об этом всем вместе, с дядюшками и тетюшками, родственниками и родственницами нашего дитя, да и ее следует поставить в известность. Так что приходите завтра, и мы покончим с этим делом».

После семейного совета, заручившись одобрением всей родни, родственницам молодого человека наконец сообщали о согласии семьи девушки. Оставалось только назначить день свадьбы: для этого снова советовались с гадалками, чтобы брак был заключен под благоприятным знаком, например, *акатль* (тростник), *осаматли* (обезьяна), *синактли* (морское чудовище), *куаутли* (орел), *калли* (дом). И нужно было еще приготовить блюда, какао, цветы и трубки для свадебного пира. «*Тамали* готовили всю ночь и весь день, и так два-три дня, почти не оставляя времени на сон». Свадьба была важным делом, если только у семьи имелись хоть какие-то средства и запросы. Приглашали всех родственников, друзей, бывших учителей жениха и невесты, «официальных лиц» квартала или города.

Сама брачная церемония проходила в доме молодого человека с наступлением ночи. В предшествующий день веселились у невесты. В полдень устраивали большой обед, старики пили *октли*, замужние женщины приносили подарки. Днем невеста купалась и мыла голову. Ей украшали руки и ноги красными перьями и окрашивали лицо в светло-желтый цвет *текосауитлем*. Убранная таким образом, она садилась подле очага на помост, покрытый циновками, и старики из семьи жениха являлись к ней, чтобы церемонно ее приветствовать. «Дочь моя, — говорили они, — ты оказываешь

честь нам, старикам и старухам, твоим родственникам. Теперь ты стала женщиной, ты уже не дитя, а начинаешь быть взрослой. Бедная малышка! Тебе придется разлучиться с отцом и матерью. О дочь наша, мы приветствуем тебя в нашей семье и желаем тебе благополучия».

А невеста отвечала (только представьте себе взволнованную, дрожащую девушку, приученную воспитанием скрывать свои чувства и выказывать спокойствие, украшенную перьями и цветами, накрашенную, наряженную в разноцветные расшитые одежды): «Ваше сердце было добро ко мне, сказанные вами слова для меня драгоценны; вы говорили со мной и давали советы, как настоящие отец и мать. Я благодарна вам за всё то добро, что вы мне сделали».

К ночи составлялось шествие, чтобы отнести невесту в ее новый дом. Во главе его выступали родители молодого человека — «много почтенных старых женщин и матрон», а за ними следовала невеста; одна из старух несла ее на спине, а если та была из знатной семьи, то отправлялась в свое новое жилище в носилках, на плечах двух носильщиков. Девушки из квартала, родственники невесты и ее незамужние подружки сопровождали ее двумя чередами, с факелами в руках.

Веселая процессия вилась по улицам под песни и восклицания, между двумя рядами зевак, которые кричали: «Счастливая девушка!» — до самого дома жениха. Тот выходил ей навстречу. В руке он держал кадило, и когда девушка подходила к порогу, ей тоже давали кадило: молодые люди одаривали друг друга ладаном в знак взаимного уважения, и все входили в дом, распевая и танцуя.

Свадебный обряд справляли подле очага. Сидя рядом на циновках, жених и невеста сначала получали подарки. Мать девушки дарила будущему зятю мужскую одежду, мать юноши преподносила невесте сорочку и юбку. Затем *сиуатланке* связывали вместе плащ юноши и сорочку девушки: с этого момента они становились супругами, и первым делом должны были разделить между собой блюдо с *тамаями* — каждый подносил другому своей рукой маисовые пирожки.

До этого момента гости выражали свою радость песнями и плясками, после — набрасывались на заготовленную провизию, а все, кому возраст давал на это право, напивались вусмерть. Между тем супруги, удалившись в спальню, четыре дня молились там, не скрепляя свой союз физически. Всё это время они выходили из спальни лишь в полдень и в полночь, чтобы подложить ладана на семейный алтарь. На четвертую ночь им готовили ложе из циновок, между которыми вкладывали перья и кусок нефрита — вероятно, символизирующий детей, которым предстояло родиться: их всегда называли «богатыми перьями» и «драгоценными камнями». На пятый день они мылись в *темаскалли*, и жрец приходил благословить их, окропив освященной водой.

В семьях сановников церемония пятого дня была почти такой же продуманной, как и свадебная: родители благословляли новобрачных четырежды водой и четырежды *октли*. Молодая супруга украшала голову белыми перьями, ноги и руки — цветными, снова обменивались подарками, и новый пир, устроенный для обеих семей и их друзей, был поводом повеселиться, потанцевать, попеть и выпить. У простолюдинов торжества проходили скромнее и обходились не так дорого, однако их общий порядок был точно таким же, как мы описали.

По крайней мере, таков был идеал, к которому стремились. На практике случалось, что влюбленная пара не спрашивала разрешения родителей и соединялась тайно. Чаще всего, похоже, так поступали простолюдины, не желавшие ждать, пока соберут всё необходимое для подарков, пиров и т. д. По прошествии некоторого времени, скопив всё, что нужно, чтобы пригласить родственников с обеих сторон, молодой человек отправлялся к родителям жены и говорил им: «Я признаю свою вину... мы были неправы, соединившись без вашего согласия... Вы, наверное, сильно удивляетесь, не видя больше вашей дочери (*sic*). Но мы решили жить вместе, как супруги, по взаимному согласию и теперь хотим попытаться жить как подобает и работать ради нас и наших детей: простите нас и дайте свое благосло-

вание». Родители соглашались и «устраивали торжества и празднества по мере своих скудных средств».

В таких условиях и с такими обрядами мужчина женился на своей главной жене. Отпраздновать свадьбу он мог только с одной женщиной, однако ему позволялось иметь столько второстепенных жен, сколько ему требовалось. Матримониальная система мексиканцев представляет собой компромисс между моногамией и полигамией: только одна «законная» супруга (это выражение часто используют хронисты), с которой играли свадьбу, совершив все вышеописанные церемонии, но бесконечное количество официальных сожительниц, имеющих свое место у очага, в положении которых не было ничего, достойного насмешки или презрения.

Историк Овьедо передает свой разговор с испанцем Хуаном Кано, третьим мужем доньи Исабель Монтесумы, дочери императора Мотекусомы II:

«Вопрос: Мне говорили, что у Монтесумы было сто пятьдесят сыновей и дочерей... Как же вы можете считать донью Исабель, вашу супругу, законной дочерью Монтесумы и каким образом ваш тесть различал своих законных и незаконных детей, своих законных жен и сожительниц?»

Ответ дона Хуана Кано: У мексиканцев, вступающих в законный брак, был следующий обычай: край сорочки невесты связывали с хлопчатобумажным плащом на женихе... Те, кто женился без этой церемонии, не считались супругами, а дети от таких союзов были незаконными и не получали наследства».

«У правителя (Тескоко) было столько жен, сколько пожелает, всякого рода — высокого и низкого, но только одна из всех была законной», — пишет индейский хронист Помар. Все тексты в этом сходятся: например, Иштлильшочитль говорит, что в обычае правителей было «иметь одну законную жену, от которой мог родиться их преемник». Неизвестный конкистадор также говорит о том, что «у индейцев много жен — столько, сколько они могут прокормить, как у мавров... но одна стоит надо всеми прочими, а ее дети получают наследство за счет своих кровных братьев». Муньос Камарго уточняет, что законная жена отдавала приказания со-

жительницам своего мужа и даже сама наряжала и прихорашивала ту, кого избирал ее муж, «дабы спать рядом с нею».

Несомненно, полуварварские племена с севера придерживались моногамии, о чем свидетельствуют все описания их жизни. Полигамия, вероятно, сохранялась у оседлых племен центральной долины (бывших тольтеков) и всё шире проникала в нравы по мере повышения уровня жизни, особенно среди правителей и руководящей верхушки. У них были сотни и тысячи «жен» (у правителя Тескоко Несауальпилли — более двух тысяч) и установился обычай скреплять союзы между городами обменом женами, принадлежащими к разным династиям.

Термины «законность» или «незаконность», пришедшие после испанского завоевания под влиянием европейских представлений, не должны сбивать нас с толку: никакое пятно не лежало на статусе второстепенных жен или их детей. В принципе, надо полагать, только сыновья главной жены наследовали своему отцу, но в литературе полно противоположных примеров: взять хотя бы самый известный — императора Ицкоатля, сына наложницы очень скромного происхождения. Во всяком случае, дети от второстепенных жен всегда считались *тилли* и, если были того достойны, получали самые высокие должности. Было бы полнейшим заблуждением видеть в них «побочных детей», «бастардов» в том смысле, какой вкладывается в это понятие в нашем мире.

Хотя теоретически полигамия допускалась и не вызвала проблем, на деле ревность между женами одного мужа и соперничество между его детьми имели разрушительные последствия. Наложницы порой пытались интригами вбить клин между мужем и детьми главной жены. Так, фаворитке Несауалькойотля удалось навлечь беду на голову юного Тецаупильцинтли, «чудесного принца».

Он, сын правителя и его главной жены, «был наделен всеми дарами, какими только природа может награждать славного государя. Он был превосходного нрава и, не доставив большого труда своим наставни-

кам и учителям, достиг совершенства во всем: достойный философ, поэт и первостатейный воин, причем весьма умелый во всех ремеслах, — сообщает Иштлильшочитль. — Один принц, незаконнорожденный сын правителя, выточил из драгоценного камня птицу настолько искусно, что она казалась живой, и пожелал преподнести это сокровище своему отцу. Тот возрадовался, увидав драгоценность, и захотел подарить ее своему сыну принцу Тецаупильцинтли, которого безгранично любил».

Кто бы мог подумать, что эта милая семейная сцена перерастет в драму? Однако так и случилось. Ибо сын наложницы по совету матери сказал королю, что «принц дал ему весьма дурной ответ, наводящий на подозрения о том, что он намерен поднять восстание против своего отца: он заявил, что ему нет дела до ремесел, которыми занимается принц, выточивший драгоценность, поскольку его занимают военные дела, и что он собирается забрать власть над миром и, если возможно, стать выше своего отца; и с такими речами он показал склад, полный оружия».

Правитель взволновался, услышав такие новости, и отправил одного из надежных чиновников к своему сыну: посланец увидел, что отведенный ему дворец действительно со всех сторон украшен оружием. Посоветовавшись с союзниками — правителями Мехико и Тлакопана, Несауалькойотль попросил их пойти к его сыну и выбрать его, чтобы наставить на путь истинный. Но оба монарха, которые, возможно, только обрадовались бы ослаблению соседней династии, «отправились во дворец принца, якобы чтобы навестить его и посмотреть на возводимые им постройки, и сопровождавшие их чиновники, делая вид, что надевают ему на шею цветочную гирлянду, задушили его... Когда король узнал о смерти принца, которого нежно любил, то принялся горько плакать, сетуя на суровость обоих королев... Он провел несколько дней в лесах, печальный и удрученный, плача над своим горем, ибо у него не было другого законного сына, чтобы сменить его во главе королевства, хотя от наложниц у него было шестьдесят сыновей и пятьдесят семь дочерей; большинство маль-

чиков стали знаменитыми воинами, а девочки вышли замуж за вельмож его двора или в Мехико и Тлакопане, и как тем, так и другим он отдал многие земли, поселки и поместья».

Впрочем, над семьей правителя Тескоко словно тяготел какой-то злой рок. Так случилось, что преемник Несауалькойотля Несауальпилли тоже дал согласие на смерть своего сына. Его старший отпрыск Уэшоцинкацин, «помимо других талантов и природных дарований, коими он был наделен, являлся выдающимся философом и поэтом; так, он сочинил сатиру в адрес госпожи Тулы, любимой наложницы своего отца. Та сама была очень искусна в поэзии: они начали обмениваться ответами, и принца заподозрили в том, что он ухаживает за фавориткой. Дело передали в суд, и поскольку по закону это считалось изменой правителю и каралось смертью, то хотя отец и любил его бесконечно, приговор пришлось привести в исполнение».

Заметим попутно, что эта дворцовая драма была одной из отдаленных причин падения мексиканской империи: в самом деле, поскольку утвержденный наследник Несауальпилли умер при таких обстоятельствах, наследование трона Тескоко вызвало ожесточенные споры между несколькими кровными братьями, и один из них, Иштлильшочитль, с досады перешел на службу к испанцам вместе со своими сторонниками и войсками.

«Госпожа из Тулы», вольно или невольно вызвавшая трагическую смерть Уэшоцинкацина, была совершенным образцом фаворитки мексиканского вельможи. Настолько же образованная, как и красивая (хотя она была всего лишь дочерью торговца), она соперничала с королем и вельможами в познаниях и поэтическом искусстве. Она была окружена своего рода двором, жила во дворце, выстроенном специально для нее, и «держала короля в своей власти».

И у главных, и у второстепенных жен было много детей, и полигамные семьи становились невероятно велики. У Несауальпилли было сто сорок четыре сына и дочери, из них одиннадцать — от его главной жены. В «Хронике Мешикайотль» перечислены двадцать два

ребенка Ашайякатля, двадцать — Ауисотля, девятнадцать — Мотекусомы. *Сиуакоатль* Тлакаэлельцин, главный имперский сановник при Мотекусоме I, сначала женился на благородной девушке, дочери Амекамеки, от которой имел пятерых детей, а затем взял еще двенадцать жен, каждая из которых подарила ему сына или дочь, однако, говорится в тексте, «другие мексиканцы утверждают, что Тлакаэлельцин Уэуэ Сиуакоатль породил восемьдесят трех детей».

Разумеется, только сановники и богачи могли нести расходы на содержание таких семей. Но даже ограничиваясь привилегированным сословием, полигамия способствовала ускоренному демографическому развитию и уравновешивала последствия частых войн. Многие мужчины погибали на поле битвы или были принесены в жертву, прежде чем успевали жениться или, во всяком случае, породить многочисленных детей. В списках имен, приводимых в некоторых хрониках, пометка «погиб в бою с Уэшоцинко», «погиб в бою при Атлиско» звучит постоянным мрачным лейтмотивом. Вдовы либо оставались одни, либо снова выходили замуж (случалось, что вдова выходила за раба своего мужа и делала его своим управляющим), либо становились сожительницами одного из братьев покойного.

Мужчина был бесспорным главой семьи, в которой царил патриархат. Муж должен был одинаково относиться ко всем своим женам, однако бывало, что плохой муж подвергал одну из них, в особенности главную, всякого рода унижениям. Такое поведение общественность сурово осуждала. Правитель Тлателолько Мокиуиштли женился на сестре мексиканского императора Ашайякатля, принцессе Чальчиуненецин. Однако у нее дурно пахло изо рта, к тому же она была худышкой, как говорится, «не за что подержаться», и поэтому муж не желал ее видеть. «Все подарки, которые присылал для нее ее брат Ашайякатль, он раздавал своим второстепенным женам. Принцесса Чальчиуненецин сильно страдала: ее заставляли спать в углу, у стенки, рядом с *метлатлем*, укрывшись одним лишь грубым и рваным плащом. И Мокиуиштли не желал

спать с ней и проводил ночи только с наложницами, очень красивыми женщинами, ибо благородная Чальчиуненецин была не упитанной, а очень худой, костлявой, безгрудой, поэтому Мокиуйшти не любил ее и дурно с нею обращался. В конце концов об этом узнали. Император Ашайякатль сильно разгневался, так началась война (между Мехико и Тлателолько). Вот почему можно сказать, что Тлателолько погиб из-за наложниц», — заключает «Хроника Мешикайотль».

Однако не стоит представлять себе мексиканскую женщину как неизменный «номер два». В обществе, где главенствовал мужчина, она тем не менее была не такой уж безликой, как кажется на первый взгляд. В древние времена женщины обладали высшей властью, например в Туле, и похоже, что монархия в самом Мехико была основана женщиной — Иланкуэитль. Именно через женщин, по крайней мере, поначалу передавалась «королевская» кровь: Иланкуэитль перенесла в Мехико тольтекскую династию Колуакана, что позволило ацтекам заявлять о том, что они происходят из славного рода Кецалькоатля.

В более поздние времена некий простолюдин самого низкого происхождения сделался *тлатоани* целой провинции, став супругом дочери императора Ицкоатля. Несомненно, с течением времени власть мужчин усилилась, а женщину старались запереть в четырех стенах, у домашнего очага. Но у нее было свое имущество, она могла вести дела, доверяя товары странствующим торговцам, или иметь профессию: быть жрицей, повитухой, целительницей, причем тогда она пользовалась большой независимостью. *Аушаниме*, которых испанские хронисты частенько представляют проститутками, хотя и уточняя, что они «отдавались даром», занимались не только признанным, но и уважаемым ремеслом: во время религиозных церемоний им отводилось место рядом с молодыми воинами, сожителями которых они были.

Определенный антагонизм между полами проявляется в некоторых обычаях. В одном случае мальчишки и юноши нападали на улице на женщин, лупя их мешками (и порой получали за это хорошую взбучку), в

другом — молодые девушки осыпали насмешками и едкой бранью неотесанных юных воинов.

Во время праздников месяца *уэй тосостли* девушки устраивали шествие, раскрасив свои лица, руки и ноги, украсив себя перьями и священными початками маиса, и если какой-нибудь юноша отваживался с ними заговорить, они насмеялись над ним, крича: «Глядите-ка, нестриженный (то есть еще ни разу не сражался), а разговаривает! Да умеешь ли ты говорить? Лучше сделал бы, что полагается, чтобы тебе остригли твои длинные пряди, лохматый! Или же ты женщина, как и я?» Тогда мальчишки хорохорились, отвечая с напускной грубостью: «Иди, вымажи брюхо грязью! Поваляйся в пыли!» Но между собой смущенные юноши говорили: «Слова женщин жестоки, обидны, они разрывают нам сердце. Пойдемте вступим в войско. Возможно, друзья, мы получим награду».

Старые женщины, вышедшие из возраста подчинения мужу, зачастую вдовы, окруженные уважением, которым даже позволялось, как и старикам, время от времени осушить несколько чашек *октли*, пользовались большой независимостью. Из текстов видно, что они часто помогали своим дочерям или родственницам и благочестиво, старательно участвовали в бесчисленных церемониях, где им отводилась особая роль. Они говорили начистоту и за словом в карман не лезли. Матроны, «свахи» ходили по домам, где отмечали семейные праздники, держали речи и занимали свое место за столом. В стране, где старость сама по себе предоставляла определенные права, перед пожилыми женщинами заискивали, к их мнению прислушивались — хотя бы только в квартале, где они жили.

Ведя жизнь супруги и матери, то есть примерно с двадцати до пятидесяти лет, мексиканка, по меньшей мере в бедных и средних кругах, крутилась как белка в колесе. Фаворитки правителей могли заниматься поэзией, но в целом индианке было некогда присесть, разрываясь между детьми, кухней, ткачеством и бесчисленными домашними работами. В сельской местности она выполняла свою долю полевых работ и даже в городе должна была заботиться о птичнике.

Трудно сказать, насколько распространены были супружеские измены. Крайняя суровость наказаний, частые ссылки в литературе на казнь провинившихся указывают на то (примерно как и в случае с пьянством), что общество осознавало серьезную опасность, заключающуюся в прелюбодеянии, и принимало против нее жестокие меры. Супружеская измена означала смерть для обоих партнеров. Их убивали, размозжив им голову камнями; правда, женщину перед этим удушали. Даже самые высокопоставленные сановники не могли избежать этой кары. Однако закон, при всей своей суровости, требовал, чтобы преступление было доказано: свидетельство одного только мужа считалось недействительным; требовалось, чтобы его слова подтвердили непредвзятые свидетели, и муж, убивший свою жену, даже если застал ее на месте преступления, тоже подвергался высшей мере наказания.

Возможно, самый известный и самый драматичный случай супружеской измены в истории древней Мексики тоже произошел в семье правителя Тескоко. Среди второстепенных жен Несауальпилли была дочь ацтекского императора Ашайкатля. Эта принцесса, хотя и была еще почти ребенком, «была настолько порочна и одержима дьяволом, что, увидев, что живет одна в своих покоях, окруженная людьми, которые ей служили и почитали ее благодаря ее славному имени (кстати, Иштлильшочитль уточняет, что у нее было не менее двух тысяч слуг), она начала предаваться всяческому бесчинству».

Она дошла до того, что если ей на глаза попадался молодой человек приятного вида и элегантно одетый, соответствующий ее пристрастиям и склонностям, она тайно отдавала приказания, чтобы он наслаждался ее благосклонностью. Утолив свои желания, она приказывала его убить и изготовить статую, похожую на него. Она обряжала эту статую в богатые одежды и украшения из золота и драгоценных камней и ставила ее в гостиной, где обычно находилась. Там было столько статуй тех, кого она велела умертвить, что они обступали почти всю комнату. Когда король приходил к ней и спрашивал, что означают сии статуи, она отвечала, что

это ее боги. Он верил ей, зная, насколько мешки набожны и привержены к своим ложным богам».

Однако случай раскрыл тайну ацтекской принцессы. Она совершила оплошность, преподнеся в подарок одному из своих любовников (который почему-то был еще жив) драгоценность, подаренную ей мужем. Охваченный подозрениями, Несауальпилли однажды ночью явился в жилище своей юной жены. «Матроны и слуги сказали ему, что она спит, в надежде, что правитель уйдет восвояси, как поступал ранее. Но он, не доверяя им, вошел в спальню, чтобы ее разбудить. Там он обнаружил только статую, лежащую на постели и с париком на голове». Принцесса же в это время пировала с тремя высокородными кавалерами.

Всех четверых приговорили к смерти и казнили в присутствии огромной толпы, равно как и множество соучастников в супружеской измене и убийствах. Эти события сильно осложнили отношения между правящей династией Тескоко и императорской семьей из Мехико, которая, скрыв досаду, все же не простила союзному правителю казни ацтекской принцессы.

В древней Мексике редко поднимался вопрос о разводе. Поводом для расторжения брака мог стать переезд жены или мужа в другой дом. Суд мог позволить мужчине развестись с женой, если тому удавалось доказать, что она бесплодна или открыто пренебрегает своими домашними обязанностями. Со своей стороны, жена могла пожаловаться на мужа и добиться решения в свою пользу, если его уличали, например, в том, что он бил ее, не обеспечивал всем необходимым или не занимался детьми. В этом случае суд отдавал детей матери, а имущество разведенной пары делилось поровну между бывшими супругами. Разведенная женщина могла снова выйти замуж, за кого хочет.

Сопровождалось ли вступление в брак всякого рода несчастьями или нет, оно знаменовало собой вступление мексиканца в общество взрослых людей. «Как только они (молодые люди) вступали в брак, их вносили в реестр вместе с другими семьями... и хотя страна была весьма населена и кишела людьми, в расчет принимались все», — сообщает Сурита. Женатый мужчина

имел право на клочок земли из владений его *кальпулли*, на участие в возможной раздаче продовольствия или одежды. Это был полноправный гражданин, и уважение, которым он пользовался в своем квартале, во многом определялось тем, насколько достойной была его семейная жизнь и насколько ответственно он подходил к воспитанию своих детей.

Несмотря на панцирь формализма, прикрывавший отношения внутри семьи, нет сомнений в том, что мексиканцы нежно любили своих детей. *Нотильце, нокуске, нокецале* — «дорогой мой сын, сокровище мое, мое драгоценное перо»: так отец обращался к своему сыну. Когда женщина беременела, обе семьи бурно выражали свою радость по этому поводу и устраивали торжества, на которые приглашали родню и руководство квартала или города.

После пира, пока гости курили трубки, один из стариков брал слово от имени будущего отца и обращался к почетным гостям: «Родственники и господа, хочу обратиться к вам с несколькими безыскусными и простыми словами, раз уж вы собрались здесь по воле бога нашего *Йоалли Эйекатля* (“ночной ветер” — одно из имен Тескатлипоки), который вездесущ. Это он до сих пор даровал вам жизнь — вам, нашей отраде и защите, вам, кто словно *почотль*, дающий много тени, и *ауэуэтли*, дающий приют зверям под своими ветвями. Так же и вы, господа, защита и опора сирых и малых, живущих в горах и степях. Вы защищаете бедных солдат и воинов, считающих вас своим благом и утешением. Наверняка вы изнемогаете от трудов и забот, мы доставляем вам мытарства и беды... Послушайте, господа, и вы все, старики и старухи, седые головы: знайте, что наш бог в милосердии своем пожелал даровать (здесь называлось имя беременной женщины), недавно вышедшей замуж, драгоценный камень, роскошное перо».

Оратор ударялся в долгие подробности, напоминая об умерших предках, «покоящихся в пещерах, в водах, в подземном мире». После него брали слово: второй оратор от имени родителей; один из почетных гостей, обращавшийся к молодой женщине, сравнивая ее с куском нефрита и сапфиром и напоминая ей, что

жизнь, которую она носит в себе, происходит от божественной четы Ометекутли-Омесиуатль; затем отец и мать женщины и, наконец, она сама, благодарившая присутствующих и спрашивавшая себя, заслужила ли она счастье иметь ребенка. В ее словах, в этих устойчивых оборотах звучит нотка неуверенности, тоски перед будущим, столь часто пронзающей душу ацтека.

Беременная женщина подпадала под покровительство богинь размножения и здоровья: Тетеоиннан, матери богов, покровительницы повитух, которую также называли Темаскальтеси («бабушка паровой бани»), а также Айопечтли, или Айопечкатль — скромного женского божества родов. Нам известен текст одной молитвы, настоящего заговора, который распевали, взывая к этой богине:

В доме богини, сидящей на черепахе*,
Разродилась беременная,
Там в доме рождаются дети.
Там, где дом богини, сидящей на черепахе,
Там родилось ожерелье жемчужин, прекрасное перо.
Вот идет младенец к жизни, вот он рождается!
Иди сюда, иди!
Иди сюда, только что родившийся, иди!
Иди сюда, иди сюда, о, младенец,
о, ожерелье жемчужин, прекрасное перо!

По меньшей мере, в семьях высшего сословия молодая женщина задолго до рождения ребенка получала хороший уход. Ей подбирали повитуху, к которой торжественно отправлялись престарелые родственники, чтобы нанять ее к будущей матери. Дав согласие (не без того чтобы поначалу возразить, что она всего лишь «несчастливая, глупая и безмозглая старуха»), повитуха сразу отправлялась к своей подопечной и разводила огонь, чтобы приготовить паровую баню. Она заходила с женщиной в *темаскалли*, следя за тем, чтобы воз-

* Черепаха здесь обозначает зодиакальное созвездие (Близнецы), откуда, как считалось, приходят души умерших для возрождения в младенцах. Эти представления восходят к астрономическим знаниям и зодиаку мая, который ацтеки уже почти не понимали, а использовали как «эзотерический язык жрецов».

дух не оказался слишком горячим, и ощупывала живот клиентки, чтобы узнать, в каком положении находится ребенок.

Затем она давала свои наставления: женщина должна воздержаться от жевания *циктли*, а то небо и десны ребенка воспалятся и он не сможет кушать; она не должна ни гневаться, ни пугаться, и ближайших родственников предупреждали, чтобы те давали ей всё, что она ни попросит. Если она будет смотреть на красные предметы, ребенок родится «наперекосяк». Если она будет выходить из дому по ночам, ей нужно насыпать немного пепла за сорочку или за пояс, иначе ее могут испугать призраки. Если она будет смотреть на небо во время затмения, ребенок родится с «заячьей губой», разве что мать догадается сунуть под одежду, ближе к телу, обсидиановый нож. Говорили также, что, если отец, выйдя ночью из дому, увидит призрака, у ребенка будет больное сердце. Короче, всё время перед родами мать и даже отец были опутаны сетью традиционных запретов и наставлений, способных, как считалось, уберечь дитя от бед.

Сами роды проходили под исключительным руководством повитухи, которая распорядилась домочадцами, готовила пищу и баню, массировала живот пациентки. Если роды затягивались, женщине давали выпить настой *сиуанатли* (*Montanoa tomentosa*)*, вызывавший сильные схватки; если это снадобье не возымело действия, прибегали к крайнему способу — напитуку из воды с растворенным в ней кусочком хвоста *тлакуацина* (опоссума или двуутробки). Считалось, что у этого питья есть свойство вызывать немедленные и даже стремительные роды**.

* Современные наблюдения показывают, что это растение действительно обладает теми свойствами, какие ему приписывали древние мексиканцы.

** «Хвост этого небольшого животного очень целебен, — пишет Саагун. — Рожаящие женщины, выпив чуть-чуть, тотчас разрешаются от бремени... Если кто-нибудь съест косточку или хвост *тлакуацина*, пусть даже собака или кошка, то тотчас исторгнет из себя все кишки». Тлакуацин — это сумчатое животное, разновидность опоссума. «Три Опоссума» — так называлось созвездие Пояс Ориона, которое в астрономии майя «примыкало» к зодиакальному кругу, нахо-

Если баня, массаж, снадобья не давали результата, повитуха запиралась в комнате вместе с пациенткой. Она взывала к богиням, в особенности к Сиуакоатль и Килацтли. Если она замечала, что ребенок умер в утробе матери, то вооружалась кремневым ножом и разрезала зародыш на куски.

Женщина, умершая родами, недвусмысленно уподоблялась воину, погибшему в бою или на жертвенном алтаре. «После смерти ее тело обмывали, намыливая голову, и одевали ее в самую лучшую и новую одежду, какая у нее была, — рассказывает Саагун. — Муж нес ее на спине до того самого места, где ее должны были похоронить. Волосы покойной были распущены. Все повитухи и старухи собирались вместе, чтобы идти за телом; они держали в руках щиты и мечи и издавали крики, точно солдаты в момент атаки. Юноши, коих называют *тельпопочтин* (воспитанники *тельпочкалли*), выходили им навстречу и сражались с ними, пытаясь отнять у них тело женщины...

Покойную хоронили на закате солнца... во дворе храма, посвященного богиням, которых называли небожительницами или *сиуапильтин* (царевнами)... Вдовец и его друзья стерегли могилу четыре ночи кряду, чтобы никто не мог выкрасть тело. Молодые воины не спали, желая выкрасть тело, ибо считали его чем-то священным или божественным, а если во время сражения с повитухами они достигали своей цели, то сейчас же, в присутствии этих женщин, отрезали средний палец с левой руки. Если им удавалось выкрасть тело ночью, они отрезали тот же палец и волосы и хранили их, как реликвии. Причина, по которой воины стремились завладеть пальцем и волосами покойной, в следующем: отправляясь на войну, они вставляли эти волосы или палец в свой щит и говорили, что благодаря этому станут доблестными и смелы-

дьясь на Млечном Пути. Считалось, что небесные опоссумы в своих карманах приносили души для реинкарнации. Поэтому использование хвоста опоссума для стимулирования родов, скорее всего, относится к разновидности магической медицины. Использовали также настой из листьев *нопаль*.

ми, что эти волосы и палец придают им сил и ослепляют врагов*.

Говорили, что женщина (умершая родами) попадает не в ад, а в чертог солнца и что солнце берет ее с собой за ее мужество... Женщины, погибшие на войне или во время первых родов, которых называли *мосиуажеске* (мужественные женщины), приравнивались к погибшим в бою. Все они отправлялись к солнцу и находились в западной части неба, вот почему древние называли запад *сиуатлампа* (сторона женщин)... Начиная с зенита, женщины чествовали солнце, спускались вместе с ним до заката и несли его в носилках из перьев кецаля. Они шли впереди него, издавая крики радости, сражаясь, чествуя солнце. Они покидали его в том месте, где солнце заходит, и там его встречали обитатели нижнего мира».

Судьба, уготованная в потустороннем мире «мужественным женщинам», — точный слепок с судьбы воинов, погибших в бою или на жертвенном камне. Воины сопровождали солнце от восхода до полудня, женщины — от зенита до заката. Они становились богинями, поэтому их также называли *сиуатетео* — «божественные женщины». Страдания и смерть приводили их к обожествлению. Грозные призраки сумерек, они появлялись в некоторые ночи на перекрестках и обездвиживали тех, кого встречали. Их отождествляли одновременно с богинями заката, западного рая Тамоанчан, и с ужасными владыками конца света.

Болезнь и старость

Понятия и приемы, относящиеся к болезни и врачеванию у древних мексиканцев, предстают запутанным смешением верований, магии и науки. Верований — потому что считалось, что некоторые божества могут

* Не только юноши приписывали магические свойства телу «мужественных женщин». Злые колдуны старались завладеть левой рукой одной из них; они пользовались своим трофеем для колдовства, чтобы усыпить и парализовать жителей какого-нибудь дома и ограбить его.

либо насылать болезни, либо исцелять их; магии — потому что болезнь чаще всего приписывали злым чарам какого-нибудь колдуна и пытались исцелить ее магическими действиями; наконец, науки — потому что знания о свойствах растений или минералов, использование кровопускания и парной бани в некоторых случаях придавали ацтекской медицине до странности современный облик. Однако нет сомнений, что из этих трех аспектов главенствовали первые два, причем в большей степени — магический. Лекарь (*тиситль*), мужчина или женщина, был прежде всего колдуном, но только добрым, признанным и одобряемым обществом, который противостоял чародею, наводящему порчу.

Современные индейцы науа из Орисабы приписывают заболевания четырем возможным первопричинам: введению путем черной магии инородного тела в организм больного; страданиям или смерти, которым враг или злой колдун подвергли «тотем» больного, его животного двойника, или *нагуалли*; «утрате» *тоналли* (этот термин обозначает одновременно душу, дыхание жизни и знак, под которым родился пациент и который определяет его судьбу); наконец, «воздухам» — «болезненному поветрию», пагубному и невидимому влиянию, которое окружает людей, особенно по ночам.

Такие понятия напрямую восходят к представлениям, существовавшим в доколумбовы времена. Поверье, согласно которому болезнь вызывают магическим введением инородного тела, имело большое распространение: целительниц называли *тетлакуикуулике* — «извлекающие камни (из тела)», *тетланокуюиланке* — «извлекающие червей из зубов», *теишокууиланке* — «извлекающие червей из глаз».

Хотя «нагуализм» в современном смысле, вероятно, относительно недавнее явление, раньше под словом «тоналли» понимали одновременно «дух», особый для каждого человека, его удачу и его «звезду» (в значении предопределенной судьбы). Что до пагубных «воздухов», их происхождение ранее приписывали Тлалоку и Тлалоке — горным богам. «Они (индейцы) воображали, что некоторые болезни, похожие на те, что бывают

вызваны холодом, приходят с гор, или что горы обладают властью их исцелить, — пишет Саагун. — Подвергшиеся таким заболеваниям приносили обет устроить праздник или преподнести дар той или иной горе, подле которой они находились или которую особым образом почитали. Те, кому грозила опасность утонуть в реке или в море, приносили похожие обеты. Болезнями, из-за которых приносили такие обеты, были подагра рук или ног или любой другой части тела, паралич какого-либо члена или всего тела, отек шеи или другой части тела, атрофия одного из членов или общая неподвижность... пораженные этими заболеваниями приносили обет изготовить изображения бога ветра, богины воды и бога дождя».

Тлалоку также приписывались кожные болезни, язвы, проказа и водянка. Считалось, что конвульсии и паралич у детей насылали *сиуапитильтин*, о которых говорилось выше. «Эти богини носятся стаей в воздухе и являются, когда пожелают, живущим на земле, и насылают болезни на мальчиков и девочек, вызывая паралич и вселяясь в человеческие тела». Можно заметить, что нынешняя вера в микробы — та же традиция, но только обезличенная.

Насылать болезни могли и другие божества — покровительницы плотской любви: Тлацольтеотль и ее подружки. Считалось, что мужчина или женщина, предающиеся преступной любви, распространяют вокруг себя, словно постоянные злые чары, *тласальмикистли* — «смерть от любви», и поэтому их дети или родители начинают тосковать и чахнуть. Это была некая скверна, одновременно моральная и физическая, от которой можно было избавиться лишь благодаря паровой бане — очищающему ритуалу — и молитве, обращенной к *тласальтетео* — богиням любви и страсти.

Бог юности, музыки и цветов Шочипилли, именуемый также Макуильшочитлем, наказывал тех, кто не соблюдал запреты, например мужчин и женщин, вступавших в любовную связь во время поста, насылая на них венерические заболевания, геморрой и кожные болезни. На Шипетотека возлагали ответственность за воспаление глаз.

Если одни боги вызывали болезни, то другие (или те же самые) могли их исцелить. Тлалоке и Шочипилли в ответ на молитвы и жертвоприношения могли снять насланные ими болезни. Бог огня помогал рожаящим женщинам, как и богиня Сиуакоатль, покровительница тех, кто парится в бане. Другая богиня, Цапотлатенан, исцеляла язвы или нарывы на волосистой коже головы, трещины на коже, хрипоту, а чернолицый божок Ишт-лильтон излечивал детей: «В его храме были закрытые сосуды из керамики, в которых держали его черную воду (*итлиллау*). Если ребенок заболел, его приводили в храм Иштлильтона, открывали один из кувшинов, давали ему выпить черной воды, и ребенок выздоравливал».

Если индеец заболел, первым делом надо было выяснить причину его болезни: диагноз ставили не по наблюдающимся симптомам, а по гаданию. Для этого врач бросал зерна маиса на кусок ткани или в сосуд, наполненный водой, и извлекал выводы из того, каким образом падали зерна — кучно или рассеянно, плавали на поверхности воды или, наоборот, шли на дно.

Чтобы узнать, не потерял ли больной ребенок свой *тоналли*, целительница держала его над сосудом, наполненным водой, и смотрела на его отражение, зывая к богине воды: «Тлакуэль, тла шиуаллау, нонан чальчиуэ, чальчиттли икуэ, чальчиттли иуитиль, шошоуки икуэ, шошоуки иуитиль, истаксиуатль» — «Услышь, приди, мать моя, нефритовый камень, ты, облаченная в нефритовую юбку, нефритовую сорочку, зеленая юбка, зеленая сорочка, белая женщина». Если лицо ребенка в зеркале воды выглядело замутненным, словно подернутым тенью, значит, *тоналли* у него похитили.

В других случаях *тиситль* использовал священное растение, называемое *олошуки*, семена которого одурманивали и вызывали видения. Иногда сам врач, пациент или кто-то третий поглощал пейотль или табак. Галлюцинации, вызванные этими растениями, должны были принести откровение о причине болезни, то есть о вызвавшем его колдовстве и личности колдуна. Разоблачение, ставшее следствием таких пророчеств, считалось неоспоримым — отсюда злоба и неукротив-

мая ненависть между семьями больных и мнимыми колдунами.

Наконец, использовались и другие способы колдовской диагностики: гадание по веревочкам, на котором специализировались *мекатлапоуке**, и «измерение руки» — обряд, во время которого целитель, натерев руки табаком, «измерял» левую руку пациента ладонью своей правой руки.

Определив природу и причину болезни, принимались за лечение. Если это была болезнь, насланная богом, его старались умиловить, поднося ему дары. В остальных случаях терапевтические методы включали в себя в разных пропорциях магические операции — заклинания, вдвания, наложение рук, «извлечение» камней, червей, кусочков бумаги, якобы введенных в организм пациента**, — и лечение, основанное на позитивных знаниях: кровопускания, бани, очищение желудка, перевязки, пластыри, растительные экстракты или настои.

Табак и пахучая смола для курений (*копал*) играли во всем этом большую роль. К табаку, который толкли и измельчали, обращались, называя его «ударенный девять раз». Пальцы целителя обозначали выражением «пять *тоналли*», а в целом язык магических формул был очень образным и неясным.

Вот, например, как лечили головные боли. *Тиситль* сильно массировал голову больного, говоря: «Вы, пять *тоналли*, смотрящие в одну сторону, и вы, богини Куато, Кашоч***! Кто то могущественное и почитаемое существо, что разрушает вашего слугу? Это я говорю, я, жрец, я, господин заклинаний. Мы оставим его на бере-

* «У колдунов были пучки веревочек, похожие на наши связки ключей, которые они бросали на землю. Если веревочки сплошь перепутывались, то говорили, что это предзнаменование смерти, но если одна или несколько из них отделялись от прочих, это было знаком выздоровления», — сообщает Мотолиния.

** «(Целительница) делает вид, будто извлекает червей из зубов, а из других частей тела — бумагу, кремний, служащий в этом краю ножом, и, изымая все это из тела больных, утверждает, будто лечит их», — пишет Саагун.

*** Два эти божества упоминаются только в заклинаниях врачей и повитух, утверждает Ла Серна.

гу божественной воды (моря), мы бросим его в божественную воду».

Произнося эти слова, он сжимал обеими руками виски больного и дул ему в голову. Затем взывал к воде в таких выражениях:

«Послушай меня, мать моя в нефритовой юбке. Приди сюда, верни жизнь этому слуге нашего владыки».

Говоря это, он окроплял водой голову и лицо пациента. Если такое лечение не приносило результата, а голова распухала, целитель прикладывал табак, смешанный с корнем, называемым *чалалатли*. Одновременно он произносил заклинание:

«Я, жрец, я, господин заклинаний (спрашиваю), где находится то, что разрушает эту заколдованную голову. Приди, ты, ударенный девять раз, истолченный девять раз (табак), мы излечим эту скованную заклинанием голову красным снадобьем (корень *чалалатли*). Я призываю холодный ветер, чтобы он исцелил эту заколдованную голову. О ветер, я говорю тебе: принеси лекарство для этой заколдованной головы!»

Если человек страдал болями в груди, ему давали выпить маисовой каши, смешанной с корой *куаненетилли* (страстоцвет), и налагали на него руки, говоря: «Придите, пять *тоналли*. Я, жрец, я, господин заклинаний, ищу зеленую боль, рыжую боль. Где она прячется? Заколдованное снадобье, я говорю тебе, я, господин заклинаний: я хочу исцелить эту больную плоть. Ты войдешь в семь пещер (легкие). Не притрагивайся к желтому сердцу, заколдованное снадобье: я изгоняю отсюда зеленую боль, красную боль. Придите, девять ветров, изгоните зеленую боль, красную боль».

Одновременно с заклинаниями и колдовскими действиями мексиканские врачи умели использовать терапию, основанную на определенном знании человеческого тела (надо полагать, оно было достаточно распространено в стране, где часто совершали жертвоприношения) и свойств растений или минералов. Они сращивали сломанные кости и накладывали шины (Ла Серна описывает операцию, каждая стадия которой сопровождалась магическими заклинаниями, обращенными к костям, шинам, веревкам). Они умело дела-

ли кровопускания обсидиановыми ланцетами. Они накладывали мягчительные пластыри на нарывы и посыпали раны сильно измельченным обсидианом. «Смолотый в муку, этот камень, порошком из которого посыпали свежие раны, быстро их заживлял», — сообщает Саагун.

В арсенале целителей были некоторые минералы, плоть ряда животных, а главное — большое количество растений. Добрый отец Саагун даже выступает гарантом некоторых «достоинств» определенных камней. «Есть еще, — пишет он, — камни, кои именуют *эстетль*, кровавые камни, которые обладают свойством останавливать носовое кровотечение. Я сам испытал достоинство этого камня, ибо у меня есть кусок его размером с кулак или чуть менее, и в тот 1576 год, во время эпидемии*, я вернул жизнь многим людям, терявшим кровь и жизнь через ноздри. Достаточно было взять его в руку и подержать несколько минут, как кровотечение тотчас прекращалось, а больные исцелялись от этой болезни, от которой умерли и все еще умирают столько людей в Новой Испании. И тому есть много свидетелей в местечке Сантьяго Тлателолько».

Тот же хронист сообщает, что некий камень, называемый *киаутеокуитлатль* («золото дождя»), «хорош для тех, кого напугал раскат грома... а также для тех, у кого жар. Этот камень встречается в окрестностях Халапы, Ицтепека и Тлатлаукитепека, и уроженцы этих областей говорят, что, когда в горах гремит гром и начинается дождь, эти камни падают из туч, уходят в землю и начинают расти год от года, а индейцы их ищут... роют землю и выкапывают камни».

Совершенно ясно, что камням, животным (например, как мы видели, хвосту опоссума) или растениям приписывали фантастические свойства. Но так же точно, что индейцы со временем и с опытом накопили значительные позитивные знания о растениях своей страны. В этом отношении, если сравнить их медицину с той, которая в ту же эпоху свирепствовала в Запад-

* Речь идет об эпидемии болезни матлацауатль (чумы?), погубившей в 1576 году по меньшей мере два миллиона человек.

ной Европе, создается впечатление, что ацтекская была научнее; если забыть про колдовской антураж деятельности мексиканского *тиситля*, в использовании им лекарственных растений, верно, было больше истинно научного знания, чем в предписаниях европейского Диафуаруса* того времени.

Конкистадоры были поражены эффективностью некоторых туземных снадобий. В 1570 году испанский король Филипп II послал в Мексику своего врача Франсиско Эрнандеса, который за семь лет напряженного труда, потратив огромную по тем временам сумму — 60 тысяч дукатов, — собрал внушительное количество сведений о местных лекарственных растениях и составил великолепный гербарий. К несчастью, он умер, не успев опубликовать свой труд, а часть его рукописей погибла в 1671 году во время пожара в Эскориале. Однако большие отрывки из его работ были опубликованы в Мексике и Италии и создают представление о необычайном богатстве мексиканской терапевтической базы в XVI веке: Эрнандес перечисляет около 1200 растений, используемых в медицине.

Саагун посвятил большую часть своей одиннадцатой книги лекарственным травам и растениям, а современные исследования доказывают, что во многих случаях ацтекские целители очень точно определяли опытным путем свойства растений, которые использовали как слабительные, рвотные, мочегонные, успокоительные, жаропонижающие и другие средства.

Можно привести в пример «перуанский бальзам», корень халапы, сассапариль, *истакпатли* (*Psoralea pentaphylla* L.), успешно применяемый против жара, *чи-чичуауитль* (*Garrya laurifolia* Hartw.), эффективный при дизентерии, *истакоанененилли* — мочегонное, *ништаламалашочитль* — отвлекающее средство, валериану, используемую как спазмолитическое средство, *матлалицтик* (*Commelina pallida*), останавливающий кровотечение. Но в этой области по-прежнему открывается широкое поле для исследований, и предстоит

* Персонаж комедии Мольера «Мнимый больной», врач-шарлатан. (Прим. пер.)

еще многое сделать, чтобы выявить и подтвердить лекарственные свойства многочисленных видов растений, упоминаемых в письменных источниках.

Мексиканец, сумевший пережить войну, болезнь (и лечение) и достигший достаточно почтенного возраста, чтобы быть причисленным к *уэуэтке* — старикам, игравшим столь важную роль в семейной и политической жизни, мог провести остаток дней в покое и уважении. Если он служил государству в армии или в качестве чиновника, то получал жилье и «пенсию». Даже будучи простым *масауалли*, он получал место в совете своего квартала. Хотя бы в небольшой степени обладая красноречием, он отводил душу, произнося помпезные речи по всякому поводу, когда того требовали этикет и обычаи, а таких поводов было много. Окруженный всеобщим уважением, он высказывал свое мнение, наставлял и советовал. На пирах и семейных торжествах он наконец-то мог без опаски напиваться *октли* вместе с мужчинами и женщинами своего поколения.

Приходила смерть. Готовясь к ней, те, кто совершил в своей жизни какой-нибудь тяжелый проступок, какой-нибудь тайный грех, решали исповедаться: это касалось, например, супружеской измены. Исповедь не только отпускала провинившемуся его грех, но и делала его неподсудным. Однако исповедаться можно было только один раз в жизни, поэтому большинство откладывали обращение к исповеднику на как можно более позднее время.

Исповедью ведали два божества: Тескатлипока, поскольку он всё видит, будучи сам невидим и вездесущ, и Тлацольгеотль, богиня сладострастия и преступной любви, которую называли также *Тлаэлькуани* — «поедательница нечистот (греха)», то есть «отпускающая грехи». «Ее называли Тлаэлькуани, потому что кающийся признавался ей во всех своих грехах. Он говорил, выставляя перед ее глазами все свои нечестивые поступки, самые отвратительные, самые низкие, ничего не скрывая, даже из стыда. Ей выкладывали всё и исповедовались перед нею».

Тлацольгеотль внушала самые извращенные желания, «и она же прощала их. Она смывала грязь, очищала, обеляла... и таким образом прощала».

Кающийся обращался к *тлапоуки*, умеющему читать и толковать священные книги, и сообщал ему о своем желании. Жрец заглядывал в свои книги и назначал благоприятный день. Если верующий был высокопоставленным лицом, исповедь проходила у него дома; если нет, то он отправлялся в назначенный день к жрецу. И тот и другой садились на новые циновки подле огня. *Тлапоуки* бросал в пламя ладан и, пока благовонный дым распространялся по комнате, взывал к божествам: «Мать богов, отец богов, о ты, старый бог (огонь), к вам пришел бедный человек. Он пришел плача, в печали и тоске. Возможно, он согрешил. Возможно, он заблуждался, жил нечестиво. Он пришел с тяжелым сердцем, полным скорби. Господин наш повелитель, ты, близкий и далекий, прекрати его муки, внеси мир в его сердце».

Затем он обращался к кающемуся и призывал его исповедаться со всею искренностью, раскрыть все свои тайны, не испытывая стыда. Верующий клялся сказать всю правду: он дотрагивался до земли пальцем, который затем подносил к губам, и бросал ладан в огонь. Таким образом, он связывал себя клятвой по отношению к земле и огню (или солнцу), то есть к высшему двуединству. И долго рассказывал обо всей своей жизни, описывая все свои проступки.

Когда рассказ был закончен, жрец накладывал на него более или менее строгое покаяние: более-менее продолжительные посты, скарификацию языка (язык надрезали и вставляли в рану до восьмисот шипов или соломинок), дары Тлацольтеотль, различные самоограничения. Совершив покаяние, правоверный уже больше не мог «быть наказан на этой земле». Что же касается жреца, он был обязан хранить полнейшую тайну, «ибо то, что ему рассказали, было сказано не для него, а по секрету для божества»*.

* Саагун добавляет: «Даже сегодня, если индеец совершит убийство или прелюбодеяние, он укрывается в одном из наших монастырей... Исповедуется... и требует запись за подписью исповедника, чтобы показать ее властям, губернатору или алькальдам, в доказательство того, что он исповедался, совершил покаяние, и что, следовательно, правосудие над ним уже не властно».

Смерть и потусторонний мир

У ацтеков существовали две разные серии погребальных обрядов: кремация и захоронение.

В земле хоронили всех, кто утонул или был убит молнией, прокаженных, подагриков, страдавших водянкой, — короче, всех тех, кого, так сказать, отличили боги воды и дождя, забрав их из этого мира. Тела утопленников вызывали настоящий священный страх: считалось, что человек утонул в озере, потому что его утащило на дно сказочное животное — *ауисотль*. Когда тело всплывало на поверхность, без всяких ран, но без глаз, ногтей и зубов (их вырывал у своих жертв *ауисотль*), никто не смел к нему прикоснуться. Посылали за жрецами.

«Говорили, что божества Тлалоки отправили душу утопленника в земной рай, и поэтому труп несли на носилках с большим почетом, чтобы похоронить в одной из молелен, которые называют *айаукалько* (малые храмы богов воды, на берегу озера); носилки украшали тростником и перед телом играли на флейте», — пишет Саагун. Наконец, как мы видели, женщин, умерших родами и обожествленных, хоронили во внутреннем дворе храма *Сиуапитильтин*. Всех остальных мертвецов сжигали. Различные цивилизованные племена в Мексике придерживались в разное время то одного, то другого метода погребения; ограничимся упоминанием о погребальных комнатах майя в Паленке, сапотеков и миштеков в Монте-Альбанае, тогда как тольтекской традицией было трупосожжение, и самый известный тому пример — костер Кецалькоатля. Кочевники с севера хоронили своих мертвецов в земле, однако переняли и тольтекский обычай, по меньшей мере, для главных родов; Иштлильшочитль, правитель Тескоко, стал первым в этой династии, тело которого сожгли «соответственно обрядам и церемониям тольтеков». Старые оседлые народы с высокогорья, в частности из Теотиуакана, также закапывали мертвых в землю — надо полагать, потому, что мертвецы, отмеченные Тлалоком и его божественными спутниками, подлежали захоронению именно таким образом.

В ацтекскую эпоху обе серии обрядов сосуществовали, и только обстоятельства смерти покойного определяли выбор семьи. Высокоставленных особ торжественно хоронили в подземных сводчатых комнатах. «Неизвестный конкистадор» рассказывает, что лично участвовал во вскрытии гробницы, где находился мертвец, сидящий на сиденье, со щитом, мечом и украшениями; в склепе лежало золото на три тысячи кастельяно. Священник Франческо ди Болонья тоже описывает «подземную часовню», где покойный сидел на *икпалли*, в богатых одеждах, окруженный своим оружием и драгоценными камнями.

Если покойный был высшим сановником или правителем, убивали некоторых из его жен и слуг, «по собственной воле пожелавших умереть вместе с ним», и хоронили их или сжигали в зависимости от обстоятельств, чтобы те могли сопровождать его в загробном мире.

Когда мертвеца предстояло сжечь, его облачали в самые красивые одежды, тело закрепляли в сидячем положении, с коленями, подтянутыми к подбородку, и окутывали его тканями в несколько слоев, обвязывая их веревками, чтобы получилась своего рода мумия. В исторических документах покойные правители всегда изображены таким образом.

Эту мумию затем тщательно украшали изделиями из бумаги и перьев, а на лицо надевали резную или мозаичную маску. Правителей украшали королевскими и божественными украшениями, как Уицилопочтли, или в одежды с символами великого бога. Под погребальные песнопения (*микжакуикатль*) тело сжигали на костре, который поддерживали старики. Завершив кремацию, собирали пепел и костные останки покойного, помещали их в кувшин вместе с куском нефрита — символа жизни и помещали этот сосуд в доме. Прах правителей хранили в храме Уицилопочтли.

Некоторым мертвецам, как мы видели, после кончины было обещано будущее, для которого их избрали боги. «Спутникам орла» и «мужественным женщинам» — светлая и шумная радость солнечных чертогов; избранникам Тлалока — мирное и бесконечное счастье

без труда и забот в теплых восточных садах. Но большинству покойников предстояло отправиться под землю, в темное царство Миктлан. Чтобы помочь покойному перенести суровые испытания, ему давали в спутники собаку, которую убивали и сжигали вместе с ним. Сжигали также дары: сначала — через восемьдесят дней после похорон, второй раз — через год, потом — еще через два, три и четыре года. Считалось, что по прошествии этих четырех лет покойный добрался до конца своего темного пути. Он поистине занимал место среди мертвых, поскольку достигал «девятого ада» — последнего круга Миктлана, места своего вечного покоя*.

* Понятие девяти небес не раз встречается в тексте. Задолго до ацтеков в Мезоамерике считалось, что в мироздание включается 13 верхних слоев и девять слоев преисподней, где царствуют владыки ночи. Однако никакой дантовской идеи «кругов ада» в эти представления заложено не было. Уровни мироздания восходят к сложным астрономическим представлениям.

ВОЙНА

Война (*йаойотль*) занимала такое место среди забот ацтеков, в их социальной структуре и в жизни их государства, что нам представляется необходимым поговорить о ней отдельно.

Мы уже знаем, какие коллективные представления, какие мифологические и религиозные воззрения были связаны с самим понятием войны. Священная война была космическим долгом. Ее обозначали двойным иероглифом *атль-тлачинолли* («вода», то есть кровь, и «пожар»), беспрестанно, точно наваждение, встречающимся на всех барельефах *теокалли* священной войны. Ведя войну, люди выполняли волю богов с самого основания мира.

Легенда гласит, что Четыреста Облачных Змеев (*Сензон Мимшикоа* — северные звезды), созданные высшими богами, чтобы добывать еду и питье для солнца, уклонились от выполнения своих обязанностей. «Они поймали ягуара и не отдали его Солнцу. Они украсили себя перьями, легли спать в своих украшениях из перьев, они спали с женщинами, пили вино *циуактли* и опьянели». Тогда Солнце обратилось к людям, родившимся после *Мимшикоа*, и сказало: «Дети мои, теперь вы должны уничтожить Четыреста Облачных Змеев, ибо они не дают ничего нашей матери и нашему отцу... и так началась война».

Но наряду с мифорелигиозным аспектом у войны была еще одна сторона: агрессивные государства видели в ней способ завоевания, и поэтому войну окружали юридическими понятиями, призванными ее оправдать. Официальная доктрина трех союзных городов — Мехико, Тескоко и Тлакопана — зиждилась на двойном псевдоисторическом утверждении: все три династии были якобы законными наследниками тольтеков, властвовавшими над всей Центральной Мексикой; с другой стороны, благодаря роду Тескоко, происходящему от завоевателей-чичимеков, они обладали своего рода непререкаемым правом на всю страну. «Все три государя считали себя господами и властителями надо всеми прочими, основываясь на праве, которое якобы имели на всю страну, некогда принадлежавшую тольтекам, преемниками и наследниками которых они являлись, и на повторном овладении страной великим чичимеком Шолотлем, их предком», — сообщает Иштлильшочитль. С такой точки зрения любой независимый город, намеревавшийся сохранить свою свободу, должен был казаться им мятежным.

На практике, чтобы напасть на город или страну, требовался повод — *casus belli*. Чаще всего таким предлогом служили нападения на *почтека* (купцов) во время их путешествий. Если их обирали, грабили, а то и убивали, военные силы империи тотчас готовились за них отомстить. В письменных источниках ясно показано, что отказ от торговли, разрыв торговых отношений расценивались как скрытое объявление войны. «Не соглашаться вести дела и общаться со здешними людьми» — вот мотив, который приводит Иштлильшочитль в оправдание мероприятий центральных городов.

Мексиканцы отправились на завоевание перешейка Теуантепек после того, как жители нескольких местных городков перебили почти весь торговый караван. Причиной войны между Мехико и соседним городом Койоаканом стал разрыв традиционных торговых отношений: «Женщины мешиков отправились в дорогу, нагруженные рыбой, лягушками и утками... чтобы продать их в Койоакане. Стража, поставленная на путях, которые туда вели, отобрала у них всё, что они несли.

Они вернулись в Теночтитлан, плача и стеновая». После такого оскорбления индианки перестали ходить на рынок в Койоакан; видя это, глава этого города сказал, обращаясь к своим сановникам: «Братья, вы видите, что женщины мешиков больше не приходят на рынок: наверное, они обиделись на оскорбление, которое мы им нанесли. Готовьте же оружие, щиты, мечи... ибо скоро к нам явятся мешики под знаменем орла и ягуара».

Допускались и другие поводы для войны. Правитель, собиравший совет для принятия окончательного решения, должен был изложить причины, которые, по его мнению, оправдывали военный поход. «Если было совершено убийство купцов, совет отвечал, что это веская причина и справедливое дело, понимая под этим, что торговля и обмен — природное право, так же как и гостеприимство и радушный прием путешественников, и что законно воевать с теми, кто нарушает это правило. Если убивали гонца или же правитель ссылался на другую мало важную причину, совет спрашивал трижды: “Почему ты хочешь войны?” — давая понять, что это недостаточно веская и справедливая причина. Но если правитель собирал совет несколько раз, в конце концов тот уступал».

Судя по мексиканским хроникам, некоторые конфликты начинались единственно по политическим причинам, то есть потому, что какой-либо город опасался вылазки со стороны другого и решался нанести упреждающий удар. Жители Аскапоцалько объявили войну Теночтитлану на следующий день после избрания Иццоатля «из-за ненависти к мешикам, коей наполнились их сердца»: вероятно, опасаясь, что новый правитель бросит свой народ на завоевания, они решили устранить угрозу в зародыше и истребить мешиков.

Пятьдесят лет спустя император Ашайякатль решил бросить свои войска на приступ города-побратима Мехико Тлателолько, когда пришел к убеждению, что его правитель старается заключить тайные договоры с соседними городами, чтобы обрушиться на Теночтитлан при первой же возможности. Когда между бывшими союзниками возникли напряженность и взаимное недоверие, даже самое банальное происшествие могло привести к конфликту: криков и брани торговков на

рынке Тлателолько оказалось достаточно, чтобы вызвать войну между двумя городами.

Однако в целом сам конфликт, собственно военные операции начинались после долгих и утомительных переговоров. Когда Аскапоцалько, решив уничтожить ацтеков, начал военные действия, выдвинув свои аванпосты к границам города, нескольким мешиканским посольствам всё же удалось пройти сквозь их ряды с согласия противника, чтобы попытаться провести переговоры о мире.

Они закончились провалом перед лицом твердого намерения жителей Аскапоцалько покончить с опасным племенем, но до последнего момента передвижения делегатов и их встречи с вражеским правителем были окружены традиционным церемониалом.

Когда, наконец, стало ясно, что никакой надежды на мир нет, *атемпанекатль* Тлакаэлезцин* возглавил последнее посольство к правителю Аскапоцалько. Он принес ему в подарок плащ, венец из перьев и стрелы. Властитель враждебного города поблагодарил и попросил передать его благодарность Ицкоатлю, затем дал послу щит, меч и роскошную одежду воина, «побуждая попытаться вернуться домой живым и невредимым», сообщает Тесосомок. Все происходило по правилам куртуазного, рыцарского церемониала, согласно которому враги, готовящиеся сразиться, обращаются друг с другом с подчеркнутым уважением.

В ту эпоху, когда союз трех городов находился на вершине могущества, он скрупулезно соблюдал сложные правила, прежде чем ввязаться в конфликт. Военные меры сдерживались представлением о том, что город, который собираются включить в империю, и так уже в определенном смысле принадлежит ей по праву согласно официальной доктрине, изложенной выше. Если город признает это право, если он соглашается склониться без боя, тогда его даже не обложат данью: ограничатся добровольным «подарком», и мешиканское государство да-

* Тлакаэлезцин, знаменитый персонаж ацтекской истории, основал династию *сиуакоатлей*, параллельную династии императоров, и та многое сделала для расширения империи Теночтитлана. Тогда (в 1428 году) он носил военный титул *атемпанекатля* — «командующего на краю воды».

же не пришлет чиновника, чтобы его взимать. Все будет основано на полюбовном соглашении.

У каждого из трех имперских городов были свои послы, которые последовательно играли свою роль в серии демаршей, посредством которых намеченную область пытались подчинить себе без войны.

Сначала к местным властям являлись послы Теночтитлана, именуемые *куакуауночтин*^{*}. Они обращались преимущественно к старикам, расписывая им бедствия, которые несет с собой война. Не проще ли будет, говорили они, если ваш правитель примет «дружбу и покровительство империи»? Для этого достаточно, чтобы он дал свое слово «никогда не быть врагом империи, впускать и выпускать купцов и их людей, хорошо обходиться с ними и вести торговлю».

Послы также просили правителя ввести в его храм изображение Уицилопочтли наравне с самым главным местным богом и отослать в Мехико подарок в виде золота, драгоценных камней, перьев и плащей. Прежде чем уйти, они вручали своим собеседникам определенное количество щитов и мечей, «чтобы никто никогда не мог сказать, что их победили предательски». После этого они покидали город и разбивали лагерь где-то по дороге, оставляя местным жителям двадцать дней (индейский месяц) на принятие решения.

Если по прошествии этого срока решение так и не было принято или если город отказывался покориться, прибывали послы от Тескоко — *ачкакауцин*^{**}. Они объявляли местному правителю и его сановникам торжественное предупреждение: «Если еще через двадцать дней они не подчинятся, правитель будет наказан смертью согласно законам, постановляющим, что ему должны размоzzжить голову дубиной, если только он не погибнет на поле битвы или не будет пленен и принесен в жертву богам. Точно

* Множественное число от *куауночтли* — этим словом обозначали сердце воинов, принесенных в жертву; оно также было военным чином.

** Множественное число слова *ачкаутли*, означавшего чиновников разного статуса, в зависимости от города. В Мехико они составляли своего рода «полицию», приводившую в исполнение решения суда.

так же все прочие воины из его свиты и его двора понесут наказание по воле трех вождей империи. Если, получив это предупреждение, правитель и вся знать его страны покорялись через двадцать дней, они были обязаны ежегодно преподносить трем властителям подарок, но в умеренных пределах, и пользовались милостью и дружбой троих вождей. Если же (местный) правитель отказывался, послы тотчас умащали ему правую руку и голову некоей жидкостью, которая должна была помочь ему сопротивляться яростному натиску имперской армии. Они возлагали ему на голову убор из перьев, *текпиллотль* («знак благородства»), прикрепленный повязкой из красной кожи, и преподносили ему множество щитов, мечей и другого оружия». После этого они присоединялись к первым послам, дожидаясь истечения второго срока.

Порой новый двадцатидневный период завершался, а «мятежный» город так и не изъявлял покорность. Тогда в него прибывало с последним предупреждением третье посольство, направленное правителем Тлакопана. Эти послы обращались преимущественно к воинам города, «поскольку именно они примут на себя удар и тяготы войны». Они назначали третий и последний двадцатидневный срок, уточняя, что, если те будут упорствовать в отказе, имперские армии опустошат их страну, пленников уведут в рабство, а город обложат данью. Прежде чем уйти, они дарили чиновникам и военным щиты и мечи, а потом отправлялись к двум первым депутациям.

Когда истекал последний двадцатидневный срок, город и империя оказывались *ipso facto* в состоянии войны. Тем не менее, если это было возможно, для начала военных действий ждали, пока гадатели укажут благоприятный день, например, один из тринадцати знаков календаря, начинающихся с *се ицциунтли* («Один-Собака» — период, посвященный богу огня и солнца).

Таким образом, мексиканцы намеренно лишали себя преимущества, которое дает неожиданность. Они не только давали противникам время подготовиться к обороне, но даже предоставляли им оружие, пусть и в символическом количестве. Всё это поведение, эти посольства, эти речи, эти подарки служат выражением идеала рыцарства, которого придерживались древнеамериканские воины.

В данном ритуале также прослеживается мысль о том, что война станет настоящим «судом богов». В конечном счете решение останется за ними, и нужно, чтобы это решение сохранило всю свою ценность без всяких подтасовок вначале, которые неминуемо имели бы место, окажись условия борьбы слишком неравными, а враг — застигнутым врасплох и неспособным сражаться.

В то же время ацтеки, демонстрируя сочетание идеализма и практического склада ума, которое столь часто встречается у индейцев, не колеблясь, прибегали ко всяческим военным хитростям. С началом военных действий они засылали к врагу тайных агентов, называемых *кимичтин* (буквально — «мыши»: «их называли так, потому что они передвигались по ночам или тайно, прячась», пишет Мотолиния), которые одевались и причесывались, как местные жители, и говорили на их языке. Для шпионажа использовали также переодетых купцов (*науальостомека*), возвращавшихся в области, где они уже бывали, торгуя своими товарами.

Это были опасные поручения, потому что население городов держалось настороже. В стране, разделенной на мелкие общины, где все всех знали, а одежда, язык, нравы в каждой области были свои, трудно остаться незамеченным. Разоблаченного шпиона тотчас предавали смерти, равно как и его сообщников. Если же, напротив, ему удавалось исполнить поручение, он давал подробный отчет об «особенностях и слабостях укреплений, о беззаботности или подготовленности жителей» и получал в награду земли.

Во время самого боя военные хитрости использовались очень часто. Некоторые отряды делали вид, будто бегут, чтобы завлечь противника в засаду. Ночью воины выкапывали траншеи, покрывая их ветками или соломой, и выскакивали оттуда, когда враг, обманутый этой маскировкой, неосмотрительно подставлялся под их удар; благодаря этому приему император Ашайякатль выиграл сражение при Куапаноайяне и завоевал долину Толуки.

Другие операции были связаны с тем, что мы сегодня назвали бы военной инженерией: в 1511 году ацтеки захватили местечко Икпатепек, прилепившееся на вершине обрывистой скалы, вскарабкавшись на гору по деревянным лестницам, изготовленным на месте. На поселки, рас-

положенные на островках, нападали отряды на плоты: в «Кодексе Нутталл» изображен штурм островка тремя воинами, стоящими в челноках, которые глубоко ушли в воду под их весом, а внизу плавают рыбы, крокодилы и змеи.

Вооружение мексиканских воинов состояло в основном из круглого щита (*чималли*), сделанного из дерева или тростника, покрытого перьями и украшениями из мозаики или драгоценного металла, и деревянного меча (*максуауитль*) с обсидиановыми лезвиями, которым наносились ужасные раны. В качестве стрелкового оружия они использовали лук (*тлауитолли*), а в основном — метательное приспособление (*атлатль*) для пуска стрел (*митль*) или дротиков (*тлакочтли*).

Матлальцинки из долины Толуки использовали пращу, а полудикие чинантеки с гор Оахаки пользовались длинными копьями с каменными наконечниками. Ацтекские воины носили доспехи — нечто вроде туники, подбитой хлопком (*ичкауитилли*), и шлемы из дерева, перьев, папье-маше, с украшениями и султанами — больше для красоты, чем для реальной защиты. В бою, в общей свалке каждого военачальника можно было различить благодаря штандарту или эмблеме, укрепленной на его плечах, — дорогостоящему и хрупкому сооружению из тростника и перьев, драгоценных камней и золота; у каждого такого значка было свое особое «имя»*. Их мог использовать только тот, кто заслужил их своими подвигами и обладал соответствующим чином.

Перед началом сражения в боевом строю воины издавали оглушительные крики, усиленные зловещими завываниями раковин и пронзительными трелями косяных свистков. Эти инструменты служили не только для придания храбрости, но и для подачи сигналов. Некоторые вожди вешали себе на шею небольшой барабанчик и били в него, отдавая распоряжения. В одном рисуночном кодексе, приписываемом Иштлильшочитлю, изображен правитель Тескоко Несауалькойотль в роскошных доспехах из перьев, со шлемом на голове,

* В качестве примеров таких значков можно привести *цакуаннапалотль* (бабочка из желтых перьев), *кецальтототль* (птица кецаль), *цакуанпанитль* (штандарт из желтых перьев), *цакуантонатиу* (солнечный диск из перьев), *макуильпанитль* (пять знамен) и т. д.

со щитом и мечом в руках и с небольшим коническим барабанчиком на шее. Сначала лучники и метатели дротиков выпускали свои снаряды, а затем воины, вооруженные обсидиановыми мечами и щитами, бросались вперед, используя тактику, похожую на приемы боя римлян, вооруженных короткими мечами. Но когда дело доходило до рукопашной, сражение принимало характер, совершенно отличный от любого боя в древней Европе. Дело в том, что требовалось не столько убивать врагов, сколько захватывать их в плен для принесения в жертву. За сражающимися шли «специалисты», чтобы связывать веревками поверженных наземь, пока те не пришли в себя. Битва рассыпалась на множество поединков, в которых каждый стремился не столько убить противника, сколько пленить его.

Хотя целью каждого воина было захватить в плен одного или нескольких врагов, общая задача операции конечно же заключалась в поражении противника. Но и это поражение сводилось к некоему условному понятию: город был побежден (признавал себя побежденным), когда нападающим удавалось добраться до главного храма и зажечь огонь в святилище племенного бога. Поэтому символом завоевания в индейских рукописях чаще всего служит горящий храм, в который воткнута стрела.

Захват храма означает поражение местного бога и победу Уицилопочтли: боги выразили свою волю, и теперь любое сопротивление бесполезно. Поражение носило символический характер, оно было отражением решения, вынесенного божествами на сверхчеловеческом уровне. Таким образом, мексиканская война ничем не напоминала «тотальные» войны, доведенные до рокового совершенства нашей цивилизацией. Ацтеки не принуждали противника к подчинению, разоряя страну или уничтожая мирное население, им нужно было свершить волю Уицилопочтли. Как только его волеизъявление становилось явным, война лишалась своей цели. Посмевающим сопротивляться империи, то есть ее богу, оставалось только признать свою ошибку и попытаться выйти из этого положения на наименее невыгодных условиях.

Таким образом, война, начавшаяся с переговоров, заканчивалась договором об уступках. По полю сраже-

ния, по улицам захваченного города с объятым пламенем храмом к мешикам направлялась делегация противника. Бой прекращался: это была еще лишь передышка, временное перемирие, благодаря которому начинался удивительный торг. «Мы были неправы, — говорили побежденные. — Мы признаем свою ошибку. Пощадите нас. Мы просим принять нас под покровительство ваших богов и императора. Вот что мы вам предлагаем». И послы перечисляли продукты, товары, драгоценности и услуги, предлагаемые в качестве дани.

Победители чаще всего отвечали, что этих предложений недостаточно. «Нет, не ждать вам нашей милости... Присылайте нам еще каждые десять дней людей, которые служили бы в наших дворцах, сменяя друг друга...» Начинался спор. Побежденные чуть-чуть шли на попятную, в прямом и переносном смысле. «Мы отдадим вам наши земли вплоть до Течко», — сказали, например, разбитые чальки. В заключение ацтеки заявляли: «Подумайте хорошенько о принятых обязательствах. И не говорите потом, что не давали таких обещаний». Дело шло к договору, одобренному победителями и побежденными и накладывающему на них взаимные обязательства.

В основе переговоров лежало понятие о том, что победитель, избранник и орудие богов, обладает всеми правами. Он может, если захочет, уничтожить покоренный город, выслать или перебить всех его жителей, стереть с лица земли его храм. Но он отказывается от этого всеобъемлющего права за некую компенсацию — дань, плату, за которую побежденный некоторым образом выкупает свою жизнь. Мексиканцы требовали, чтобы город признал главенство Уицилопочтли, то есть Теночтитлана, не вел независимой внешней политики и платил дань. Взамен город мог сохранить свои учреждения, обряды, обычаи, язык. Город оставался главной ячейкой, центром всей политической и культурной жизни. Его силой заставляли вступить в конфедерацию, но он не был уничтожен как таковой. Империя представляла собой лишь союз автономных городов. Лишь в редких городах, в силу особых обстоятельств, был наместник, назначенный центральной властью: это относилось, например, к Тлателолько, ставшему частью столицы.

Наша современная война с массовым уничтожением, систематическим истреблением целых народов, аннексией или расчленением государств показала бы древним мексиканцам чем-то совершенно непонятным и невероятно жестоким.

Единственными индейскими правителями, стремившимися уничтожить целые государства, например, положить конец династии Тескоко и стереть с географической карты эту страну, были старый тиран Аскапоцалько Тесосомок и его сын Маштлатон. Поэтому в XVI веке память о них была окружена всеобщим отвращением. В мексиканских письменных источниках о них говорится с осуждением. Когда правителям Теночтитлана и Тескоко удалось в 1428 году свергнуть тиранию Аскапоцалько, они, конечно, постарались, чтобы она не смогла возродиться из пепла, однако призвали к себе Тлакопан — город, принадлежавший побежденному племени, — чтобы властвовать вместе. Так был основан Тройственный союз.

Священная или политическая, мексиканская война всегда была опутана сетью условностей. В первом случае ее даже можно уподобить своего рода организованному поединку ради служения богам, во втором она представляла собой кризис, скоротечный припадок, по случаю которого боги могли изъявить свою волю. Военные походы могли оказаться затяжными из-за огромных расстояний и отсутствия средств передвижения, но сами сражения были короткими.

Все эти перечисленные обстоятельства частично объясняют то, почему последняя развязанная Теночтитланом война обернулась полной катастрофой для империи и ацтекской цивилизации. Дело в том, что испанцы и мексиканцы вели не одну и ту же войну. В материальном плане они сражались разными способами. В социальном и нравственном плане они по-разному относились к войне. Неожиданному нападению из другого мира мексиканцы могли противопоставить лишь совершенно неадекватный ответ, как современные люди — пришельцам с Марса.

Европейцы со своими пушками, шлемами и доспехами, стальными мечами, лошадьми и парусными кораблями обладали решающим превосходством над воинами Теночтитлана с деревянным и каменным оружием, лодка-

ми-пирогами и одной лишь пехотой. Разве македонская фаланга или легионеры Цезаря выстояли бы против артиллерии? Рассказы об осаде Мехико показывают, как четко испанские бригадины, простреливая все озеро и несясь на всех парусах, изолировали захваченный город, отрезав пути сообщения и лишив его подкреплений. Из них же видно, что пушки, разрушив стены и дома, помогли конкистадорам вести наступление уже в самом городе.

Но главное — изучая эти рассказы, нельзя не заметить, что все традиционные правила войны, которым инстинктивно следовали мексиканцы, были совершенно естественным образом нарушены захватчиками. Вместо того чтобы вести переговоры перед началом военных действий, они вошли в Мехико, держа мирные речи, а потом вдруг перебили знатных индейцев, собравшихся на танцевальной площадке, во дворе храма Уицилопочтли.

Вместо того чтобы захватывать пленных, они убивали всех, кто попадался под руку, — в то время как ацтеки теряли время, пленяя испанцев или их индейских союзников для принесения в жертву. Наконец, когда всё было кончено, мексиканские вожди ожидали напряженного торга, чтобы установить объем дани для выплаты победителям; они просто органически не могли себе представить то, что произошло потом: крушение всей их цивилизации, свержение богов и верований, уничтожение политических институтов, пытки правителей, чтобы вырвать у них их сокровища, раскаленное клеймо рабства*.

Дело в том, что испанцы вели «тотальную» войну; для них существовали только одно государство, монархия Карла V, и лишь одна возможная религия. Вооруженное столкновение было вторично в сравнении с идеологическим. Мексиканцы оказались побеждены, потому что их мышление, основанное на традиционном политическом и религиозном плюрализме, не было приспособлено к конфликту с догматизмом унитарного государства и религии.

* В рассказе Саагуна о поражении мексиканцев читаем: «Повсюду, на всех улицах, рыскали испанские грабители; они искали золото... Они захватывали женщин, отбирая самых красивых, со светло-коричневой кожей... И отбирали также мужчин — сильных, взрослых или юных... Они немедленно клеймили их каленым железом возле рта, на челюсти, вокруг губ».

Не менее вероятно и то, что само учреждение «войн цветов» явилось мощным толчком к падению Теночтитлана. Из-за них у самых ворот столицы находились инакомыслящие из Тлашкалы, «дабы иметь пленных для приношения в жертву богам». Весьма возможно, что если бы мешики действительно захотели уничтожить Тлашкалу и избавиться от опасности, то смогли бы это сделать, сосредоточив на данном направлении все силы своей империи. Но они этого не сделали — наверное, потому, что в конце концов склонились перед необходимостью поддерживать *шочийаойотль* («войны цветов»).

Сами того не ведая, они приберегали для еще неизвестного захватчика союзника, который предоставит ему свою пехоту и пути отступления, когда тому придется отойти после поражения. Что же до республики Тлашкала, она конечно же намеревалась использовать могущественных чужеземцев в собственных целях, чтобы с выгодой для себя завершить войну между мексиканскими городами: она тоже, как и Теночтитлан, не понимала, откуда исходит настоящая опасность, а если и поняла, то уже слишком поздно*.

В той мере, в какой война является не только продолжением политики, как говорил фон Клаузевиц, но и зеркалом, отражающим цивилизацию в кризисные моменты, когда проявляются ее глубинные тенденции, поведение мексиканцев во время войны чрезвычайно показательно. В нем ясно видны перспективы и недостатки цивилизации, которая, оставшись одна во всем мире, не смогла устоять перед внешним натиском.

Потерпев поражение из-за материальной отсталости или неприспособленности мышления, цивилизация ацтеков погибла, не успев раскрыть свой потенциал. Она пала, потому что ее религиозный и юридический подход к войне парализовал ее перед лицом захватчиков, действовавших согласно совсем иным представлениям. Как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, создается впечатление, что

* Муньос Камарго описывает тлашкальтеков XVI века, раздосадованных и желчных, попавших в такое же положение, как и все прочие индейцы, но при этом похвалявшихся «глупо и напыщенно» той решающей ролью, которую они сыграли в падении Теночтитлана.

воинственные ацтеки оказались недостаточно воинственными по сравнению с европейскими христианами XVI века или, вернее, были таковыми, но несколько иначе, и их героизм оказался таким же неадекватным и бесполезным, какой могла бы быть стойкость солдат Первой мировой под атомной бомбардировкой.

Причины поражения мексиканцев в 1521 году — захватывающий сюжет. В противовес Арнольду Тойнби, считавшему, что мексиканская цивилизация и так уже внутренне рухнула сама по себе, я утверждаю, что ее в самом деле «убили». Здесь можно повторить слова Шпенглера («Закат Запада»): «Эта культура — уникальный пример насильственной смерти. Она не зачахла, ее не угнетали, не сдерживали, а убили во цвете лет, срезали, словно гелиотроп, сорванный мимоходом».

Успех испанцев был обусловлен четырьмя группами причин:

- 1) военными, о которых мы уже говорили;
- 2) биологическими: эпидемией оспы, занесенной одним негром с Кубы и унесшей тысячи жизней, поскольку местному населению эта болезнь была незнакома. Император Куитлауак умер, заразившись ею, после всего лишь восьмидесяти дней правления;
- 3) религиозными: в начале своего предприятия испанцы получили мощную поддержку благодаря вере в то, что Кортес и его солдаты — бог Кецалькоатль и его свита (Мотекусوما тоже в это поверил);
- 4) политическими: завоеватели никогда не добились бы своей цели без массового участия тлашкальтеков и других индейцев, в частности, тех, что поддержали в Тескоко Иштлильшочитля, претендовавшего на трон. Все эти индейцы, не выходявшие в своих рассуждениях за традиционные рамки автономного города-государства, видели в войне с Мехико лишь обычную войну между городами, не подозревая (за исключением нескольких проницательных личностей вроде Шикотенкатля-младшего, которого погубил Кортес), что имеют дело с врагом, стремящимся полностью уничтожить их политическую автономию, их религию и цивилизацию. У них раскрылись глаза только тогда, когда их обратили в такое же рабство, как и побежденных ацтеков. Но было уже поздно.

ЦИВИЛИЗОВАННАЯ ЖИЗНЬ

Варварство и цивилизация

Все развитые культуры стремятся выделиться среди окружающих. Греки, римляне, китайцы всегда противопоставляли свою «цивилизованность» «варварству» остальных известных им народов; порой это противопоставление было оправданным, как в случае римлян и германских племен или китайцев и гуннов, а порой весьма спорным, когда речь шла, например, о греках и персах. С другой стороны, в определенный момент члены какого-нибудь цивилизованного общества тяготеют, оглядываясь в прошлое, к признанию одних предков («золотой век») и к снисходительному отношению к другим, считающимся «грубыми дикарями». Обе эти линии поведения цивилизованного человека прослеживаются у мексиканцев классической эпохи, пришедшейся на 1430—1520 годы.

Жители Центральной Мексики прекрасно осознавали ценность своей культуры, ее превосходство над культурой других индейских народов. Они не считали себя единственными ее носителями и справедливо полагали, что некоторые племена, например с побережья Мексиканского залива, могут с ними сравниться. Зато некоторые другие выглядели в их глазах отсталыми варварами. С другой стороны, они четко знали, что их собственный народ, не так давно обосновавшийся в центральной долине, сам когда-то вел варварский об-

раз жизни; однако они считали себя наследниками цивилизованных племен, задолго до них заселивших плато и возведших на нем свои большие города.

Они не задумываясь относили себя к бывшим варварам, перенявшим от предков-кочевников свои воинские качества, а от оседлых предков — высокоразвитую цивилизацию, которой они гордились. Возвращаясь к примеру нашей средиземноморской античности, можно сказать, что направление мысли ацтеков можно сравнить с римлянами времен Сципионов, еще близких к своим грубым корням, но уже проникшихся утонченной культурой, которую развили прежде них другие люди.

Два этих полюса (варвары и цивилизованные люди) представлены двумя историко-мифическими понятиями: чичимеки и тольтеки. Чичимеки — кочевые охотники и воины с северных равнин и гор. В мифическом прошлом они питались только мясом диких зверей, «которое ели сырым, ибо еще не умели использовать огонь... Они одевались в звериные шкуры и не умели строить дома, а потому жили в уже готовых (*sic*) пещерах или сооружали маленькие домики из ветвей деревьев, покрывая их травой», — пишет Андре Теве в «Истории Мексики».

В начале XVI века ацтеки и племена, покорные империи, например отоми из Шилотепека, вступали в контакт с северными варварами из Тимильпана, Текосаутлы, Уичапана, Нопаллана и вели с ними торговлю, относясь к ним с уважением. Франсиско Рамос де Карденас рассказывает об одном *почтекалле* — отоми из Нопаллана, который «отправлялся торговать своими товарами к чичимекам, находившимся в состоянии войны с Шилотепеком и не подчинявшимся ничьей власти. Он приносил им одежду из волокон, получаемых из дерева или растения под названием магеи (*sic*), и соль, которая была для них самым редкостным продуктом... а они давали ему взамен шкуры оленей, пум, ягуаров, агути... луки и стрелы». «Тех, кого называют *теочичимеки*, то есть совершенные варвары, или *сакачичимеки*, то есть “лесные люди”», жили вдали от посел-

* Точнее — «степные варвары», от «цакатль» — «травя, луг».

ков в полях, в хижинах, в лесах и пещерах, и у них не было постоянного жилья, а они кочевали из края в край; если ночь застигала их в пути, они спали в гротах, коли могли их найти. У них был свой вождь... и у этого вождя была только одна жена, и так же все *теочичимеки* имели только по одной жене. Никто не мог иметь двух супругов, и каждый жил сам по себе со своей женой, добывая, что ему было нужно для существования...»

Далее в этом описании, продиктованном отцу Саагуну его ацтекскими собеседниками, показаны эти варвары, одетые в шкуры, с луками и стрелами, умело использующие растения и корни: «Именно они первыми обнаружили и стали употреблять корень, именуемый *пейотль*; евские его заменяли им вино и использовали также дурные грибы, называемые *нанакатль*, одурманивающие, как вино... Их пища состояла из листьев и плодов кактуса-опунции, корня, называемого *симатль*, и других, которые добывали из земли... из *мискигтля* (акация со съедобными плодами), плодов и цветов пальмы, называемой *иксотль*. Они умели добывать мед из пальмовых деревьев, магея и (диких) ульев... Они ели кроликов, агуты, оленей, змей и многих птиц. И поскольку они питались этой едой, не приготавливая ее и не смешивая с другою, они жили долго, будучи здоровыми и крепкими. Если кто и умирал, то от старости, дряхлый и седой как лунь».

Эта картина жизни варваров ценна не только наверняка точными сведениями о жилищах, одежде и пище «дикарей», но и тем, что отражает менталитет ее авторов, то есть городских оседлых индейцев. В их представлении варвар — «дитя природы», он крепче, здоровее горожанина, обладает «*manum mira virtus redumque*» (поразительной силой рук и ног), которую Тит Лукреций Кар приписывал первым людям.

Ацтеки прекрасно знали, что четыре-пять веков назад они сами были такими же. В ту далекую эпоху их называли «варварами из Астлана» — *чичимека астека*, и они вели такое примитивное существование уже очень давно — «дважды по четыреста лет, да еще десять раз по двадцать лет и еще четырнадцать лет» («Хроника Мешикайотль»), когда началось их переселение. Неслу-

чаينو их старое место жительства (до Астлана) называлось *Чикамосток* — «семь пещер». Чем же они жили? «Они убивали стрелами оленей, кроликов, хищных зверей, змей, птиц. Они ходили в звериных шкурах и питались тем, что найдут». Это были настоящие кочевники, промысляющие охотой и собирательством, какими индейцы с севера Мексики оставались еще долгое время после испанского завоевания.

Процесс окультуривания, в ходе которого варвары, проникшие в центральную долину, довольно быстро переняли обычаи, язык, законы и нравы оседлых цивилизованных племен, хорошо известен нам благодаря хроникам династии Тескоко. Эта династия похвалялась своим непосредственным происхождением от вождя чичимеков Шолотля*, предводительствовавшего ордами варваров, когда они явились туда после падения империи тольтеков.

Шолотль и два его преемника жили еще в пещерах и в лесах. Четвертый правитель, Кинацин, перешел на городской образ жизни в Тескоко и заставил свое племя возделывать землю; часть мужчин взбунтовалась и сбежала в горы. Пятый, Течотлалацин, усвоил язык тольтеков, которому его обучила одна женщина из Колуакана, и принял в своей столице Тескоко цивилизованных людей, вошедших в его племя. Наконец, Иштлильшочитль уже во всем следовал обычаям «тольтеков» (то есть цивилизованных людей, говорящих на языке науатль, культура которых достигла своего расцвета перед вторжением кочевников), а его сын Несауалькойотль предстает уже типичнейшим, утонченнейшим представителем классической мексиканской культуры. На все эти преобразования потребовалось не более двухсот лет.

* *Шолотль* — мифический персонаж, объединяющий в своем лице разных вождей-варваров того времени. Его традиционно нарекают именем бога-пса — одного из обличий Кецалькоатля. Когда Кецалькоатль уходит под землю в мир смерти, он появляется вновь в виде Шолотля; как известно, собака также является спутником мертвецов. В историческом преломлении это значит, что цивилизация тольтеков (Кецалькоатль) исчезла, чтобы возродиться в новом виде (Шолотль).

Дело в том, что, явившись на центральное плато, варвары застали не только остатки высокой цивилизации тольтеков, но и население, оставшееся верным этой цивилизации. Разумеется, Тула была покинута, государство тольтеков рухнуло, но зато в Колуакане, Чолуле, Шочимилько, Чалько и во многих других местностях сохранялись язык, религия и нравы тольтеков. В других поселках, например в Шальтокане, жили отоми — оседлые крестьяне с немудреными обычаями, но они долгое время вращались в зоне притяжения тольтеков.

Именно вокруг этих тольтекских или тольтекизованных городов-государств, под их влиянием и по их образцу, возникли города вновь прибывших, а затем и племен, продолжавших прибывать из северных степей, и самым последним из них стали ацтеки. Все эти племена перенимали политическую и общественную структуру своих предшественников, их богов, их ремесла, образуя город-государство со своим советом и правящей династией, чинами и рыцарскими орденами, земледельческими культурами, календарем и системами письменности, полигамией, игрой в мяч. То, что не удалось в Италии после развала Западной Римской империи Теодориху, Боэцию и Кассиодору, сумели совершить мексиканцы после падения Тулы, и надо признать, что в истории человеческих цивилизаций это замечательный успех.

Таким образом, ацтеки и их соседи знали, что стечением обстоятельств были поставлены на пересечении двух культур: с одной стороны — варваров, которых они не стыдились и культивировали в себе их воинственность, а с другой — цивилизованных тольтеков, олицетворяемых богом-героем Кецалькоатлем, изобретателем ремесел и наук, покровителем знания.

Как наследники тольтеков, они ставили себя наравне с народами, которые никогда не были варварами, — с «людьми каучука и соленой воды» (ольмеками-уиштитин), «которые живут в той стороне, где рождается солнце, и которых никогда не называют чичимеками». Это были племена, жившие, в частности, в провинции Шикаланко (на юге нынешнего штата Кампече). Выступая посредниками между миром мешиков и миром

майя, они находились в дружеских отношениях с Ацтекской империей, при этом ей не подчиняясь.

Древняя Мексика являет нам ясный образец культурного сообщества, наложенного на политическую раздробленность, четко осознающего свое родство, которое приняло устоявшуюся форму мифа о тольтеках; впрочем, этот миф был насыщен историческими реалиями, смешанными с символическими представлениями. Индеец из Теночтитлана или Тескоко, из Уэшотла или Куаутитлана осознавал себя не только членом племени, гражданином города, но и цивилизованным человеком, принадлежащим к высшей культуре.

Тем самым он противопоставлял себя не только чичимекам, оставшимся на стадии кочевой и дикой жизни, но и неотесанным отоми*, *пополока***, «говорящим на варварском наречии», *тениме**** — «людям некультурным, неумелым, невежественным и грубым». Понятие высшей культуры подразумевало одновременно некоторые познания и владение известными ремеслами, определенный образ жизни и поведение, соответствующее неким правилам.

Самообладание, хорошие манеры, общественный порядок

Цивилизованный человек прежде всего умеет владеть собой, не выставляет напоказ своих чувств (за исключением тех случаев, когда это положено делать, причем в приемлемом виде), в любых обстоятельствах ведет себя достойно, держится корректно и сдержанно. То, что мы бы назвали «хорошими манерами», в глазах древних мексиканцев имело первостепенное зна-

* Презрение ацтеков к отоми проявлялось в разговорных выражениях: «Ты словно отоми, который не понимает, что ему говорят. Ты, случайно, не отоми?» (так ругали неловкого и неумелого человека).

** Этим словом называли разные племена, в частности, те, что проживали между Теуаканом и побережьем Мексиканского залива. Глагол «пополока» означает «говорить на варварском наречии».

*** Речь идет о йопи или тлапанеках из горных районов на границе современных штатов Герреро и Оахака.

чение, становясь отличительным признаком достоинства отдельно взятого человека и необходимым фактором для продвижения в социальной иерархии.

В правящем классе постоянная забота о достоинстве была тесно связана со стремлением выглядеть серьезным, спокойным и даже смиренным, «знать свое место». Молодых воинов укоряли за то, что те «болтают впустую, бахвалятся, громко разговаривают, грубо выражаются» — «ауиллатоа, тотокуаутлатоа, тлатлакуаутлатоа, куаукуаутлатоа», как изящно сказано во «Флорентийском кодексе».

«Ни один горделивый, заносчивый или шумный человек никогда не избирался сановником; ни один неучливый, плохо воспитанный человек, грубый в своих высказываниях и дерзкий в своих речах, ни один из тех, кто говорит всё, что ни придет ему в голову, никогда не сидел на циновке или *икпалли*. И если случится, что сановник позволит себе дурные шутки или легкомысленные слова, его назовут *текукуэкуэчтли*, то есть шутом. Никогда ни одну важную должность в государстве не доверяли тщеславному человеку, непристойно выражающемуся или записному остряку», — пишет Саагун.

Идеалом аристократии была римская степенность в частной жизни, в словах, в поведении, в сочетании с утонченной учтивостью. Допускалось, что некоторые мужчины, например ветераны, отходят от этого идеала, им прощали невоздержанность в речах и в поведении, однако, по этой же самой причине, не допускали до высших должностей. «Те, кого называли “*куакуачиктин*”, — слегка сумасшедшие, но храбрые в бою, или “*отоми атлаоцонишинтин*” — немного сумасшедшие отоми с бритой головой, были знатными рубаками, но непригодными к делам управления», — сообщает Саагун. Настоящий вельможа должен выглядеть «смирненным, а не заносчивым, осмотрительным и осторожным, тихим и спокойным». Причем надо, говорил один отец сыну, «чтобы это было истиной, исходящей из твоего сердца, перед нашим богом (Тескатлипокой). Пусть твое смирение не будет напускным, иначе тебя станут называть *титолошоцтон* (лицемер) или *тит-*

ланишижитиле (притворяющийся человек), ведь наш господь бог видит, что есть в сердцах, и ему ведомы все тайны».

Это «смирение» (возможно, более правильно было бы говорить о гордости, сдерживаемой самообладанием) выразалось в умеренности в наслаждениях («Не набрасывайся на женщин, точно пес на свою еду»); в чувстве меры, проявляемом при разговоре («Говорить нужно спокойно; не говори слишком быстро, разгорячаясь, не повышай голоса... сохраняй умеренный тон, ни громкий, ни тихий, и да будут твои слова мягки и спокойны»); в скрытности («Если ты услышишь или увидишь нечто, в особенности дурное, не подавай виду и молчи»); в послушании и скором повиновении («Не дожидайся, пока тебя позовут дважды, отзывайся по первому зову»); в хорошем вкусе и чувстве меры в одежде («Не одевайся ни чересчур изысканно, ни вычурно... но не носи и рваных и бедных одежд»), наконец, в поведении в целом.

По улице «иди спокойно, ни слишком быстро, ни слишком медленно; тех, кто не соблюдает это правило, называют *“иштотомак куэжуэц”* — люди, глазающие по сторонам, как ненормальные, без благородства и степенности; не ходи, опустив голову или склонив ее на сторону, или поглядывая вправо и влево, иначе скажут, что ты дурак, дурно воспитан и разболтан».

За едой «не ешь слишком быстро или развязно, не откусывай большие куски лепешек, не набивай себе рот, не глотай, как собака, не разрывай лепешки на куски, не набрасывайся на то, что лежит на блюде. Ешь спокойно, иначе над тобой будут смеяться. Перед едой омой руки и рот и после еды сделай так же».

Такие «заветы стариков» (*уэуэтлатолли*) были настоящим литературным жанром. В них отражены представления ацтеков о поведении, достойном «честного человека» их эпохи. В *уэуэтлатолли*, включенном отцом Ольмосом в свой текст на языке науатль, долго и очень подробно описываются нормы поведения молодого благородного мексиканца: как он должен вести себя со старшими, с равными себе, с теми, кто стоит ниже его, как почитать стариков, выказывать

сочувствие к несчастным, воздерживаться от легкомысленных высказываний, при любых обстоятельствах скрупулезно соблюдать приличия.

Вот, например, как предписывается поступать, если тебя пригласили на обед к вельможе: «Подумай о том, как ты войдешь (в дом вельможи), ибо за тобой будут наблюдать, не подавая виду. Войди с почтением, поклонись и поздоровайся. За едой не делай ужимок, не производи шума, ешь аккуратно, а не как обжора, не глотай быстро, а ешь понемногу... Если ты пьешь воду, то не хлюпай — разве ты щенок? Не ешь всеми пальцами, а только тремя пальцами правой руки... Не кашляй и не сплевывай, и старайся не запачкать одежды какого-нибудь другого гостя».

Учтивость, которую так настойчиво вдалбливали индейцам в те времена, что они и сегодня отменно вежливы, выражалась не только в поступках, в поведении, в содержании речей, но и в форме выражений. В языке науатль, утонченном и богатом, существовали частицы и даже спряжения для выражения почтения. К именам людей, которым хотели оказать честь, прибавляли суффикс *-цин*, равно как и к их титулу да и вообще к любому слову, которому желали придать оттенок уважительности или нежности: *Мотекусомацин* — досточтимый Мотекусом; *тотоцин* — наш уважаемый отец; *шипопойоцин* — слепец, достойный сострадания.

Когда обращались к почитаемому или любимому человеку, при спряжении глаголов использовали специальные аффиксы. *Тийоли* означает «ты живешь», но *тимойолоattia* можно перевести как «ваша милость живет»; *тимомати* означает «ты думаешь», *тимоматиа* — «ты изволишь думать». *Мики* значит «умереть», *микилиа* — «умереть достойно».

Если обычно считалось благопристойным держать себя просто и достойно, не выказывая своих чувств, то при определенных обстоятельствах этикет, напротив, требовал бурных переживаний. Невеста, собиравшаяся покинуть родительский дом, отвечала «с плачем» на обращенные к ней речи представителей семьи ее будущего мужа. Молодые купцы, начинавшие свою деятельность, с уважением выслушивали наставления старых

почтека и, отвечая им, проливали обильные слезы в знак благодарности и смирения.

Этот культ умеренности в словах и поступках, отвращение к невоздержанности, важность, придаваемая хорошим манерам и учтивости, мог быть своего рода защитной реакцией на грубость нравов и силу страстей. Ибо этот хрупкий цветок рыцарства распустился в мире, который к началу XVI века едва-едва выбрался из длинной череды войн, государственных переворотов, интриг, сопряженных с убийствами и предательством.

Поколение, к которому обращены «заветы стариков», было слишком молодо, чтобы помнить то смутное время. Однако еще жива была память о перипетиях, превратностях и кровавых происшествиях, отметивших собой эпоху гегемонии Аскапоцалько и начало Трехглавого союза. Главными действующими лицами того времени руководили грубые, неконтролируемые страсти, людей обуревали страшный гнев и некротимые желания, доведившие до преступления.

Мотекусума I («гневающийся, как господин» — весьма красноречивое имя) в приступе ярости по незначительному поводу велел убить собственного брата — *тлакатеккатля* Уэуэ Сакацина*. Тиран Тесосомок и его сын Маштлатон посылали наемных убийц к любому, кто вызывал у них подозрение, в том числе к несчастному правителю Теночтитлана Чимальпопоке и к правителю Тескоко. Да и сам мудрый правитель Тескоко Несауалькойотль — разве он не совершил преступление, за которое придется краснеть его потомкам, когда, ослепленный любовью к юной Аскашочицин, велел предательски убить ее жениха на поле битвы?

На страницах хроник мексиканцы XV века предстают перед нами изворотливыми и одержимыми стра-

* По приказу Мотекусумы I возводили большую дамбу, которая должна была защитить город от вод озера. Пока каменщики работали, брат императора нарочито пел и играл на барабане. «Кто это там поет и играет? — спросил император. — Твой брат, *тлакатеккатль*. — Что скажут люди с суши и с побережья, видя, что все они явились сюда работать, а этот лентяй (буквально — «мертвая рука», *мамикки*) покрывает нас позором?!» — воскликнул Мотекусума и отдал приказ убить Уэуэ Сакацина («Хроника Мешикайотль»).

тями, беззастенчивыми, сметающими все препятствия со своего пути, чтобы утолить свои желания или жажду власти. Похоже, выжившие в то смутное время под конец жизни образумились: философские вирши Несау-алькойотля, отражающие трезвый и ясный склад ума и мудрое эпикурейство, в основе которого лежит осознание тщеты преходящих волнений, были написаны именно в период реакции, последовавший за эрой потрясений.

В конце XV — начале XVI века эта тенденция восторжествовала: буйные души старались укротить, а разгулу инстинктов противопоставить крепкую преграду. Тип на всё готового авантюриста был вытеснен идеалом цивилизованного человека. Пройдя через жесточайшие испытания, мексиканское общество сумело создать порядок, и одним из главных его элементов в правление Мотекусомы II стала учтивость.

По мере того как правящие династии, в особенности династия из Теночтитлана, укреплялись, выпрастываясь из хаоса, порядок принимал форму монархии, основываясь прежде всего на личности правителя. Какими бы широкими ни были его полномочия (хоть и умеренные властью высшего совета), его обязанности были еще шире. Властители союзных городов, правители городов автономных (но превыше всех, разумеется, император Мехико) несли на себе тяжкое бремя долга. Они отвечали не только за ведение дел и командование армиями, но и за процветание и жизнь народов, «изобилие благ земных». Они должны были этому споспешествовать — прежде всего служа богам, как подобает, но также и принимая все необходимые меры, например, для предупреждения стихийных бедствий или сокращения их последствий, составления запасов, раздачи одежды и продовольствия, «являя свою милость к простому люду». Иначе народ начнет роптать, и трон под правителем зашатается.

Официальная доктрина, которую вдоволь излагали в речах по случаю избрания нового императора, состояла в том, что правитель назначается богами, что его ноша нелегка, возложенное на него бремя ужасно тяжело, а главная его задача после служения богам — защита народа.

«Государь, — говорили ему, — теперь ты понесешь эту ношу, взвалишь на себя это государство! Ты подставишь свою спину под тяжкое бремя правления. Наш бог возлагает на твои плечи, на твои ноги и на твои руки заботу об управлении народом, который непостоянен и вспыльчив. Именно ты, государь, несколько лет будешь поддерживать и лелеять этот народ, словно дитя в колыбели... Подумай о том, государь, что отныне ты будешь идти высоко в горах по очень узкой тропинке, по обе стороны от которой разверзаются бездонные пропасти... Будь умерен в отправлении твоей власти, не показывай ни зубов, ни когтей... Весели и радуй народ играми и пристойным времяпрепровождением, ибо так ты будешь славен и любим... Твой народ под защитой в твоей тени, ибо ты — словно *почотль* или *ауэуэтли*, дающий огромную круглую тень, и многих сможешь укрыть своими ветвями».

Именно роль защитника, выпавшую правителю, больше всего подчеркивают все документы той эпохи. На нем держится весь порядок, и чтобы этот порядок был хорошим, человечным, соответствовал нуждам народа, император должен сдерживать свои страсти; на этот счет ему не оставляли никаких сомнений в день его избрания.

«Ничего не говори, ничего не делай с поспешностью, выслушивай спокойно и до конца жалобы и сведения, которые тебе принесут... никого не принимай и никого не наказывай без причины... На циновках и *икпалли* господ и судей не должно быть страстей, поспешности в поступках или в речах, ничего не следует делать во власти гнева... Не говори ни с кем гневно, не пугай никого своей яростью. Ты также должен, государь, остерегаться легкомысленных речей, ибо это вызовет презрение к твоей особе... теперь ты должен иметь сердце старика, степенного и строгого... Не увлекайся женщинами... Не верь, государь, что циновка и *икпалли* правителей — место увеселений и наслаждений, напротив, это место великого труда, печали и покаяния».

Этот кодекс умеренности, борьба со страстями в первую очередь касались правителя, ибо от него зави-

село всё. Идеалом той эпохи был просвещенный деспот, император-философ, способный владеть собой, чтобы править для общего блага. Показательны историко-легендарные анекдоты, приводимые хронистами. Несауалькойотля в конце его царствования, покончившего с приключениями и преступлениями юности, часто представляют этаким Гарун аль-Рашидом: нарядившись простым охотником, он якобы выслушивал жалобы и сетования простых крестьян, а потом вызывал их во дворец, чтобы наградить богатыми подарками.

Однажды, стоя на балконе, он расслышал горькие слова дровосека, обливавшегося потом под своей ношей: «У того, кто живет в этом дворце, есть всё, что нужно, тогда как мы истощены и умираем с голоду!» Правитель велел позвать дровосека и посоветовал ему прежде всего думать, что говорит, «потому что у стен есть уши». Потом он предложил «соизмерить тяжесть дел, которую приходится нести ему самому, чтобы защитить, отстоять и справедливо управлять столь большим царством», и, наконец, отправил восвояси, осыпав дарами.

«Сей король был столь милосерден к бедным, что обычно он поднимался на веранду, возвышавшуюся над рыночной площадью, дабы взглянуть на бедных людей, продававших соль, дрова и овощи, чтобы поддержать свое существование, — пишет Иштлильшочить. — И если он видел, что эти бедные люди не могут распродать свои товары, то не желал садиться за трапезу, пока его управляющие не пойдут на рынок и сами не купят все эти вещи за двойную цену, чтобы раздать их другим. Особенно он следил за раздачей пищи и одежды старикам, больным, раненым на войне, вдовам и сиротам и тратил на это большую часть выплачиваемой ему дани».

В том же духе рассказывают, что Мотекусوما II, охотясь в садах на окраине города, совершил оплошность: сорвал уже созревший початок маиса, не спросив разрешения у крестьянина. «Государь, ты так могуществен, — сказал ему тот, — как же ты можешь украсть у меня початок? Разве ты не приговорил к смерти по закону того, кто украдет початок маиса или нечто ему равноцен-

ное? — Это верно, — ответил Мотекусوما. — Так почему же ты нарушил собственный закон? — укорил его огородник».

Тогда император предложил ему вернуть этот початок, но крестьянин отказался. Мотекусوما отдал ему свой плащ, императорский *шуайатль*, и сказал своим сановникам: «Этот бедняк выказал больше мужества, чем любой другой из здесь присутствующих, ибо посмел упрекнуть меня в лицо за нарушение моих собственных законов». И он возвел этого крестьянина в ранг *текутли*, поручив ему управлять Шочимилько.

В этих поучительных историях нас интересует не столько то, в какой мере они соответствуют действительности, сколько их соответствие понятиям того времени. Именно таким *должен* быть хороший правитель: способным выслушать жалобы и упреки, милосердным, полным самообладания. Стоя на вершине общества и государства, он должен олицетворять собой добродетели, считающиеся самыми ценными в его время, от него ожидают поддержания порядка в общих интересах.

Искусства как украшение жизни

Цивилизованная жизнь, бывшая в основном жизнью высших сословий, протекала в обстановке, которую искусства делали добротной и утонченной, напоминающей тольтекский золотой век. В мексиканской культуре отсутствовало понятие «искусства для искусства». Скульптура, живопись, ювелирное дело, изготовление мозаики и изделий из перьев, мелкая пластика отражали верования и глубинные тенденции эпохи, отмечали ступени иерархии, окружали повседневную деятельность традиционно почитаемыми формами.

Не будем возвращаться к архитектуре, о которой говорилось в первой главе этой книги. Здания были наполнены статуями и украшены барельефами, по большей части на религиозные сюжеты. Однако существовала и светская скульптура: то встретится грубо вылепленная физиономия простолюдина, то знакомые

образы животных или растений, то торжественное и условное, но не лишенное величественности изображение подвигов правителей или повествование о каком-нибудь историческом событии — например завоеваниях Тисока или освящении главного храма его преемником.

Императорам нравилось оставлять после себя свое изображение в золоте или в камне. Одна из редких золотых статуэток, избегнувших испанских тиглей, изображает Тисока. Четырнадцать резчиков изваяли статую Мотекусомы II в Чапультепеке и получили в награду огромные количества тканей, какао и провизии, да еще по два раба в придачу.

Некоторые здания украшали фресками — эта традиция в Центральной Мексике восходит к цивилизации Теотиуакана, она была особенно популярна в области, лежащей между Мехико и миштекскими горами. Настенные росписи ацтеков исчезли вместе с домами Теночтитлана, однако в удаленных от центра городках, например в Малиналько, еще остались их следы.

Но если фрески, украшавшие стены храмов и дворцов, были уничтожены одновременно с самими этими стенами, обрушившимися под пушечными выстрелами или под ударами кирки, то мексиканская живопись сохранилась в виде раскрашенных манускриптов, дошедших до наших дней. Это промежуточное искусство между каллиграфией и миниатюрой, с изящными, тщательно раскрашенными глифами и изображением исторических или мифологических сценок.

Тлакуило или *тлакуилоани* — писец-художник — был окружен большим почетом, работал ли он для храмов, правосудия или администрации. Древние мексиканцы любили свои книги, и фанатик Сумаррага, тысячами швыряя в костер драгоценные манускрипты, уничтожил огромную часть их культуры*.

Украшением жизни становились прежде всего изделия прикладных искусств: мастера старались «облаго-

* Одна из распространенных исторических легенд — «варварское уничтожение индейских книг религиозными фанатиками-христианами». Следует заметить, что в действительности индейские руко-

родить» предметы — редкостные или повседневные, и это им отлично удавалось, ведь ни в самой заурядной тарелке из терракоты, ни в золотом украшении не было ничего вульгарного, не чувствовалось «халтуры», стремления произвести эффект или жажды наживы. Особое восхищение конкистадоров вызвали необыкновенные творения создателей предметов роскоши из Теночтитлана — ювелиров, камнерезов и «перьевщиков».

Эти *тольтеки* (как мы помним, мастеров наделяли этим почетным титулом, устанавливавшим прямую связь между ними и великой традицией золотого века) умели плавить и формовать белое и желтое золото, обтачивать самые твердые камни, кропотливо создавать мозаики из ярчайших перьев, украшавших щиты, знамена и плащи вождей и богов. Кое-какие инструменты из камня, меди и дерева, мокрый песок для шлифовки нефрита или хрусталя, а главное — бесконечное терпение и вкус, удивительный своей непогрешимостью: вот каковы были средства, позволившие им создать столько чудесных вещей.

Ювелиры использовали восковые формы для изготовления статуэток, изображающих индейцев из чужеземных племен или животных (черепаш, птиц, рыб, моллюсков, ящериц), для ожерелий, украшенных бубенцами и металлическими цветами (все это примеры, приводимые ацтекскими источниками). Они умели придавать золоту «цвет», вываривая его с квасцами. Они изготавливали золотые чешуйки и сусальное золото.

Камнерезы обрабатывали горный хрусталь, аметист, нефрит, бирюзу, обсидиан, перламутр и так далее инструментами из тростника, песка и наждака. На деревянную, костяную или гипсовую основу они крепили пластины цветных камней, художественно складывая их в мозаику.

писные книги довольно быстро приходили в негодность и гибли из-за влажного тропического климата и насекомых. В древности даже существовал ежегодный обряд «обновления книг» — когда их попросту переписывали, добавляя иногда новые разделы, а старые торжественно уничтожали.

«Перьевщики» (*амантека*) либо прикрепляли драгоценные перья тропических птиц к легким каркасам из тростника, привязывая их одно за другим хлопковой нитью, либо приклеивали их на ткань или бумагу, создавая мозаику, в которой некоторые цветовые эффекты достигались за счет прозрачности. Это было типично и исключительно мексиканское искусство, пережившее себя после завоевания в виде картинок из перьев, а потом совершенно исчезнувшее. От этих хрупких шедевров не осталось практически ничего.

Имперский чиновник, вступивший в контакт с испанцами после их высадки в районе Веракруса, «извлек из сундука многочисленные золотые предметы очень хорошей отделки, весьма дорогие, и велел принести десять нош белой хлопковой ткани и перьев — вещи, на которые стоит взглянуть», — вспоминает Берналь Диас. Согласно индейским источникам, Мотекусوما прислал Кортесу богатые подарки: в первую очередь костюм Кецалькоатля, включавший маску из бирюзы, убор из перьев кецаля, большой с нефритовым диском с маленьким золотым кругом посередине, зеркало, инкрустированное бирюзой, браслет из драгоценных камней и с золотыми бубенцами, головным убором из бирюзы и сандалии, украшенные обсидианом.

Вторым подарком был костюм Тескатлипоки, включавший, среди прочего, венец из перьев, золотую нагрудную подвеску и зеркало. Затем шел костюм Тлалока с венцом из зеленых перьев и нефритовыми серьгами, нефритовым и золотым дисками, жезлом из бирюзы, золотыми ножными браслетами. Также в списке — высокий головной убор из шкуры ягуара, украшенный перьями и драгоценными камнями, серьги из бирюзы и золота, нагрудная подвеска из нефрита и золота, щит из золота и перьев кецаля, золотой головной убор, украшенный перьями попугая, и убор из листового золота.

Среди сокровищ, полученных Кортесом от Мотекусомы II и отправленных им Карлу V в июле 1519 года, перечисляют: два «колеса» диаметром в десять ладоней (2,1 метра) — одно из золота, изображающее солнце, другое из серебра, изображающее луну; золотое ожерелье из восьми частей со 183 маленькими изумрудами и

232 «камушками, похожими на гранат», на которое были подвешены 27 золотых бубенцов; деревянный шлем, покрытый золотом; золотой скипетр, усыпанный жемчугом; 24 щита из золота, перьев и перламутра; пять рыбок, два лебедя и другие птицы, отлитые из золота; две большие раковины и золотой крокодил с филигранью; многочисленные головные уборы, плюмажи, веера и опахала из перьев и золота.

По мере того как империя ацтеков расширялась и подчиняла себе тропические земли, откуда поступали перья, миштекские горы, где находили золотой песок в ручьях, и побережье Мексиканского залива, где добывали самый ценный нефрит, жизнь мексиканцев окружалась пышной роскошью и изяществом; статуи богов покрывали плащами из перьев, а сановники, забыв о былом аскетизме, украшали себя яркими перьями, золотыми украшениями, резными камнями. Мы видели, что самые знатные люди любили изучать искусство камнерезов и сами обрабатывали нефрит или бирюзу.

Золото и серебро в меньшей степени возбуждали восхищение, чем перья и драгоценные камни, беспрестанно упоминаемые в текстах и стихах. Золотисто-зеленый цвет перьев кецаля, бирюзовая зеленоватая голубизна перьев *шиутототля*, яркая желтизна перьев попугая, прозрачная зелень больших кусков нефрита из Шикаланко, красный цвет граната и мрачная прозрачность обсидиана завораживали вельмож и поэтов, купцов и кустарей. Их многоцветный блеск окружал жизнь людей сиянием роскоши и красоты.

Искусство речи. Музыка и танец

Мексиканцы гордились своим языком — науатль, ставшим в начале XVI века общим языком этой огромной страны. «Мексиканский язык считается родным, а наречие Тескоко — самым благородным и утонченным». Все остальные наречия слывут грубыми и резки-

* Надо понимать, что науатль был общим языком Тескоко и Мехико, однако в Тескоко его использовали с большим изяществом.

ми... Мексиканский язык распространен во всей Новой Испании... а остальные считаются варварскими и чужеземными... Это самый звучный и богатый язык, какой только бывает на свете. Он не только полон достоинства, но и мягок, любезен, знатен и благороден, лаконичен, легок и гибок», — пишет Муньос Камарго.

В самом деле, науатль обладает всеми качествами, необходимыми языку цивилизации. У него легкое произношение, он ясен и мелодичен. У него очень богатый словарь, а присущие ему способы словообразования позволяют создать любые необходимые слова, в частности для обозначения абстрактных понятий. Он замечательно подходит для выражения всех оттенков мысли и всех граней реальности. Он приравнивается как к лаконичной сжатости исторических хроник, так и к цветистой риторике речей или поэтических метафор. Это великолепный материал для литературы.

Система ацтекского письма в рассматриваемую нами эпоху являла собой компромисс между рисуночным принципом и фонетическим. Символ поражения (горящий храм), глиф войны *атль-тлачинолли*, ночь, изображаемая в виде черного неба и закрытого глаза, хронологические символы — идеограммы. Слоги или группы слогов *тлан* (зубы — *тлантли*), *те* (камень — *тетль*), *куау* (дерево — *куауитль*), *а* (вода — *атль*), *цинко* (нижняя половина человеческого тела — *цинтли*), *аколь* (локоть — *аколли*), *пан* (штандарт — *пантли*), *иш* (глаз — *иштолотли*), *тео* (солнце в значении «бог» — *теотль*), *койо* (круглая дыра — *койоктик*), *тенан* (стена — *тенамитль*), *теку* (диадема, то есть «господин» — *текутли*), *икпа* (моток ниток — *икпатль*), *ми* (стрела — *митль*), *йака* (нос — *йакатль*) и многие другие являют собой примеры фонетизма. Условные, зачастую стилизованные символы, изображающие собой перечисленные предметы, служат для обозначения звуков, даже если о самих предметах речи вовсе не идет. Так, например, название поселка Отлатитлан обозначают тростником — *отлатль* (идеограмма) и зубами — *тлан* (фонограмма). На практике две эти системы сочетали, используя также цвет: слово *текосаутла* обозначали камнем (*тетль*) на желтом

фоне (*косауик*), слово *тлатлаукитенек* — стилизованной горой (*тепетль*) красного цвета (*тлатлауки*). Наконец, мифологические или исторические сценки попросту изображали в виде персонажей с глифами, соответствующими их именам, и при необходимости вместе со знаками, устанавливающими дату события.

В таком виде письменность не позволяла в точности передать разговорный язык. Смесь фонограмм, символов и изображений подходила для краткой записи событий, опорных моментов для памяти. Исторические рассказы, гимны, поэмы приходилось выучивать наизусть: книги могли служить только конспектами. В этом и состояло одно из главных направлений образования, которое молодые люди получали от жрецов в *кальмекаке*: «Они тщательно заучивали песнопения, которые называли песнями богов, записанные в книгах. И они тщательно заучивали счет дней, книгу снов* и книгу лет».

По счастью, в период после завоевания, благодаря просвещенным людям, таким как Саагун, определенное число индейцев научились писать латинскими буквами и воспользовались этим инструментом, бесконечно превосходившим тот, каким они располагали прежде, для переложения сохранившихся туземных книг или для записи того, что помнили наизусть. Так удалось спасти хоть какую-то, пусть и небольшую, часть древней мексиканской литературы.

Эта литература была настолько разнообразной и разносторонней, что ни один другой народ, стоявший на таком же уровне социального развития, не создавал ничего подобного. Она охватывала все области жизни, потому что ее целью было сохранить в памяти все знания, накопленные предшествующими поколениями: религиозные воззрения, мифы, обряды, гадания, врачевание, историю, право; кроме того, она включала в себя риторику, эпическую и лирическую поэзию.

* Древние мексиканцы придавали огромное значение вещим снам. Тиран Тесосомок отдал приказ убить Несауалькойотля после того, как ему приснилось, что на него напали орел, тигр, змей и койот, и это заставило его опасаться мести со стороны юного принца.

Прозаические произведения включали в себя назидательные речи, мифы, исторические повествования, а стихи, чаще всего написанные хореем, — религиозные или светские поэмы. Множество отчетов или описаний, которые в литературе древнего мира составили бы в прозе, в Мексике заучивали в форме стихов или ритмических фраз, которые было легче хранить в памяти. Риторика и поэтика использовали языковые средства с максимальным эффектом. Богатство наuatля позволяло нанизывать полусинонимы, отличающиеся друг от друга легкими нюансами, для описания одного и того же события. В переводе это создает видимость многословия, но в оригинале достигает задуманного эффекта.

Чтобы сообщить о том, что колдун Титлакауан принял облик старика, ацтекский рассказчик буквально говорит примерно следующее: «Он превратился, преобразился, нарядился старикашкой, согбенным, седым, с белыми волосами». Другой распространенной стилистической фигурой было выражение какого-либо понятия путем соположения двух слов, образующих «дву-член», например: *миштитлан айаутитлан* (в облаках, в тумане) — таинственно; *нома нокиши* (моя рука, моя нога) — мое тело; *ин чальчиутль ин кецалли* (нефрит, перья) — богатство или красота; *итлатоль иийо* (его слово, его дыхание) — его речь; *ин шочитль ин куикатль* (цветок, пение) — поэма и т. д.

Та же тенденция проявляется в параллелизме, к которому постоянно стремились в поэмах и речах: этот стилистический прием состоит в том, чтобы ставить рядом две фразы, равнозначные по смыслу: *чокистли мотека, ишайотль тишауи* — «скорбь переполняет, слезы текут». Стремилась также к фонетическому параллелизму — ассонансу, аллитерации. Все эти фигуры, а также тщательно продуманные метафоры были отличительной чертой красноречия, манерой говорить, подобающей хорошо воспитанному, культурному человеку.

Насколько стиль летописей был сухим, лаконичным, сведенным к четкому изложению фактов, настолько стиль речей был цветистым, даже выпрненным на наш вкус. Мы уже приводили выше несколько примеров. Невозможно преувеличить необычайное пристрастие

мексиканцев к философско-моралистической риторике. Они цеплялись за любой повод, чтобы неустанно разглагольствовать, бесконечно отвечая друг другу, обмениваясь «общими местами» (в смысле латинской риторики), то есть общепризнанными понятиями, на которые они набрасывали покров своих метафор. «Они страстно увлекались ораторским искусством, — пишет Муньос Камарго. — Произнося свои речи, они сидели на пятках, не касаясь земли, не поднимая глаз, не сплевывая, не жестикулируя, и не смотрели вам в лицо. Закончив, оратор поднимался и уходил, опустив голову, не поворачиваясь спиной, выказывая скромность».

По случаю любого происшествия в общественной или частной жизни устраивались настоящие турниры красноречия, будь то в связи с избранием императора, рождением ребенка, уходом купцов в экспедицию или свадьбой.

Поэзия ценилась не меньше. Сановники и их родня, в том числе самые знатные женщины, стремились отличиться в поэтическом искусстве. В Тескоко, где особенно почиталось всё, что относилось к красноречию, один из четырех высших правительственных советов назывался «советом музыки и наук». В его обязанности, помимо исполнения законов, касающихся культов и колдовства, входило поощрение поэзии: он организовывал состязания, после которых правитель раздавал победителям ценные подарки.

Помимо поэтов-любителей — образованных аристократов, самым известным из которых был сам правитель Несауалькойотль, — на службе вельмож состояли профессиональные поэты, воспевавшие подвиги героев, величие правящих династий, а также очарование и томление жизни. Эти поэты преподавали пение и музыку в «домах пения» (*куикакали*), пристроенных к дворцам или находившихся на содержании кварталов.

Само прозвание поэта (*куикани*, «певец»*) показывает, что стихи и пение были синонимами, ибо стихи всегда пели или, по крайней мере, декламировали под

* В индейских обществах «певец» всегда означало, скорее, «жрец», «предсказатель». Так и до сих пор в Мексике называют (даже на испанском языке) людей, выполняющих в индейской общине жреческие обязанности.

аккомпанемент музыкальных инструментов. Перед текстом некоторых стихов идут пометки с указанием ритма *тепонацтли*, звук которого сопровождал декламацию. Некоторые произведения показывают, что поэт сознавал свою высокую задачу:

Я обтачиваю нефрит, я наливаю золото в тигли —
Вот моя песнь!
Я оправляю изумруды —
Вот моя песнь!

Он говорил также:

Я, поэт, владыка песни,
Я, певец, бью в свой барабан.
Да пробудит мой зов
Души погибших товарищей!

Или еще:

Я, певец, создаю поэмы,
Отшлифованные, как драгоценный изумруд,
Как изумруд, блестящий и яркий;
Я подстраиваюсь под переливы
Мелодичного голоса *циницкана*...
Как звон бубенцов,
Звон золотых бубенцов...
Так и я пою мою благоуханную песнь,
Похожую на драгоценность,
На яркую бирюзу, на сияющий изумруд, —
Мой гимн, расцветший по весне.

Сами ацтеки различали некоторое количество «жанров»: в первую очередь *теокуикатль* («божественная песнь»), или гимн. Некоторые из них, по счастью, были записаны Саагуном благодаря индейским информаторам, став настоящим сокровищем для изучения языка и религиозной мысли древних мексиканцев. Читая их, надо понимать, что стихи не только пели, но и «играли», то есть каждый из стихов (наверное, повторяемый великое множество раз) сопровождал определенную фазу ритуала, некоторые деяния жрецов, определенные танцы в масках.

Эти религиозные песнопения, передаваемые из уст в уста с давних времен, зачастую были очень неясны-

ми, порой даже совершенно непонятными для самих ацтеков или, по крайней мере, для тех из них, кто не был жрецами. Они перегружены эзотерическими намеками и метафорами.

Цветок моего сердца распустился,
Вот владыка Полночи.
Пришла наша мать,
пришла богиня Тласольтеотль.

Он родился, бог Маиса,
в стране отдохновения,
В месте, где растут цветы,
Он, (именуемый) «Один-Цветок».

Он родился, бог Маиса,
В месте дождя и тумана,
Там, где появляются дети людей,
Там, где ловят нефритовых рыб.

Вот и рассвет, заря занимается,
Кечаль-колибри пьют нектар
В месте, где растут цветы...

Этот гимн пели раз в восемь лет, по случаю праздника Атамалькуалистли*. А в честь Уицилопочтли, национального бога Теночтитлана, пели следующее:

Я Уицилопочтли, воин.
Никто не сравнится со мной.
Недаром я надел свой плащ из желтых перьев,
Благодаря мне встало солнце!

А вот гимн в честь богини Тетеоиннан, матери богов:

Раскрылся желтый цветок.
Она, наша мать,
Запечатленная на лике из кожи бедра Богини,
Явилась из Тамоанчана.

Раскрылась желтая роза.
Она, наша мать,
Запечатленная на лике из кожи бедра Богини,
Явилась из Тамоанчана.

* Большой цикл Венеры.

Раскрылся белый цветок.
Она, наша мать,
Запечатленная на лице из кожи бедра Богини,
Явилась из Тамоанчана.

Ах! Она стала богиней
Среди кактусов, наша мать,
Ицпалалотль (Обсидиановая бабочка).

Ах! Ты видала Девять долин!
Она питается сердцами оленей,
Наша мать, владыка Земли.

А вот другая богиня Земли, Сиуакоатль, в двойной
ипостаси — воинской и плодоносящей:

У орлицы, орлицы Куиластли
Лицо окрашено кровью змеи.
Орлиные перья образуют ее венец.
Высокий кипарис, защищающий
страну чалмеков, богиня Колуакана.

Маис — в божественном поле.
Богиня опирается на свой посох с трещоткой.
Шип агавы, шип агавы в моей руке,
Шип агавы в моей руке.
В божественном поле
Богиня опирается на свой посох с трещоткой.
Пучок трав в моей руке.
В божественном поле
Богиня опирается на свой посох с трещоткой.
«Тринадцать-Орел» — так ее называют,
Нашу мать, богиню Чалмана.
Дайте мне стрелу из кактуса, божественный символ.
Вот мой сын Мишкоатль.

Наша мать воительница, наша мать воительница,
Олень из Колуакана,
На ней убранство из перьев.

Утро настало, отдан приказ к сражению.
Утро настало, отдан приказ к сражению.
Хоть бы нам привести пленников!
Земля будет опустошена!
Олень из Колуакана,
На ней убранство из перьев.

Другие гимны, попроще, сводились, в сущности, к бесконечно повторяемым магическим заклинаниям, например песнь в честь Чикомекоатль, богини маиса, посредством которой старались пробудить растительность перед ее ежегодным возрождением:

О досточтимая богиня Семи Початков,
Встань, пробудись!
О наша мать, ты покидаешь нас сегодня,
Ты отправляешься в свою страну Тлалокан.

Встань, пробудись!
О наша мать, ты покидаешь нас сегодня,
Ты отправляешься в свою страну Тлалокан.

Остальные стихи мексиканцы распределяли по разным категориям в зависимости от их сюжета, происхождения или жанра: *йаокуикатль* — военная песнь, *чалькайотль* — стихи в манере жителей Чалько, *шочикуйкатль куэкуэчтли* — цветистая и лукавая песнь, *шопанкуикатль* — весенние стихи. Некоторые из таких стихотворений были настоящими «сагами», например песнь о Кецалькоатле, другие — размышлениями о быстротечности жизни или о непредсказуемости судьбы.

Наконец, в сочетании декламации, песнопений, танцев и музыки присутствуют элементы драматического искусства: переодетые актеры олицетворяли собой исторических или мифологических персонажей и вели диалоги. Хор и некоторые персонажи обменивались репликами: в таких представлениях, бывших одновременно балетами и трагедиями, на сцену выводили, например, правителя Несауальпилли, его отца Несаулькойотля, императора Мотекусому и т. д. В их канву вклинивались песни-пантомимы, некоторые из них исполняли женщины. Например:

Мой язык из коралла,
Из изумруда мой клюв;
Я дорожу собой, о мои предки,
Я, Кецальчикцин.
Я раскрываю крылья,
Я плачу перед ними:
Как мы поднимемся в небо?

Актриса, певшая эти стихи, вероятно, была наряжена птицей.

Цветы и смерть, два неразлучных наваждения, украшают всю лирическую мексиканскую поэзию своими лучами и своей тенью:

Ах, если бы мы жили вечно!
Ах, если б мы никогда не умирали!
Мы живем с истерзанной душой,
Над нами раздражаются молнии,
Нас подстерегают, на нас нападают.
Мы живем с истерзанной душой. Надо страдать!
Ах, если бы мы жили вечно!
Ах, если б мы никогда не умирали!

Или еще:

Разве мое сердце не исчезнет,
Как увядшие цветы?
Разве мое имя не обратится однажды в ничто?
Разве моя слава не развеется на земле?
Но цветы хотя бы цвели! Песни хотя бы звучали!
А как выжить моему сердцу?
Ах, напрасно мы приходим на землю!

Та же навязчивая мысль звучит в этой поэме из Чалько:

Напрасно ты хватаешь свой расцвеченный барабан,
Бросаешь горстями цветы —
Цветы увядают!

Мы тоже поем здесь новую песнь,
И новые цветы
В наших руках.
Пусть наши друзья наслаждаются цветами!
Пусть развеется грусть нашего сердца!

Пусть никто не поддастся печали,
Пусть ничья мысль не блуждает по земле.
Вот наши цветы и драгоценные песни.
Пусть возрадуются им наши друзья!
Пусть развеется грусть нашего сердца!

О друзья, эта земля нам дана лишь на время.
Придется оставить прекрасные стихи,
Придется оставить прекрасные цветы.
Вот почему я грущу, распевая для солнца:
Придется оставить прекрасные стихи,
Придется оставить прекрасные цветы.

И от этого переходили к выражению эпикурейской философии, которая, судя по всему, была очень распространена в высших слоях ацтекского общества:

О, на землю не вернуться дважды,
О владыки чичимеки!
Будем счастливы!
Разве можно забрать цветы в страну мертвых?
Они нам даны лишь на время.
Истина в том, что мы уходим,
Покидаем цветы, песни и землю.
Истина в том, что мы уходим...
Коль только здесь, на земле,
Существуют цветы и песни,
Да будут они нашим богатством,
Да будут они нашей красотой,
Возрадуемся вместе с ними!

Наконец, в поэзии находила отражение величественная мексиканская природа. Один из послов, отправленных Уэшоцинко за помощью к императору Мотекусоме, увидел с высоты гор панораму долины Мехико:

Я поднимаюсь, вот я наверху.
Огромное сине-зеленое озеро,
То тихое, то бурное,
Брызжет пеной, поет среди скал.
...В ярких водах зеленого камня
Мечется, ныряет и кличет
Сияющий лебедь,
Омывая свои великолепные перья.
А когда Солнце заходит;
Солнце, отец наш,
Погружается, в богатые перья одетый,
В урну из драгоценных камней,
В ожерелье из бирюзы,
Среди разноцветных цветов,
Падающих проливным дождем.

Подобные небольшие отрывки едва ли могут создать представление о богатстве этой литературы, дошедшей до нас лишь фрагментарно. Пламенная любовь древних мексиканцев к ораторскому и поэтическому искусству, к музыке и танцам свободно изливалась во время праздников, пиров, бесчисленных церемоний, когда молодые люди в роскошных украше-

ниях танцевали с куртизанками, облаченными в самые красивые наряды, а сановники и сам император участвовали в традиционных танцах. Танец был не только развлечением и даже не только ритуалом, а способом «заслужить» милость богов, «служба им и призывая их всем своим телом».

Ацтекская музыка (от нее не осталось ничего за неимением нотной записи) не располагала богатым выбором средств: всего несколько духовых инструментов — раковина, труба, флейта, свисток, а в основном — ударные: вертикальный барабан (*уэуэтли*) и горизонтальный барабан, издающий два звука (*тепонастли*).

Музыка в основном задавала ритм для голоса и тела, и прохладными ночами на высокогорном плато, у подножия пирамид, которые неясно высились в темноте, в свете смолистых факелов поющая и танцующая толпа погружалась в коллективный экстаз. Каждый жест, каждая поза соответствовали обрядам и правилам. В сопричастности пения и ритмичных движений под пульсацию барабанов толпа обретала, не выходя за рамки своего долга и даже наоборот, в самих этих рамках, выход для страстей своей порывистой души. Цивилизация самообладания, навязывавшая всем, и в первую очередь элите, строгую дисциплину, мудро предусмотрела для сдерживаемых страстей допустимую разрядку под взглядом богов. Стихи и музыка, ритм и танец, длящийся часами на большой площади священного города, меж красных огней факелов — это было освобождение, на некоторое время дарованное этим бесстрастным людям порядком, который требовал от них стольких усилий.

Со своими сильными сторонами и слабостями, с идеалом порядка и жестокостью, зачарованные таинством крови и смерти, чувствительные к красоте цветов, птиц и камней, набожные до самоубийства, невероятно практичные в организации своего государства, привязанные к своей земле и своему маису, но в то же время беспрестанно глядящие на звезды, жители древней Мексики были цивилизованными людьми.

Их культура, столь внезапно уничтоженная, относилась к тем, созданием которых человечество может

гордиться. Она должна занять свое место в умах и сердцах всех тех, для кого наше общее достояние состоит из всех ценностей, созданных человеческим родом везде и во все времена, среди сокровищ, которые тем более драгоценны, что редки. Время от времени, в бесконечности, в бескрайнем равнодушии мира объединившиеся в общество люди порождают нечто, что превосходит их самих, — цивилизацию. Это создатели культур. И к таким людям можно отнести индейцев из долины Анауак, лежащей у подножия вулканов, на берегу широких озер.

ПРИЛОЖЕНИЕ

18 ацтекских месяцев и связанные с ними ритуалы

Атль кауало (остановка воды), или *Киауитль зуа* (дерево вырастает). Принесение детей в жертву богу дождя Тлалоку и Тлалокам (стран света).

Тлакашштеуалистли (содранная человеческая кожа). Праздник Шипетотека. Принесение в жертву пленников, с которых затем сдирали кожу. В их кожу облачались жрецы.

Тосостонтли (малое бдение). Принесение цветов в дар богине Коатликуэ.

Уэй тосостли (большое бдение). Празднества в честь Сентеотля, бога маиса, и Чикомекоатль, богини маиса. Принесение в дар цветов и пищи в храмах *кальтулли* и в частных молельнях. Процессия девушек с початками маиса в храме Чикомекоатль. Песни и пляски.

Тошкатль (засуха?). Праздник Тескатлипоки. Принесение в жертву юноши, олицетворяющего Тескатлипоку, который целый год жил как вельможа.

Эцалькуалистли (*эцалли* — блюдо из маиса и вареной фасоли, *куалистли* — поедание). Праздник Тлалока. Ритуальные омовения в озере. Танцы и поедание *эцалли*. Посты и покаяния жрецов. Принесение в жертву людей, олицетворяющих богов воды и дождя.

Текуильютонтли (малый праздник вельмож). Обряды, проводимые солеварами. Принесение в жертву женщины, олицетворяющей собой Уиштосиуатль — богиню соленой воды.

Уэй текуильуитль (большой праздник владык). Раздача продовольствия населению. Танцы. Принесение в жертву женщины, олицетворяющей собой Шилонен — богиню молодого маиса.

Тлашочимако (дарование цветов). Собирали луговые цветы, украшали цветами храм Уицилопочтли. Увеселения, пиры, большие танцы.

Шокотль уэци (плод падает). Праздник бога огня. Принесение пленников в жертву Шиутекутли, или Уэуэтеотлю. Холостяки взбирались на столб с фигуркой, слепленной из теста из семян *уаутли*, и дрались за ее куски.

Очтанистли (месяц метелок). Праздник богинь земли и растительности, которых всегда изображают с травяным венчиком в руке, чтобы мести дорогу перед богами (то есть растениями — маисом и др.). Танцы. Имитация сражений между женщинами — целительницами и куртизанками. Принесение в жертву женщины, служащей во плотиением Тоси, или Тетеоиннан, матери богов. Шествие воинов перед императором, который каждому вручал знаки отличия или почетное оружие.

Теотлеко (возвращение богов). Считалось, что боги вернутся на землю: в первую очередь — Тескатлипока, а в последнюю — старый бог огня, которому приносили в жертву людей.

Тепешильуитль (праздник гор). Из теста *уаутли* лепили небольшие изображения гор, символизирующих богов дождя, а затем по-

едали. Принесение в жертву пяти женщин и одного мужчины, олицетворяющих собой богов земного плодородия.

Кечалли (название птицы). Праздник Мишкоатля, бога охоты. Изготовление стрел. Большая охота на горе Сакатепетль. Жертвоприношения Мишкоатлю.

Панкецалицтли (поднятие знамен из перьев кецаля). Большой праздник Уицилопочтли, имитация сражений. Процессия бога Пайналя, помощника Уицилопочтли, проходившая через несколько поселков вокруг Мехико. Жертвоприношения.

Атемоцтли (спуск воды). Праздник богов дождя. Пост. Из теста амаранта лепили изображения богов дождя, которых «убивали» с помощью *цоцопастли* (часть ткацкого станка, длинная и плоская). Принесение в дар еды и питья.

Тититль (?). Принесение в жертву женщины, полностью одетой в белое и олицетворяющей собой старую богиню Иламатекутли. Шутовские сражения, во время которых юноши били женщин мешками.

Искалли (рост). Праздник в честь бога огня. Детям протыкали уши и «представляли» их огню. Каждые четыре года приносили в жертву людей, одетых и наряженных богом огня.

Далее следовали пять дней *немонтеми*, считавшиеся настолько неблагоприятными, что в это время ацтеки воздерживались от деятельности всякого рода.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ*

- Ацтеки: империя крови и величия / Пер. с англ. М., 1997.
- Баглай В. Е.* Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй. М., 1998.
- Вайян Дж.* История ацтеков / Пер. с англ. М., 1949.
- Галич М.* История доколумбовых цивилизаций. Пер. с исп. М., 1990.
- Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972.
- Диас Б.* Записки солдата Берналя Диаза. Т. 1—2. М.-Л., 1924—1925.
- Ершова Г. Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М., 2002.
- Искусство древней Мексики. М., 1980.
- Кецаль и голубь. Поэзия нагуа, майя и кечуа. М., 1983.
- Кинжалов Р. В.* Орел, кецаль и крест. М., 1991.
- Кинжалов Р. В., Белов А. В.* Падение Теночтитлана. Л., 1956.
- Лас Касас Б.* История Индий. Л., 1968.
- Леон-Портилья М.* Философия нагуа / Пер. с исп. М., 1961.
- Соди Д.* Великие культуры Месоамерики / Пер. с исп. М., 1985.
- Стингл М.* Индейцы без томагавков / Пер. с чешск. М., 1971.
- Сустель Ж.* Ацтеки. Воинственные подданные Монтесумы / Пер. с фр. М., 2003.
- Хэммонд И.* Конкистадоры / Пер. с англ. М., 2002.
- Anales mexicanos. Mexico, 1949.
- Barlow R. H.* The Extent of the Empire of Culhua Mexica. Berkley and Los Angeles, 1949.
- Burland A.* The Gods of Mexico. N.Y., 1967.
- Burland A.* Montezuma: Lord of the Aztecs. L., 1973.
- Caso A.* La religion de las aztecas. Mexico, 1945.
- Garibay A. M. K.* Historia de la literatura nahuatl. Vol. 1, 2. Mexico, 1971.
- Ixtlilxochitl F. A.* Obras completas. Mexico, 1977.
- Sabagun B.* Historia general de las cosas de Nueva Espana. Vol. 1—4. Mexico, 1956.
- Sanders W. T., Price B. J.* Mesoamerica: the Evolution of a Civilization. Ch. 8. N.Y., 1968.
- Soustelle J.* La vie quotidienne des azteques a la veille de la conquete espagnole. P., 1955.
- Soustelle J.* Les azteques. P., 1970.
- Tezozomoc A.* Cronica mexicana. Mexico, 1943.

* Перечисленные в оригинальном издании работы, малодоступные отечественному читателю, заменены небольшим, но достаточно представительным списком русскоязычных и переводных трудов.

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Ершова. Мир древних мексиканцев
6

Вступление
15

Глава первая. Город

Происхождение и местоположение. Размеры и население. Общий вид, дороги и движение. Площади и монументы. Проблемы большого города.
Теночтитлан, молодая столица
30

Глава вторая. Общество и государство в начале XVI века

Руководящий класс. Восходящий класс: торговцы. Ремесленники.
Простолюдины. Рабы. Богатство и бедность: уровни жизни.
Правитель, высшие сановники, совет
68

Глава третья. Мир, человек и время

Ненадежный и опасный мир. Небо и земля. Смерть и возрождение. Судьбы и знамения. Имперская религия
129

Глава четвертая. День мексиканца

Дом, обстановка, сады. Пробуждение, утренний туалет и одевание. Дела, труды, церемонии. Еда. Игры и развлечения. Ритм дня и ночи
155

Глава пятая. От рождения до смерти

Наречение имени. Детство и юность, воспитание. Вступление в брак и семейная жизнь. Болезнь и старость. Смерть и погусторонний мир
199

Глава шестая. Война

240

Глава седьмая. Цивилизованная жизнь

Варварство и цивилизация. Самообладание, хорошие манеры, общественный порядок. Искусства как украшение жизни. Искусство речи.
Музыка и танец
254

Приложение
284

Краткая библиография
286

С 90 **Сустель Ж.** Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания / Жак Сустель; науч. ред. и вступ. ст. Г. Г. Ершовой; пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 287 [1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03021-3

Империя ацтеков (мешиков) процветала в Центральной Мексике на протяжении двух столетий, пока в XVI веке ее не уничтожили испанские конкистадоры. Цивилизация ацтеков стала высшим этапом развития доколумбовых культур Америки, соединив в себе примитивность и утонченность, развитую социальную организацию и кровавые человеческие жертвоприношения. Исследование известного французского антрополога и политика Жака Сустеля (1912—1990) с непревзойденной полнотой изображает жизнь разных сословий ацтекского общества — труд и отдых, войны, праздники, пышные религиозные обряды, быт столичного города Теночтитлана, на месте которого раскинулся нынешний Мехико. Эта книга адресована не только специалистам, но и всем, кого интересуют древние культуры Мезоамерики.

**УДК 94(100)“653”(72)
ББК 63.3(7Мек)4**

Сустель Жак

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АЦТЕКОВ
НАКАНУНЕ ИСПАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **В. В. Эрлихман**

Художественный редактор **Е. В. Кошелева**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 03.04.2007. Подписано в печать 14.06.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 15,12+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 73856.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dsej@gvardiya.ru

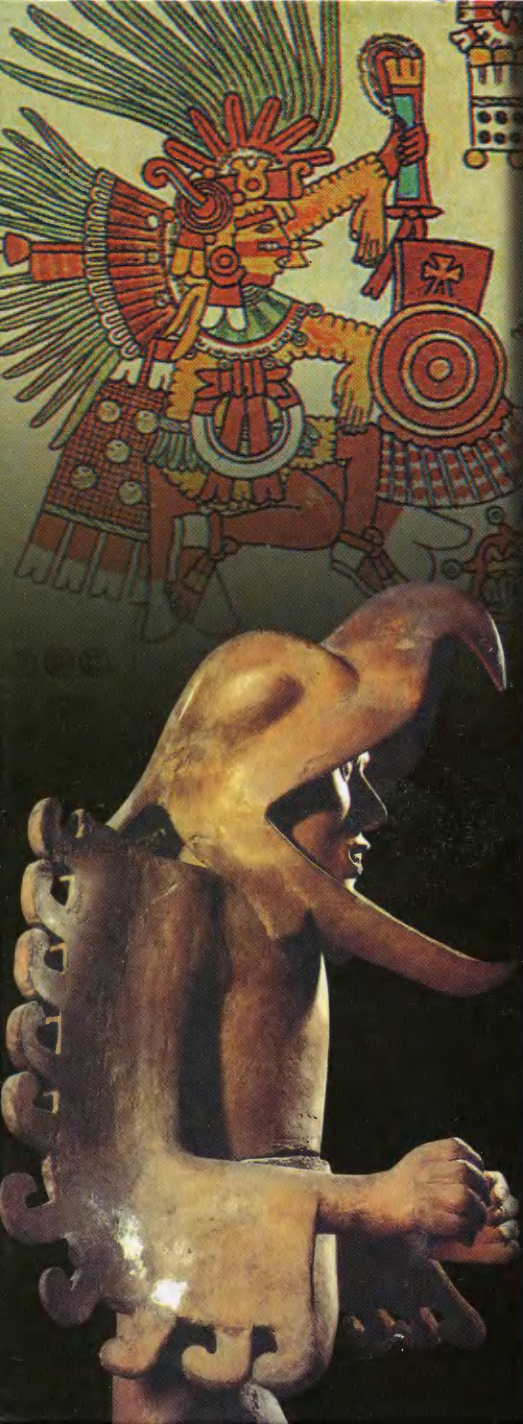
Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03021-3

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

А. Б. Вульфов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

А. Каспи

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
США В ЭПОХУ
«СУХОГО ЗАКОНА»

О. Елисеева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ
В ЗОЛОТОЙ ВЕК
ЕКАТЕРИНЫ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АРМИИ
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Л. Реньё

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ

ISBN 978-5-235-03021-3

9 785235 030213 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ